

Е. Ф. Грекулов

Православная церковь — враг просвещения

Annotation

И в наше время книга советского историка и пропагандиста атеизма Ефима Фёдоровича Грекулова не теряет своей актуальности. Данное научно-популярное издание содержит подробное изложение исторических фактов, освещающих тёмные стороны роли церкви в развитии науки и образования России, демонстрирует примеры обскурантизма и мракобесия, которые старательно пытается скрыть клерикальная пропаганда.

- [Глава I. Союз самодержавия и православия против просвещения](#)
- [Глава II. Духовное и политическое развращение народа в начальной школе](#)
- [Глава III. Проповедь религии и монархизма в средней школе](#)
- [Глава IV. Церковное влияние на внешкольное образование](#)
- [Глава V. Насаждение религиозной идеологии в высшей школе](#)
- [Глава VI. Духовная цензура и её борьба против науки](#)

Е. Ф. Грекулов

Академия наук СССР. Научно-популярная серия.
Издательство АН СССР. М.: 1962 г.

Глава I. Союз самодержавия и православия против просвещения

Церковь в союзе с самодержавием выступала в роли неистового гонителя просвещения народных масс, в роли рассадника невежества и самой тёмной идеологической реакции.

Царское правительство использовало просвещение для оправдания крепостнических порядков и эксплуатации. Оно стремилось помешать распространению грамотности, воспитать народ в духе преданности самодержавию и религии, в духе подчинения помещикам — крепостникам, старалось увести народ от революционной борьбы.

Ближайшим помощником самодержавия в этой реакционной политике была православная церковь. Истинным просвещением признавала она только «просвещение, на религии и образовании нравственности основанное». «Просвещение же, не подкреплённое спасительными уроками добродетели, не освящаемое благодатным влиянием религии, — учили представители церкви, — более пагубно, чем полезно»¹.

Идеологи господствующих классов пытались внушить народу, что для сохранения прочности «гражданского общества» и поддержания в нём порядка «нет ничего нужнее, как святое уважение веры».

Напуганное подъёмом освободительного движения, особенно после Отечественной войны 1812 года, самодержавие сделало решительный поворот в сторону реакции. Религию старались сделать главной, даже единственной духовной пищей народа. Религиозная идеология распространялась через церковные проповеди, специальную литературу и особенно через школы.

Для усиления влияния религии на просвещение в 1817 г. министерство просвещения было реорганизовано в министерство духовных дел и народного просвещения, во главе которого стал мракобес и ханжа обер-прокурор синода князь Голицын, по словам Пушкина «холопская душа» и «просвещения губитель».

Цель объединения министерства просвещения с духовным ведомством заключалась, как сказано в царском манифесте, в том, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения»². Программа нового министерства была чётко выражена в инструкции Учёному комитету: «народное воспитание, основу и залог благосостояния... направить... к водворению постоянного и спасительного согласия между верой, ведением и властью, или, другими словами, между христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским»³. Объявив, что научное знание нужно подчинить религии, правительство потребовало от учёных отказаться от свободы научного исследования.

Новое министерство с Голицыным во главе широко развернуло религиозно-мистическую пропаганду, оно стремилось положить религиозные принципы в основу всей системы воспитания и образования. Один из реакционных деятелей нового «министерства затемнения», директор департамента В. М. Попов, неуч и крайний мистик, был охарактеризован известным сатириком А. Ф. Воейковым в его произведении «Дом сумасшедших» так:

Хоть без книжного учения И псалтырь одну читал, А директор просвещения И с звездою генерал⁴.

Поддержкой правительства пользовалось только реакционно-монархическое и клерикальное направление. Школа рассматривалась как место подготовки покорных слуг самодержавия и крепостничества, науку стремились подчинить религии. Министров и попечителей подбирали из числа наиболее реакционных сановников, профессоров и генералов.

Программу помещиков-крепостников в деле народного образования выразил министр народного просвещения в адмиральском мундире Шишков. Он считал, что все младшее поколение литераторов, начиная с Карамзина, безбожно и во всех отношениях вредно.

Как говорили современники, у Шишкова был такой девиз: «слепо веруй и ничего не знай, ничего не понимай, ни о чем не рассуждай». В речи, произнесённой перед работниками министерства, с одобрения присутствовавшего при этом Александра I, Шишков заявил: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности. Обучить грамоте весь народ или несоразмерное числу оно количество людей принесло бы больше вреда, нежели пользы»⁵.

Следуя этому принципу, самодержавие открывало столько школ, чтобы удовлетворить нужду лишь в грамотных писарях и других представителях сельской власти. Шишков предостерегал от заразы «лжемудрыми мудрствованиями» и подчёркивал необходимость религиозного воспитания: «науки, изощряющие ум, не составят без веры благоденствия народного», — писал он.

Восстание декабристов, ставившее целью уничтожить самодержавие и крепостное право, а затем польское восстание 1830 года напугали самодержавие. Подавив их с исключительной жестокостью, Николай I, эта «самодовольная посредственность, с кругозором ротного командира»⁶, организовал наступление на просвещение — науку, литературу, искусство. Насаждая религию и послушание самодержавию, правительство стремилось уничтожить семена, посеянные декабристами, противостоять влиянию передовых идей Запада, особенно идей французских просветителей и утопического социализма. Как писал известный историк С. М. Соловьев, при Николае I «просвещение перестало быть заслугой... Фрунтовики воссели на всех правительственных местах, и с ними воцарилось невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки»⁷.

Во главе министерства просвещения был поставлен граф С. С. Уваров — творец казённой славянофильской идеологии с её тремя китами — православием, самодержавием и народностью. Во времена Уварова возросла роль священника как второго жандарма в деревне. Правительство использовало духовенство, чтобы задержать просвещение народа.

Уварова сменил известный обскурант — князь Ширинский-Шихматов, — человек, по словам современников, ограниченный, без образования, славившийся своей набожностью. Став министром, Ширинский-Шихматов объявил войну «духу неверия». По его предложению в университетах были уничтожены кафедры философии, а преподавание логики и психологии поручено священникам — профессорам богословия.

Деятельность Ширинского-Шихматова и его предшественника тяжело отразилась на состоянии народного образования. Сеть учебных заведений была крайне мала. Открытые кое-где приходские школы, по словам Н. И. Пирогова, давали лишь механическую грамотность. Но и эта грамотность была ничтожна: в середине XIX в. в России один грамотный приходился на 135 человек, между тем как в Австрии в это время один грамотный приходился на 14 человек, во Франции — на 11, а в Англии — на 9 человек.

Д. А. Толстой, назначенный министром просвещения после каракозовского выстрела, соединял в течение 14 лет должность министра народного просвещения с должностью обер-прокурора синода; позже он был поставлен во главе министерства внутренних дел. Этому «злому гению русской земли» один из современников дал уничтожающую характеристику: «Лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе доводящий раболепство и угодничество до тех крайних пределов, которые обыкновенно нравятся царям, но во всех порядочных людях возбуждают омерзение»⁸. Деятельность Толстого была направлена на искусственную задержку образования. Чиновники «министерства народного одурачивания» послушно выполняли директивы помещиков-крепостников. «Необходимо всеми силами бороться против народного образования, — писал Леонтьев, один из самых близких к Толстому людей, — Если Россия сопротивлялась ещё сколько-нибудь успешно духу времени, то этим мы обязаны до известной степени безграмотности русского народа. В наше время основание сносного монастыря полезнее учреждения двух университетов и целой сотни реальных училищ»⁹.

Следуя этому принципу, правительство основывало монастыри, строило церкви и тормозило развитие школьной сети. В 1840 г. в России насчитывалось 547 православных монастырей, к концу царствования Александра II их стало 774, а в 1914 г.

— 1024.

В 1840 г. в России было 43 тыс. церквей и часовен, в 1890 г., благодаря поддержке правительства, их стало 64 тыс., в 1914 г. — около 80 тыс. Правительство не жалело средств на открытие новых монастырей и церквей, на содержание огромной армии монахов, священников и причетников, но на народное образование денег не отпускало.

«... Россия не только бедна, она — нищая, когда идёт речь о народном образовании, — писал Ленин, — Зато Россия очень "богата" расходами на крепостническое государство, помещиками управляемое, расходами на полицию, на войско, на аренды и десятитысячные жалования помещикам, дослужившимся до "высоких" чинов... Россия всегда останется бедной и нищей в отношении расходов на просвещение народа, пока народ не просветится настолько, чтобы свергнуть с себя гнёт крепостников - помещиков»¹⁰.

После убийства Александра II наступила пора самой «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции»¹¹. Правительством были приняты крайне реакционные меры для охраны самодержавия, для борьбы с революционным движением. В течение 15 лет (с 1882 по 1897 г.) министерством народного просвещения ведал мракобес И. Д. Делянов, который провёл в жизнь требование идеолога реакции М. Н. Каткова, «чтобы министр просвещения шёл рука об руку с обер-прокурором синода и министерством внутренних дел». Один из современников писал о Делянове, что он «своё ведомство, всем уступая и угождая, привёл в полный хаос, лишил всякого значения и авторитета, вполне подчинил указке синода и департамента полиции»¹².

Духовенство с радостью встретило весть о назначении Делянова, видя в нём своего союзника в усилении влияний церкви на народное образование.

В результате проводившейся политики грамотность населения в России была очень низка. По переписи 1897 года среди мужчин грамотность составляла 29,3%, а среди женщин — 13,1%, в целом — 21,1%. Самый незначительный процент грамотности наблюдался на окраинах, в областях и краях с нерусским населением. Так, на Кавказе по переписи 1897 г. грамотных было 12,4%, в Сибири — 12,3%, в Могилевской губернии — 7%, а в Средней Азии — только 5,3%. В 1911 г. на территории царской России насчитывалось 100 тыс. школ всякого типа, где обучалось 6 млн. человек. На каждые 1000 человек населения приходилось менее 50 учащихся. Эти цифры ещё раз говорят «о невероятной отсталости и дикости России благодаря всевластию крепостников-помещиков»¹³ и о том, что «правительство — величайший враг народного просвещения в России»¹⁴.

Защитники «казённого народного затемнения» не находили денег на развитие школьной сети, а на содержание церкви, полиции, на содержание царской семьи и царской челяди, на подготовку к войне денег не жалели. В 1907 г. на все народное образование из государственного казначейства было отпущено 101,42 млн. руб., на содержание одного только церковного аппарата — 34,8 млн. руб., на содержание царской семьи — 17 млн., на расходы по подготовке войны — 442 млн. Расходы на царя и его челядь, на полицию и церковь и на подготовку войны поглощали все средства, которые правительство выкачивало из народа¹⁵. Ничтожность ассигнований из государственного бюджета на нужды просвещения свидетельствует о сознательном торможении просвещения народа.

В годы реакции, наступившей после подавления революции 1905-1907 г., правительство вновь повело наступление на образование. Оно препятствовало развитию внешкольного образования, закрывало читальни, библиотеки. Министром просвещения был назначен А. Н. Шварц — «истинный черносотенец», как назвал его официальный орган союза русского народа «Русское знамя». Деятельность Шварца в качестве попечителя рижского, варшавского и московского учебных округов, а затем министра просвещения носила открыто реакционный характер. «Назад к старине! Назад к дореволюционной России», — такими словами характеризовал его деятельность Ленин¹⁶.

После Шварца министерство просвещения возглавил Кассо, завершивший черносотенный разгром высшей школы. Считая, что религия — лучший из жандармов, Кассо требовал усиления внимания к церковноприходской школе, видя в ней спасение

от революции. Реакционная политика Кассо в области просвещения была вскрыта депутатом-большевиком 4-й Государственной думы А. Е. Бадаевым. «Политика Кассо, — сказал Бадаев, — диктуется злобой, ненавистью боящихся света и знаний. Кассо считает науку бесполезной, вредной. Весь идеал министерства просвещения во тьме, невежестве, и он ревностно старается тушить всякий пробивающийся луч сквозь тьму»¹⁷.

2

«Политика народного затемнения» проводилась министерством просвещения совместно с синодом, руководившим деятельностью православной церкви. Синод был, собственно, министерством по делам православной церкви. Все постановления по религиозным вопросам получали силу только после утверждения их царём. Воля последнего по отношению к синоду была непреложным законом. Православная церковь, управлявшаяся синодом, являлась пособницей самодержавия в деле угнетения масс и верно служила интересам господствующих классов. Характеризуя это положение церкви и её высших органов, ленинская «Искра» писала, что православная церковь — «один из органов всемогущей чиновничьей машины, преследующей цели укрепления самодержавия и порабощения народа»¹⁸.

Во главе синода самодержавие ставило обер-прокурора, светского чиновника, являвшегося, по словам духовного регламента, «оком государя и стряпчим по делам государственным». Первым прокурором синода (по предложению Петра I) был назначен «из офицеров добрый человек», в дальнейшем обер-прокурорское кресло не раз занимали «военные вершители».

Члены синода, преимущественно из высших духовных чинов, приглашались на определённый срок, контроль за их деятельностью, а также направление всей деятельности и духовного ведомства был целиком в руках обер-прокурора.

В период жесточайшей николаевской реакции делами синода вершил в течение 20 лет (с 1836 по 1855 г.) полковник лейб-гвардии гусарского полка, генерал-адъютант граф Н. А. Протасов, ранее бывший товарищем министра народного просвещения. Члены синода говорили, что обер-прокурор Протасов «забрал их в руки по-военному, сразу и сонмом архиерейским как эскадроном на учении командовал»¹⁹.

Недоброй славой пользовался и другой обер-прокурор синода, Д. А. Толстой, стоявший во главе синода и министерства народного просвещения в течение 15 лет. С его именем связаны мрачные страницы истории просвещения в России. «Задача школы в толстовские времена заключалась в том, — писала "Правда", — чтобы противодействовать развитию материалистического мировоззрения, воспитывать юношество в духе охранительных начал, утверждать в молодом поколении покорность закону и уважение к установленным властям»²⁰.

Черные силы реакции 80-х годов олицетворялись в зловещей фигуре обер-прокурора синода К. П. Победоносцева, чьё имя стало синонимом мракобесия. «Безусловно вредно распространять народное образование, — писал Победоносцев, — ибо оно даёт лишь знание и привычку мыслить»²¹. С именем Победоносцева связано наступление воинствующей церкви на просвещение народа путём внедрения церковноприходской школы.

Поэт Александр Блок так охарактеризовал мрачную роль Победоносцева в подавлении всего передового и светлого в русской жизни:

В те годы дальние, глухие, В сердцах царили сон и мгла: Победоносцев над Россией Простёр совиные крыла, И не было ни дня, ни ночи, А только — тень огромных крыл.

На смену Победоносцеву пришёл «святитель» Саблер, как назвал нового обер-прокурора один из синодальных архиереев, или «Притычкин», как прозвали его синодальные чиновники. А. Н. Львов, заведовавший в течение многих лет библиотекой и архивом синода, писал о Саблере, что он «не имел ни убеждений, ни взглядов, ни правил». О Саблере шёл слух, что он обобрал после смерти московского митрополита Сергия²².

3

Реакционную политику самодержавия в области просвещения народа на местах, в епархиях проводило высшее духовенство — митрополиты и епископы. В 1901 г. в России

насчитывалось 67 епархий, во главе которых стояли 3 митрополита (петербургский, киевский и московский), 14 архиепископов и 94 епископа, всего 111 «князей церкви». В епархиях высшему духовенству принадлежала вся полнота церковной власти. К просвещению народа «князья церкви» относились крайне враждебно, в образовании они видели врага религии, причину народного недовольства. «Какой мы видим плод от просвещения, — писал митрополит Серафим, — мы видим самовольство, непокорение власти, самим богом для блага общества установленной, видим крамолы, бунты, междоусобия»²³.

В 50-х годах XIX в. по распоряжению правительства была обследована деятельность многих епархий. Ревизия вскрыла вопиющие факты деятельности многих «сатрапов в рясах». Архангельский епископ Варлаам, по материалам ревизии, — «грубый, религиозный фанатик, готовый положить на костры и плахи всех, кто не разделял его убеждений, суевер, враг всякой новизны, смотрящий на просвещение, как на заразу и порчу нравственности»²⁴.

Тулеский архиерей Дамаскин, как было установлено ревизией, «жаден и корыстолюбив, не был чист от греха симонии, груб, человекоугодлив перед людьми влиятельными и помещиками до подлости». После смерти Дамаскина остались сундуки, наполненные серебряными самоварами, подносами, деньгами²⁵.

Таким же врагом просвещения, как следует из материалов ревизии, являлся и оренбургский архиерей Иоанникий. К тому же он был «здорлив, сварлив, мстителен, корыстолюбив». Ректор Оренбургской семинарии Никодим, готовивший будущих священников, «просветителей» народа, был «грабителем», «грязным и пьяным нравственным уродом»²⁶.

Московский митрополит Филарет Дроздов нетерпимо относился к просвещению народа, развитию отечественной науки. Даже церковные биографы пишут, что он был «деспот в области мысли, гонитель талантов в области науки, беспощадный судья каждой новой мысли, каждой новой идеи»²⁷. Митрополит Филарет, по словам того же биографа, — «крайне мнителен и придирчив, не было книги, которая миновала бы его рук — светской или духовной». Филарет презрительно относился к народу и считал, что грамотность ему вредна. «Грамотность простолюдинов, — писал он в связи с ходатайством о разрешении издавать книги для народа, — обращённая на чтение не нравственное, не отеческое, может сделаться хуже безграмотности»²⁸. Филарет доносил о «противохристианском и противоправительственном направлении» русской литературы, видя в представителях науки носителей безбожных идей. Он составил специальную молитву о борьбе с распространением в печати «противохристианских и противоправительственных сочинений»²⁹.

Филарет ополчился на профессора Московского университета Рулье — представителя передовой науки. Его негодование вызвал и профессор истории Московского университета Т. Н. Грановский, лекции которого пользовались огромным успехом. Грановский, по словам Герцена, «историей делал пропаганду». Филарет же упрекал профессора во вредном влиянии на юношество и спрашивал, почему он не упоминает «руки бога» в истории³⁰. Реакционная деятельность Филарета, особенно его стремление всячески затормозить образование народа, вызвала общее возмущение. Это отношение к Филарету хорошо выражено в эпиграмме, распространявшейся в связи с его внезапной смертью в 1867 г.:

Послушать толки городские Покойник был шпион, чиновник, генерал. На службе и теперь (не помню как) он мало потерял. По старшинству произведён в святые, Хотя немножко провонял³¹.

Упомянувшийся выше А. Н. Львов в своём дневнике писал о «бодающихся» в синоде митрополитах, архиерейском невежестве, карьеризме, угодничестве, пресмыкательстве перед обер-прокурором синода. «Эти живые мумии, — писал он, — консервированные трупы, воображающие, что они могут и должны задержать всякую жизнь, всякое новое движение, начинание»³². Эти «живые мумии», однако, активно выступали против просвещения, проводили воинствующую церковную политику, возглавляли и направляли реакционные силы, поднявшиеся для борьбы с просвещением народа, с революционным движением.

Харьковский архиерей Амвросий считал, что наука является причиной распространившегося безверия среди народа. Амвросий грозил сторонникам науки «несчастиями и болезнями», говорил, что материалистическая наука развращает людей, и призывал к активной борьбе с «опаснейшими врагами церкви», как он называл русскую интеллигенцию³³. Епископ Харьковский и Сумский Иннокентий в 1901 г. выступил в церкви Харьковского университета с проповедью против науки. Он говорил о непримиримости и даже враждебности между верой и знанием, особенно в вопросах происхождения мира, человека. «На костях заброшенных течений 60-х гг., — проповедовал Иннокентий, — вырос практический материализм, духовное обнищание». Иннокентий призывал вернуться к вере, отказаться от научного мировоззрения³⁴. Нападал на науку и московский митрополит Владимир. В своём «слове», носившем название «Неверие книжников и фарисеев древнего и нашего времени, его ложное основание и действительные причины», Владимир призывал к расправе с наукой, восставал против просвещения народа³⁵.

В «Пермских епархиальных ведомостях» была напечатана резолюция местного архиерея, не скрывавшего своего враждебного отношения к русской интеллигенции. Архиерей даже запретил употреблять слова «интеллигент», «интеллигентный». Эти слова, писал он, характеризуют людей, живущих одним только разумом. А такие люди не могут быть истинными членами православной церкви³⁶.

Московский епископ Никон в 1905 г. называл русских интеллигентов «недостойными воспитателями юношества»; профессоров он обвинял в том, что они сгубили «преступным подстрекательством не одну тысячу юных жизней»³⁷. Черносотенную проповедь против просвещения вели с церковной кафедры петербургский митрополит Антоний, угрожая гибелью путиловским рабочим, и епископ волынский Антоний, который требовал высылки в административном порядке всех лиц, занимавшихся просвещением народа. Орган синода, «Церковный вестник», также натравливал народ на учителей.

Черносотенная агитация самарского архиерея Гурия, называвшего социал-демократов «сынами погибели», была разоблачена в листовке Самарского комитета РСДРП. Призывая рабочих поддержать требование о бесплатном и всеобщем образовании, самарские большевики писали, что «беспомощность и невежество заставляют народ надеяться на чудеса, которыми так бесцеремонно торгуют попы»³⁸.

4

Обработка народа в нужном для церкви духе была возложена на армию священников, дьяконов и причетников. По переписи 1897 г., Россия имела 62946 священников и 47955 причетников, а с членами семей их было 425 тыс. человек. Между тем учителей светских начальных и средних школ в 1897 г. насчитывалось 45337 человек, а врачей — только 14667³⁹. В статье «Силы русского клерикализма», напечатанной в «Искре» в 1903 г., В. Д. Бонч-Бруевич привёл яркие данные о церковниках, состоявших на «действительной службе по ведомству православного вероисповедания», и показал, во что обходится народу содержание огромной армии церковников, «развращающих ум и сердца миллионов людей». По подсчётам В. Д. Бонч-Бруевича, на содержание духовенства в 1899 г. было взято различными способами свыше 52 млн. руб.⁴⁰

Православное духовенство было изолировано от других сословий, профессия священника передавалась из поколения в поколение. Духовенство воспитывалось в специальных закрытых учебных заведениях — церковных училищах и семинариях, подчинённых синоду и местным архиереям. В 54 семинариях одновременно готовилось до 20 тыс. человек.

Яркая картина господствовавшей в духовных школах рутины и мертвящей схоластики дана в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского. «Мерзости бурсацкой жизни» возбуждали у читателей ненависть к условиям, порождавшим эти нравы, и вызывали озлобление к автору со стороны духовенства, тщательно скрывавшего то, что творилось за бурсацкими стенами.

Устав 1884 года, усиливший над духовными школами власть архиереев, довёл семинарии до полного разложения. Схоластическое богословие занимало в программе семинарий главное место, общеобразовательные предметы из семинарской программы были почти полностью изгнаны. Будущие священники воспитывались в духе

пренебрежения к светским наукам, особенно к естествознанию и математике, как «ведущим к безбожию», в полном невежестве о мире, человеке. Их не знакомили с литературой, историей русского народа; в семинариях действовало преподанное синодом указание, что «светские книги содействуют рассеянию и даже развращению мысли». Чтение светской литературы не только не поощрялось, но даже каралось, как тяжкий проступок. Главной задачей основных богословских предметов являлась защита библейского учения перед наукой, перед инакомыслящими.

В результате такого воспитания из семинарий выходили слепые исполнители приказаний начальства, безличные чиновники алтаря и престола, люди, часто ненавидящие то ремесло, которому их обучили. Этим людям поручалось быть проповедниками «нравственности». Они становились «учителями» народа, руководителями начальных школ, становились духовными вождями монархических и черносотенных организаций, проводниками реакции и душителями просвещения.

В затхлую семинарскую атмосферу проникал иногда свежий ветер. Так было, например, в период массовых студенческих волнений начала 900-х годов, когда многие семинаристы прекращали занятия и объявляли забастовки. Они требовали облегчения полицейского режима, усиления в программах светских наук — естествоведения, физики, математики, сокращения программы по богословской схоластике.

Синод жестоко расправился с зачинщиками. Был произведён настоящий разгром духовных семинарий. В 1904-1905 г. закрыли 44 семинарии, во многих из них произвели массовые увольнения за «политическую неблагонадёжность». Хотя синод и грозил, что семинаристам «никакого послабления не будет», но он вынужден был пойти на некоторые уступки. По новому уставу 1906 года в семинариях сократили число уроков по древним языкам, увеличили число уроков по литературе, математике, ввели преподавание истории, несколько облегчили полицейский режим. Но основное внимание по-прежнему уделялось богословским предметам, особенно обличительному богословию. Семинариям была поставлена задача — готовить воинствующее духовенство для борьбы против старообрядчества и сектантства, а особенно против тех, кто отказывался от веры в бога, от православия, от повиновения самодержавию.

Уступки синода не удовлетворили буржуазию, серьёзно обеспокоенную падением авторитета чиновников алтаря и царского престола. Стали раздаваться голоса, что священникам необходимо дать такое образование, чтобы они могли активно выступать как помощники самодержавия в борьбе с рабочим и крестьянским движением. В фабричном приходе, поучали защитники реформы семинарского воспитания, священники должны быть духовным центром для рабочих, быть в курсе рабочего законодательства, условий труда рабочих. В сельских приходах священникам вменялось в обязанность выступать в качестве «экспертов по всем политическим вопросам».

Если священники не перестроятся, говорили представители буржуазии, то неизбежно произойдёт «расхищение паствы», т.е. отход масс от православия, от религии. Поэтому к синоду обращались с требованием коренной перестройки преподавания в духовных школах, введения в их программу общественных наук. Но эти требования не были удовлетворены, семинарское преподавание по-прежнему оставалось схоластическим, оторванным от жизни. Подготовка священников для борьбы с народом шла непосредственно на практике через реакционную и контрреволюционную пропаганду синода, местных архиереев, посредством церковной и светской черносотенной печати.

Высшее образование духовенство получало в четырёх духовных академиях, где также господствовала схоластика и враждебное отношение к светским наукам. В академиях царил строгий полицейский режим; кафедры физики и естествознания были закрыты; студенты преследовались за всякое проявление живой мысли, свобода научного исследования запрещалась. Для борьбы с подлинной наукой в некоторых академиях открыли кафедры естественнонаучной апологетики, которые ставили своей задачей критику материалистической науки и пропаганду реакционных «поповских» взглядов в области естествознания.

Среди духовенства имелась ещё большая армия псаломщиков. Это были люди, не окончившие духовных школ, в большинстве своём не способные ни к какому другому

труду; они также привлекались в качестве «учителей» народа.

Духовенство не пользовалось уважением народа, это откровенно признавали официальные источники. Говоря о причинах роста раскола и сектантства, министерство внутренних дел вынуждено было констатировать: «народ не уважает духовенство, преследует его насмешками и укоризнами и тяготится им. Народ чуждается духовенства и прибегает к нему не по внутреннему внушению совести, а поневоле». В другом отчёте министерство обвиняло духовенство в том, что оно обратило служение богу в доходное ремесло, а алтари — в оброчные статьи и что оно отдаёт церкви в приданое за поповскими дочерьми⁴¹. Отсутствие уважения к духовенству со стороны народа отметил и В. Г. Белинский в своём письме к Н. В. Гоголю: «не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?... Большинство же нашего духовенства всегда отличалось толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством»⁴².

Ленинская «Искра» в статье «О чем тужит духовенство» писала об отсутствии доверия и уважения со стороны крестьян к духовенству: «Миссионер гораздо хуже чувствует себя в беседе с православными, чем с сектантами. Едва начнётся беседа, как православные буквально забрасывают миссионера обвинениями и злословиями на приходского священника. Затем, под давлением раздражения, начинается открытое отрицание истин самого православия»⁴³.

Естественно, что «просветительская» деятельность духовенства встречала осуждение во всех слоях общества. «Масса духовенства — до крайности плохие учителя», — отмечалось в «Отечественных записках» в 1864 г.⁴⁴ «Священники как педагоги и по своему семинарскому образованию могут иметь очень отсталые взгляды на народное образование» — отмечено в исследовании о крестьянской грамотности в Тверской и Московской губерниях в 1901 г. Возмущение общества вызывало то обстоятельство, что священники брались за обучение, не имея никакой подготовки для этого, и что они не были заинтересованы в развитии грамотности. Напротив, они доказывали, что «чтение псалтыри, даже без понимания все-таки спасительнее для души чем всякое другое чтение».

О неспособности духовенства учить народ грамоте говорил и калязинский священник Беллюстин. В письме к министру просвещения Головину Беллюстин писал: «на коленях и со слезами осмеливаюсь умолять... спасти Народ от гибели в его молодом поколении, от конечной нравственной гибели, на которую его обрекают, передавая дело народного просвещения поповству... Поповство — само растленное до конца своих волос — может и способно лишь растлевать и губить»⁴⁵.

При обсуждении в Государственной думе в 1908 г. вопроса о церковноприходской школе депутат большевистской фракции П. И. Сурков осудил реакционную деятельность духовенства, как учителей народа. Обращаясь к духовенству, он сказал: «вы... не можете быть учителями народа, в ваших же специальных духовных заведениях дети задыхаются, а можете ли вы учить наших детей? Можете ли быть руководителями нашей школы? Нам... такая школа не нужна, нам не нужна эта духобойня»⁴⁶.

5

Высшее духовенство сурово расправлялось с теми, кто говорил о недостатках духовенства. Книги, разоблачавшие порочность, продажность и отсутствие культуры у духовенства, подвергались уничтожению.

Священник Беллюстин в 1858 г. издал за границей книгу «О сельском духовенстве в России», в которой, по словам известного цензора А. В. Никитенко, дана «ужаснейшая картина положения духовенства». Синод подверг автора суровой каре. За изображение недостатков православной церкви по настоянию обер-прокурора Толстого и московского митрополита Филарета в 1859 г. была запрещена книга А. П. Щапова «Русский раскол старообрядчества». Даже такая книга, как «История государства московского» Флетчера, рассказывавшая о недостатках духовенства в Московской Руси, в 1864 г. была запрещена, так как в ней нашли «в высшей степени оскорбительные... замечания о православной церкви, её догматах и обрядах»⁴⁷.

Д. Ростиславов, автор книги «О православном белом и черном духовенстве в России»,

вышедшей в Лейпциге в 1866 г., скрыл своё авторство, так как боялся «не малой опасности, если сделается известным, что он автор этой книги».

Синод серьёзно был обеспокоен выходом в свет в 1881 г. книги В. М. Карловича, посвящённой истории старообрядчества. Духовная цензура нашла, что «в ней выражается неутолимая вражда против господствующей церкви, высказывается много... порицаний и оскорблений... против всего русского архипастырства и синода». По настоянию синода книга подверглась уничтожению, как «исполненная мыслей и выражений, явно разрушающих тишину и устройство церкви и государства»⁴⁸, автор был арестован, а затем как турецкий подданный выслан за границу.

Известный исследователь русского раскола А. С. Пругавин в 1882 г. издал книгу «Раскол внизу и раскол сверху». Синод нашёл её крайне опасной для православия, ибо, по мнению синода, она была «враждебна православию и противна государственному порядку». Книга была уничтожена. Такая же участь постигла и другую книгу того же автора «Отщепенцы староверы и нововеры».

Синод не допускал разоблачения недостатков и монастырской жизни. В 1886 г. В. С. Казанцев напечатал отдельной книгой свои впечатления о поездке в Троице-Сергиеву лавру под названием «За оградой и в мире», в которой он разоблачал быт знаменитой лавры. Обер-прокурор синода Победоносцев потребовал запрещения книги, так как в ней автор, по его словам, «рисует мрачными и тяжёлыми для чувства верующего красками быт лавры, приводит примеры один другого ярче и прискорбнее полного нравственного падения монастырской братии»⁴⁹. Книгу изъяли и сожгли.

Много выстрадал от духовной цензуры и Н. С. Лесков. При издании в 1889 г. собрания его сочинений внимание Лампадоносцева, как назвал Лесков обер-прокурора синода, привлёк 6-й том собрания, куда вошли произведения Лескова из жизни духовенства («Захудалый род», «Мелочи архиерейской жизни», «Архиерейские объезды» и др.). Книга была «растерзана» духовной цензурой, так как она, по отзыву цензуры, «стремилась опозорить русское духовное сословие». Книга находилась под арестом в течение четырёх лет, а в октябре 1893 г. весь тираж (2200 экз.) уничтожен. Рассказывая о расправе «попов толстопузых» над своей книгой, Лесков назвал эту расправу «подлым самочинством и самовластием со стороны всякого прохвоста»⁵⁰.

Но никакая цензура и гонения не могли скрыть недостатков духовенства, призванного воспитывать народ в духе преданности самодержавию и православию. После революции 1905 года разложение православного духовенства ещё более усилилось. Несмотря на ряд полицейско-административных мер, направленных к поддержанию и сохранению господствующего положения православной церкви, происходил массовый отход от православия в старообрядчество, сектантство, росло неверие среди сознательных рабочих, среди крестьянской молодёжи. Синодская церковь оказалась оторванной от «паствы», сами священники сознавали, что народ отходит от них. «Близится страшное время, — писал один священник, — когда от нас отвернётся наша паства, когда выберут себе иных руководителей, иных учителей»⁵¹.

В повести С. И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов» показан разлад и брожение в среде духовенства. Определяя мракобесную деятельность духовенства, священник Разметов называет священников «полицейскими бога всевышнего». Другой священник, решивший снять с себя священнический сан, говорит, обращаясь к своим братьям: «Разве вы не видите, что так жить нельзя больше... Позорно! Жизнь уходит от нас... а мы стоим... окаменелые, черной стеной. Накинули на жизнь целую сеть текстов, оправдываем произвол тех, кто уродует жизнь, проповедуем терпение том, кто и без того достаточно терпел... Мы живём мыслями навязанными, мыслями рабов».

В рядах самих церковников был раскол, шла борьба между епископами и приходским духовенством. Приходское духовенство, тяготясь неограниченной епископской властью, требовало ограничения епископского произвола и уменьшения епископских доходов.

Кстати сказать, доходы эти достигали больших размеров. По официальным данным, годовой доход московского митрополита в 1910 г. был свыше 35 тыс. руб., не считая стола, полагавшегося ему натурой. По неофициальным же данным доход московского митрополита составлял 60-70 тыс. руб. в год. Об этом писал в своих воспоминаниях

тверской архиепископ Савва⁵². После смерти киевского митрополита Филофея, «светильника благочестия и подвижничества», как его называли, осталось 97 тыс. руб., а московский митрополит Сергей, как сообщил хорошо осведомлённый заведующий архивом и библиотекой синода Львов, оставил после себя до полумиллиона рублей. Большие средства имели настоятели и священники. Настоятель Вышинской пустыни Тамбовской губернии архимандрит Аркадий из своих «сбережений» выделил на содержание церковной школы при монастыре 111 тыс. руб., а черносотенец архимандрит Троице-Сергиевой лавры Никон, издатель «Троицких листков», в 1904 г. пожертвовал на содержание церкви 53 тыс. руб. Известный мракобес протоиерей Иоанн Кронштадский выдал из своих средств на содержание церковных школ 89,7 тыс. руб.⁵³ Такие щедрые «пожертвования» духовенства далеко не единичны.

Разрыв между духовенством и «паствой» внушал серьёзные опасения правительству и буржуазии. Они считали, что этот разрыв «создаёт вредную в государственном отношении почву питания общественного недовольства».

«Колеблется религиозная жизнь, — кричали октябристы, — колеблется высочайшая, единственная основа нравственного строя населения». Попытка провести реформу прихода сверху потерпела неудачу, так как против неё выступило все высшее духовенство вместе с монархистами.

Буржуазия требовала реформы прихода, замены устаревших форм одурачивания народа более тонкими. В III Государственной думе буржуазия с тревогой отмечала, что низшее духовенство не пользуется среди рабочих и крестьян доверием, что духовенство — этот «урядник казённого православия» плохо справляется со своими обязанностями.

Рабочие и крестьяне стали осознавать, что духовенство — враг народа. Так, рабочие Орехово-Зуевской мануфактуры Саввы Морозова писали в ленинскую «Искру» в 1901 г.: «как бы ни держали нас в невежестве... пресловутые попы, идущие рука об руку с капиталистами и властями русского правительства, рабочие все же видят своё жалкое положение», а рабочие Иваново-Вознесенских фабрик сообщали, что «длинноволосые попы стараются втолковать рабочим рабскую покорность»⁵⁴.

1. «Сборник постановлений и распоряжений министерства народного просвещения», т. 1. СПб., 1864, стр. 970.
2. Там же, стр. 971.
3. Там же, стр. 321 - 322.
4. «Русская старина», кн. III, 1874.
5. «Сборник постановлений и распоряжений министерства на родного просвещения», т. 1, стр. 529 - 530.
6. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 24.
7. И. М. Соловьев. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях, т. 1. СПб., 1914, стр. 202.
8. «Воспоминания Б. Н. Чичерина». М., 1929, стр. 192.
9. «Советская педагогика», № 5, 1949, стр. 120.
10. В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 116 - 117.
11. Там же, т. 1, стр. 267.
12. «Голос минувшего», кн. 7 - 8, 1916, стр. 265.
13. В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 114.
14. Там же, стр. 119.
15. См. также статью В. Д. Бонч - Бруевича «Стоимость культа», опубликованную в 1913 г. В. Д. Бонч — Бруевич. Избр. произв. М., 1959, стр. 223 - 243.
16. В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 191.
17. «Стенографический отчёт Государственной думы 4-го созыва», сессия II, ч. IV. СПб., 1913, стр. 784 - 790.
18. «Искра», № 22, июль, 1902 г.
19. Ф. Благовидов. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование Александра II. Казань, 1891, стр. 265.
20. «Правда», № 25, 1 февраля 1913 г.

21. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 46, стр. 952.
22. «Князья церкви». Из дневника Л. Н. Львова. «Красный архив», 1930, т. 39, стр. 121.
23. Л. Н. Пыпин. Религиозное движение при Александре I. СПб., 1916. стр. 131.
24. «Материалы для истории православной церкви в царствование Николая I». СПб., 1902, стр. 381.
25. Там же, стр. 61.
26. Там же, стр. 79.
27. «Вера и церковь», кн. 5, 1907, стр. 773.
28. «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по учебным и церковно - государственным вопросам», т. III. М., 1887, стр. 115.
29. Там же, т. V, ч. I, стр. 184.
30. «История Московского университета». М., 1955, стр. 230.
31. «Литературное наследство», т. 22 - 24, 1935, стр. 237.
32. «Князья церкви». Из дневника А. Н. Львова. «Красный архив», 1930. № 39, стр. 126, № 40, стр. 114.
33. «Вера и разум», № 12, 1901.
34. «Вера и разум», № 2, 1901, стр. XI.
35. «Вера и разум», № 5, 1901, стр. 693 - 706.
36. И. Белогонский. Земское движение. СПб., 1914, стр. 72.
37. «Русь», № 164, 1905.
38. «Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП». Куйбышев, 1959, стр. 15 - 16, 280.
39. «Русская школа», № 12, 1908, стр. 54.
40. В. Д. Бонч - Бруевич. Избр. произв., т. 1, стр. 127-137.
41. Д. Ростиславов. О православном белом и черном духовенстве в России, т. II. Лейпциг, 1866, стр. 377, 240.
42. В. Г. Белинский. Избранное, т. 2. М., 1959, стр. 636.
43. «Искра», № 7, август, 1901 г., № 16, февраль, 1902 г.
44. «Отечественные записки», № 5, 1864, стр. 152.
45. «Русская школа», № 3, 1907, стр. 107.
46. «Вопрос о церковной школе в Государственной думе 3-го созыва», сессия II. СПб., 1908.
47. «Исторический обзор деятельности Совета министров», т. III, ч. 2. СПб., 1902.
48. «Литературное наследство», т. 22 - 24, 1935, стр. 508.
49. Там же, стр. 513.
50. «Книжные новости», № 12, 1937.
51. «Богословский вестник», кн. VII - VIII, 1906, стр. 492.
52. «Богословский вестник», кн. IX, 1905, стр. 674.
53. «Исторический очерк развития церковноприходских школ за 25 лет». СПб., 1909.
54. «Искра», № 4, май, 1901 г.; № 9, октябрь, 1901 г.

Глава I I. Духовное и политическое развращение народа в начальной школе

К 1855 г. в России имелось около 20 тыс. начальных школ, из них, по неточным данным, около 10 тыс. находилось в руках духовенства. Остальные школы были в ведении различных ведомств и министерств. Развитие экономической и политической жизни страны настоятельно требовало увеличения грамотности народа. Но духовенство мало занималось просвещением народа, у него была задача поважнее — поддерживать посредством религии власть самодержавия и феодально-крепостнический строй.

В начале 60-х годов XIX в. правительство, обеспокоенное размахом крестьянского движения в связи с ограблением народа помещиками при проведении крестьянской

реформы 1861 года, решило усилить влияние духовенства на народ. Сеть церковных школ стала быстро развиваться, и к 1865 г. по официальным данным насчитывалось 21420 таких школ с 412 тыс. учеников, между тем как школ других ведомств было только 14315 с 541 тыс. учащихся. Однако следует отметить, что, опасаясь репрессий со стороны епархиального начальства, сельское духовенство часто сообщало заведомо неверные, завышенные сведения о числе открытых церковноприходских школ.

Революционные демократы и демократическая общественность 60-х годов резко критиковали преподавание и воспитание в этих школах. Они обвиняли церковные школы в том, что там обучали детей тупому, механическому чтению, приучали к бессмысленной зубрёжке, приостанавливали их умственное развитие. По их мнению, духовенство не способно оказывать нравственное воздействие на развитие народа, так как оно само не может быть примером нравственного поведения¹.

Правительство, однако, считало, что духовенство является единственной силой, которая сможет воспитать народ в духе преданности самодержавию и господствующим классам.

Положение о народных школах 1864 года, усилившее влияние на них земских учреждений, возложило на духовенство контроль за воспитанием детей в духе преданности самодержавию и православию в начальных школах всех ведомств. Архиереи были включены в училищные советы как первенствующие лица. От земств требовалось «сочувствие и поддержка церковной школы, как основанной, — по словам обер-прокурора синода Д. Толстого, — на началах православия и русской народности». Возглавлявшие земства помещики-дворяне, напуганные массовыми крестьянскими волнениями, охотно шли навстречу требованиям синода и оказывали церковным школам существенную помощь. В насаждении религиозного воспитания они также видели средство для борьбы с крестьянским движением.

Характер образования в земских школах не удовлетворял самодержавие, оно находило его слишком либеральным. Напуганное ростом революционного движения, правительство считало, что народные школы, вместо служения «истинному» просвещению молодых поколений, обращены в «орудие растления народа». Царский рескрипт 1873 года ставил в вину народной школе, что в ней недостаточно внимания уделялось преподаванию закона божьего, что закон божий «терялся среди других предметов», что мало читалось церковных и богослужебных книг, что детей воспитывали в «пренебрежительном отношении к церкви».

Правила о народных школах 1874 года усилили роль дворянства по наблюдению за школой и за политической благонадёжностью учителей. Для надзора за школой была создана особая школьная полиция (инспекция). Эти правила, однако, не снизили значения духовенства в надзоре за религиозным направлением школ. Правительство продолжало считать, что никакое просвещение, а тем более начальное, не «может дать благодетельных плодов, не будучи освещено светом веры».

Но положение о народных школах 1874 года не удовлетворяло духовное ведомство. Церковники настаивали на передаче в их руки не только наблюдения, но и руководства начальной школой. Требования духовенства встретили полную поддержку со стороны самодержавия. В 1879 г. вновь было признано, что религиозное просвещение является «краеугольным камнем» всего государственного строя и что в связи с этим духовенство должно иметь «преобладающее участие в заведовании народными школами»².

После убийства Александра II были приняты крайне реакционные меры для охраны самодержавия. Подверглись разгрому земские учреждения, введён институт земских начальников, усилена роль духовенства. Правила 1884 года о церковноприходских школах, ставившие своей задачей борьбу с земской школой, предоставили духовенству широкие полномочия. Вдохновителем и организатором наступления духовенства на просвещение народа стал обер-прокурор синода К. П. Победоносцев. На церковную школу было возложено воспитание детей в духе преданности самодержавию, православию и русской народности. Она рассматривалась как оплот самодержавия и церкви в борьбе против растущего в стране революционного движения.

Правила 1884 года духовенство восприняло как сигнал для борьбы со светской школой.

«Теперь вы все у нас вот тут! с потрохами! Всем учительшкам конец! И ихним школам!» — с торжеством говорили священники, как рассказывает в своих воспоминаниях старый учитель³.

К моменту утверждения положения 1884 г. духовное ведомство растеряло большую часть своих школ. Церковные школы не финансировались из государственного казначейства. Население относилось к ним враждебно и не оказывало им материальной помощи. Надо иметь также в виду, что статистика о церковных школах была далеко не точная, число их было значительно завышено.

После издания положения в результате поддержки правительством воинствующей политики духовенства число церковных школ стало быстро расти. В 1890 г. насчитывалось уже 42604 церковные школы, в которых обучалось 1634 тыс. детей, а в 1902 г. число школ составило 44421 с 1909 тыс. учащихся. О росте церковных школ можно судить также по следующему сопоставлению. К 1906 г. в ведении министерства просвещения было 45657 начальных школ, в которых обучалось 3419 тыс. детей (2423 тыс. мальчиков и 995 тыс. девочек), а в ведомстве православного исповедания числилось 42445 школ с 1967 тыс. учащихся (1351 тыс. мальчиков и 616 тыс. девочек). Сюда входило 16967 школ грамоты с 538 тыс. учащихся. Отчёты синода за следующие годы говорят об уменьшении числа школ грамоты и росте одноклассных школ (например, в 1905 г. было 24 863 одноклассные школы и 19697 школ грамоты, а в 1908 г. школ грамоты — 10655 и 27792 одноклассные школы⁴). Духовное ведомство производило «перегруппировку» своих школ, так как на школы грамоты средства из казны не отпускались.

Считая церковную школу оплотом в борьбе против революционного движения, правительство систематически увеличивало ассигнования на содержание и развитие этих школ, ограничивая в то же время средства на начальные школы министерства просвещения. В 1896 г. на содержание церковноприходских школ из средств государственного казначейства было отпущено 3,4 млн. руб., а на содержание всей сети начальных школ министерства просвещения — только 1,5 млн. руб. В 1900 г. на церковные школы ассигновано 6,8 млн. руб., на школы министерства — 3 млн. Начиная с 1902 г., из государственного казначейства на содержание церковных школ отпускалось ежегодно по 10 млн. руб., а на нужды школ министерства просвещения — от 4,8 млн. (в 1903 г.) до 9 млн. (в 1907 г.). В 1907 г. на 25401 церковноприходскую школу (без школ грамоты, которые не финансировались) было ассигновано свыше 10 млн., а на 44256 школ министерства просвещения, где к тому же число учащихся было значительно больше, — только 9 млн. руб.⁵

Такая политика не вполне устраивала русскую буржуазию, заинтересованную в развитии грамотности и образования в соответствии с потребностями отечественной промышленности. Она настаивала на увеличении числа светских начальных школ. С 1908 г. ассигнования на школы министерства просвещения стали увеличиваться. Но школ было все же совершенно недостаточно. Так, в 1905 г. детей 8-летнего возраста было 3,5 млн. чел., а в школы можно было принять только 1,8 млн. По сообщению директора начальных училищ Тамбовской губернии, в 1905 г. отказы в приёме детей в школу составляли от 50 до 90%. В Мотовилихинском одноклассном училище на 60 мест явилось 180 детей. Отказ принять всех желающих учиться вызвал волнения рабочих Мотовилихи.

Духовное ведомство не проявляло заботы об обеспечении своих школ необходимыми помещениями. «Нечего печалиться сельским пастырям о неимении приличных помещений», — писало в 1892 г. черниговское духовное начальство, призывая духовенство открывать новые школы⁶. Ещё в 1911 г., как это было установлено переписью, из 38228 церковных школ 25897 не имели собственных помещений и были размещены в крестьянских избах, не пригодных для занятий.

Большевистская «Правда» в статье «Церковноприходское просвещение» поместила в 1912 г. корреспонденцию из г. Свяжска, в которой описывалось тяжёлое положение церковных школ. «В уезде 40 церковноприходских школ, — писал корреспондент, — В большинстве случаев каждая школа помещалась в одной комнате деревенской избы вместе с семейством хозяина дома. Тут ребята, ягнята, телята и учительница»⁷.

Основная цель церковноприходской школы заключалась в утверждении среди народных масс православия и христианской нравственности. В её программе главное место занимал закон божий (изучение молитв, истории ветхого и нового завета, катехизиса), затем следовало изучение церковнославянского языка и церковного пения.

Что же касается «полезных знаний», то обучение ограничивалось чтением и письмом, а также начатками арифметики. В церковных школах повышенного типа сообщались также сведения «из истории православной церкви и отечества».

Церковная школа рассматривалась, как дополнение к церкви, вместе с последней она должна была воспитывать детей в духе любви к церкви и богослужению. Посещение церкви и участие в церковном богослужении должно было стать, как сказано в положении, «потребностью сердца учащихся».

Закону божьему должны были дети отдавать все внимание и большую часть времени. В одноклассной церковной школе из 76 учебных недельных часов во всех её (1-3) классах 35 часов (46%) уделяли на основные религиозные предметы — закон божий, церковнославянское чтение, церковное пение. В двухклассной школе из 56 часов в неделю на эти предметы тратили 21 час (37,5%).

Такое же внимание к закону божьему было и в начальной школе министерства просвещения. По расписанию уроков, преподанному министерством в 1897 г., из 27 часов в неделю на религиозные предметы (закон божий, церковнославянское чтение и церковное пение) приходилось 12.

Преподавание закона божьего прежде всего имело в виду так называемые воспитательные задачи: детям внушали, что власть царя от бога, поэтому необходимо почитать царя и поставленные им власти; говорили об избранности русского православного народа, попутно проповедовали религиозную нетерпимость и черносотенство. Внимание детей отвлекалось от внешнего мира: их учили, что главное в жизни — религия, соблюдение религиозных обрядов, что необходимо смирение и послушание.

Известный черносотенец протоиерей Восторгов, будучи окружным наблюдателем церковноприходских школ в Грузии, в своём отчёте за 1901-1902 г. такими словами определял значение закона божьего в школьной программе: «Закон божий занимает такое место, которое даже нельзя назвать первым, его положение несравнимо с другими предметами школьного преподавания. Закон божий даже не предмет преподавания: он начало и конец школьного дела, он закваска, проникающая во весь строй школьной жизни..., на уроках закона божьего как бы выковывается лик школы, как именно церковной школы»⁸.

Первенствующее значение закона божьего в начальной школе подчеркнул в своём докладе за 1913 г. и обер-прокурор синода Саблер. Он писал, что закон божий в этом году и прежде был положен в основу учебно-воспитательного дела и что изучение других предметов подчинено главному предмету и направлено к главной цели церковной школы — «распространению в народе образования в духе православной церкви, преданности престолу и отечеству»⁹.

На практике преподавание этого «главнейшего» предмета превращалось в бессмысленную зубрёжку. Священники требовали знания наизусть, слово в слово молитв, текстов писания, катехизиса. Всякое отступление от зубрёжки, попытка изложить церковные тексты своими словами рассматривались как тяжкий проступок. Яркую картину системы преподавания закона божьего в начальной школе дал в своих воспоминаниях один учитель.

«Священник Андрелинов, — писал учитель (этого священника за его упорство крестьяне прозвали «каменным попом»), — причинил школе огромный вред. Ещё пока не давалось ему исключительной власти, влияние это не так было велико. Когда же возвели во владение над школой и учителями, он воспитывал во всех одно зло, одну сплошную ненависть, а в более слабых — рабские наклонности, ябеду и подхалимство, лесть, унижения... Что создавалось учителями, то разрушалось Андрелиновым»¹⁰.

Такое же внимание уделялось преподаванию закона божьего и религиозному воспитанию в начальной школе министерства просвещения. За учебным процессом

наблюдала школьная полиция — инспекция и дирекция народных училищ. Школьная полиция была и над церковными школами. Духовное ведомство содержало целую армию наблюдателей — священников, на которых тратилось ежегодно свыше полумиллиона рублей, не считая местных средств.

Большевистская «Правда» разоблачала действия светской и церковной охраны. В 1913 г. в передовой статье, посвящённой вопросам школы, газета писала: «Народная школа в России опутана густой сетью надзора в лице дирекции и инспекции училищ. Мало того, всякая власть имущий в деревне: предводитель дворянства, земский начальник, священник и чуть ли не урядник могут вмешиваться в жизнь народной школы и по-своему насаждать в ней дух патриотизма»¹¹.

В книге «Наставление народному учителю» директор народных училищ Тульской губернии Яблочков дал целую программу насаждения в народной школе религиозного воспитания и преданности самодержавию. Особое внимание он обращал на пропаганду верноподданнических чувств в школе. «Необходимо при всяком удобном случае подчёркивать, — внушал он, — что царская власть установлена богом, что царь — божий помазанник». Он требовал чтобы ежедневно читали молитву за царя, исполняли гимн и чтобы детей знакомили с рассказами, где прославляются деяния «благочестивых» царей¹².

Несмотря на принятые меры, положение в школах продолжало вызывать серьёзное беспокойство в правящих классах и в синоде. На съездах законоучителей, а также на съездах дворянства стали говорить об усилении контроля за преподаванием в начальной школе закона божьего. В связи с ростом революционного движения и отходом народа от православия синод издал в 1907 г. особые правила о наблюдении за преподаванием закона божьего в начальной школе. Был создан новый институт школьных сыщиков из среды духовенства. Наблюдение за преподаванием закона божьего возложили на специально назначенных «помощников благочинных», облечённых большими полномочиями. Они должны были контролировать знания учеников, выяснять, как относятся учителя к церковному богослужению, к обрядам, домашней молитве; улавливать «общий дух школы», т.е., в какой степени школа проникнута церковностью. На церковных сыщиков возложили также обязанность проверять, как проводятся чтения для народа, нет ли в них чего-нибудь недозволенного, не ведётся ли преподавание по не утверждённым учебникам. Им вменялось в обязанность контролировать пополнение школьной библиотеки — достаточно ли в ней книг религиозного содержания, нет ли книг недозволенных. Церковные сыщики обязаны были следить за работой начальной школы независимо от органов надзора министерства просвещения. Прогрессивные учителя, в связи с изданием этих правил, писали, что «священникам — светогасителям и мракобесам в прямую обязанность вменили сыск за учителями»¹³.

В начальной школе большое внимание уделялось церковнославянскому языку, как языку, на котором совершалось православное богослужение. Духовенство стремилось поставить церковнославянский язык в основу всей русской грамоты, ему придавалось «национально-воспитательное значение». От детей не требовалось понимания церковнославянских книг, перевод и пересказ прочитанного. Считалось, что православный ученик «внутренним чувством» проникнет в смысл церковнославянской речи, так как язык богослужения для него является «родным». При механическом изучении церковнославянской грамоты преследовалась цель создать у учеников «благоговейное и молитвенное настроение». Церковнославянское чтение проводилось стоя.

На изучение ненужного в жизни церковнославянского языка тратилось много времени в ущерб обучению русской грамоте. «Букварь гонишь как на почтовых, — жаловались учителя, — потому что поп над душой стоит и приговаривает: поскорей, поскорей. Только буквы кончишь, сейчас уже и зубрёжка начинается: задаёшь мальчишке выучить славянскую азбуку, 41 знак, слова под титлами, а их около 60, ударения, придыхания, ерик, цифирь. Сочтите-ка, сколько, чуть не весь китайский алфавит. Да в чтении славянском надо напрактиковать — попы, ведь, требуют, чтоб молитву умели по книжке безошибочно читать. А потом шестопсалмие обязательно выучи. 12 псалмов, которые

на часах полагаются, выучи. А писать когда? Арифметике учить когда?»14.

Было время, когда крестьянам нравилось, что их дети бойко читают «божественное» — псалтырь, часослов, но затем они стали понимать, что чтение «по покойникам» в жизни бесполезно, что детям нужна другая грамота.

«Мудруют шибко, — говорил один крестьянин. — На прошлой неделе мальчишке моему слов 70 под титлом учитель задал. И все это ни к чему, зря... Опять и азбука церковная — тоже ни к чему»15.

О грамотеях, знавших церковную грамоту и плохо читавших по-русски, крестьяне говорили: «Какой он грамотный, псалтырь прочитает, а что до письма, сам не разберёт, что напишет, таких много грамотеев». «Пользы от грамотности не видим, — говорили они, — учеников учат славянской грамоте, а она нужна только в церкви, а для другой цели нужна русская грамота»16.

Важнейшим воспитательным средством в церковной школе считалось церковное пение. Это была «душа» церковной школы. Посредством церковного пения производилось обучение детей церковной службе. Церковное пение рассматривалось как средство установления тесной связи между церковью и школой, как средство привлечения к церковной школе симпатий народа. Считалось, что мелодия и текст песнопений возбуждают религиозные чувства, настраивают на молитвенный лад. Умение петь высоко ценилось в народной школе. Учащимся за хорошее пение прощали неуспехи по другим, «светским» предметам. К учителям церковной школы предъявлялось требование хорошо знать церковное пение, нерадивых или неспособных переводили на худшие места или увольняли. В западных губерниях церковное пение служило средством борьбы с католической религией. «Блеску внешней обстановки» в католических костёлах противопоставлялось — вместо прежнего «убожества» православной церкви — согласное пение учеников, как приманка для привлечения в церковь крестьян. Для внедрения в школах церковного пения духовным ведомством систематически устраивались специальные певческие курсы продолжительностью 5-6 недель по 32 урока в неделю. На этих курсах учились ежегодно пению от 3 до 5 тыс. учителей церковных школ. При церквях организовывались общества любителей церковного пения, носившие часто черносотенный характер. Церковное пение было главным предметом и на специальных съездах и курсах для подготовки учителей церковных школ. Так, на курсах учителей Петербургской губернии на церковное пение затратили 85 час, а на русский язык и арифметику — 45 час. На тифлиских учительских курсах, организованных в 1893 г., на церковное пение было затрачено 78 час, на закон божий и церковнославянский язык — 44 часа, а на арифметику — 16 час. На курсах выступали епархиальные архиереи, которые подчёркивали значение церковных школ для пропаганды воинствующей религиозности и монархизма.

3

Изучение других предметов в начальной школе также служило пропаганде религиозной идеологии и монархизма. В курсе русской истории, преподававшейся в церковноприходской школе повышенного типа и начальной школе министерства просвещения, обращалось особое внимание на события церковной истории, а также на князей и царей, которые превозносились за их «святость». На уроках русской истории учащимся внушали, что русский народ всем обязан церкви и православным царям и что от них якобы зависит все будущее народа.

Давая некоторые сведения из естествознания, учителя внушали ученикам, что бог — «творец и промыслитель мира», что они должны проникнуться «беспредельной любовью и благодарностью к его творцу»17. На уроках чистописания ученики обязаны были изучать полууставное письмо, которое затрудняло успехи в русском письме, но зато, как сказано в отчёте обер-прокурора синода за 1913 г., «неволью влекло мысль к речи церковной и предметам священным». На уроках рисования ученики срисовывали церковные одежды и утварь, употреблявшиеся при богослужении. Преподавание русского языка — чтения и письма также было пропитано религиозностью и церковностью. В рекомендованной для церковных школ «Книге для чтения и письменных работ» А. Радонежского весь материал разбивался на 5 отделов: 1) из жизни природы,

2) чтение духовно-нравственное, 3) святая земля, 4) церковнославянское чтение, 5) православная церковь. На церковном материале составлялись также задания по развитию речи, приведённые в конце книги.

Для народных училищ западных губерний в течение многих лет была обязательна «книга для чтения», составленная Н. Одинцовым и В. Богоявленским, вышедшая в 1915 г. 15-м изданием. Материал в ней был разбит на такие отделы: 1) религиозно-нравственный, 2) мир божий, 3) назидательное чтение, 4) церковнославянская грамота, 5) отдел русской природы. В последнем отделе приводилось описание религиозных праздников, знакомство с так называемыми местными святынями-монастырями, церквами, «угодниками».

Представление о «научности» приведённых в книге сведений может дать, например, такое «доказательство» шарообразности земли: «А будь она плоская, — писали авторы, — как доска, так кругом обойти её было бы нельзя; через край, через ребро нельзя было бы, и будь она брусок, 4-х угольная, также не обойти бы, углов нельзя миновать, стало быть она, земля наша, круг, потому и называется шаром. Что солнце есть шар, — это каждый видит»¹⁸.

«Книга для чтения», предназначенная для школ западных губерний, преследовала русификаторские цели. Она разжигала религиозную вражду и натравливала православное русское население на католиков.

Книга Одинцова осуждалась прогрессивными учителями. Эта книга, писали они, «настолько искажает сущность вещей, что пользоваться ею при обучении — значит нести народу путы, связывающие мысль»¹⁹.

Из церковных школ изгонялось «Родное слово» замечательного русского педагога К. Д. Ушинского, так как оно, по отзыву «учёных церковников» из синода, мешало развитию религиозного чувства. Вместо «Родного слова» Ушинского в школах насаждалась «Книга для классного чтения» инспектора московского учебного округа Мартынова. В ней описывались «духовно-нравственные подвиги и добродетели»; материалы были подобраны по темам: «смирение», «раскаяние», «послушание», помещены различные тропари и церковные песнопения. Эта откровенно поповская реакционная книга была признана лучшей из школьных хрестоматий и удостоена награды. Тот же Мартынов составил учебник для начальных школ под таким названием: «Русский грамотей, азбука-самоучка, как учатся богу молиться, читать и считать». Весь материал «азбучки» был пропитан церковностью.

Учебники по русской истории для народных школ составлялись в том же религиозно-монархическом духе. Таков, например, распространённый учебник Пуцыковича «Русская история для народных и других школ». В книге говорилось о любви русского народа к царям, о его религиозности. В монархическо-религиозном духе был составлен учебник С. Рождественского «Отечественная история для народных училищ». В учебнике русской истории Н. Горбова, одобренном учёным комитетом для начальной школы, подчёркивалась мысль, что поступками людей руководит божественная воля. Говоря об основании Киева, автор писал: «Аскольд и Дир, конечно, думали, что остались в Киеве по собственному выбору: а между тем это случилось явно по указанию божьему»²⁰.

Церковные школы в обязательном порядке получали издававшуюся синодом «приходскую библиотеку», пропитанную церковным духом. За период с 1891 по 1908 г. синодом было напечатано 1,5 млн. экз. этой библиотеки стоимостью свыше полумиллиона рублей. Население по достоинству оценило синодскую «энциклопедию» и отказывалось её читать. Синодом было издано также много книг для церковных школ. С 1891 по 1908 г. выпущено свыше 33 млн. экз. книг на 6,7 млн. руб. В этих книгах, помимо проповеди религии и монархизма, насаждался великорусский шовинизм, ненависть к другим народам.

Издавая реакционную церковную литературу и принудительно рассылая её по народным школам, духовное ведомство вело тщательное наблюдение за состоянием школьных библиотек. Помимо общей и специальной цензуры им была установлена ещё собственная цензура. Из библиотеки изымались книги, хотя и разрешённые общей цензурой, но содержащие в себе, по заявлению духовного ведомства, «мнимо научные, антирелигиозные и даже социалистические мысли». Духовное ведомство тщательно

опекало народного учителя, считая, что он ещё не дорос до самостоятельной оценки книг, что ему нужна в этом отношении помощь синода. Насаждая религиозную черносотенную литературу, духовенство пыталось воспитать у учеников безразличие к светской художественной литературе. Им навязывалась мысль, что светская литература «оскверняет» школу.

Кроме «Родного слова» Ушинского, духовное ведомство запретило также замечательный «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте» И. Л. Худякова, как заключающий в себе, по отзыву духовных цензоров, «самое грубое материалистическое учение в соединении с идеями коммунизма и безверия с полнейшим неуважением ко всякой власти». Самоучитель был уничтожен, а автор отправлен в далёкую ссылку.

Резкую критику духовенства вызвал также учебник прогрессивного педагога В. П. Вахтерова «Мир в рассказах для детей». Духовенство считало, что Вахтёров своим научным объяснением уничтожал всякую основу для религиозной пропаганды в народе. Учебник был изъят в 1912 г.

4

Передовые учителя народной школы пытались разоблачить ложь религиозного толкования явлений природы и дать детям начатки научного представления о мире. Но эти попытки встречали сильное противодействие со стороны духовенства. Священники — законоучители писали доносы о подрыве религиозного воспитания в школе, добивались увольнения прогрессивных учителей. Законоучитель Чепельского народного училища Витебской губернии в своём доносе директору народных училищ писал: «Пусть дети лучше останутся тёмными людьми, но добрыми христианами и верными сынами царя и отечества, чем будут грамотными, но напитанными толстовщиной и ядом революции»²¹.

Особую ненависть у духовенства вызывала пропаганда учения Дарвина. В одной школе учитель рассказывал детям о происхождении человека. Узнав об этом, священник стал кричать, что Дарвин — богоотступник, который осмелился восстать против священного писания. Учителю священник сделал строгое внушение и пригрозил сообщить начальству. «Вы должны знать, — говорил он, — что теория Дарвина еретическая, так как она противоречит учению святых отцов». В другой школе учитель, организовав экскурсию к оврагу, рассказывал о жизни Земли и о ледниковом периоде и тем самым опровергал летосчисление, принятое церковью. Священник донёс на него начальству²².

В 1908 г. уездный наблюдатель — священник, посетивший земскую школу с целью проверить преподавание в ней закона божьего, выразил недовольство, что на стенах были развешаны наглядные пособия — картины по географии и зоологии, и что в школе оказался глобус. Уезжая, он предупредил учителя: «уберите картины..., и глобус уберите... Это, видите ли, развивает ум, но не сердце..., надо молитвенность, церковность развивать в сердце... А тут смотрите по стенам — какой же вы учитель народной школы!»

«Вот теперь и думай, — писал учитель в своей корреспонденции, — оставят ли тебя на месте»²³.

Обучение в церковной школе считалось тяжкой барщиной, вызывало часто недовольство учеников. Говоря о неудовлетворительно составленных учебниках и о равнодушии учеников к учению, старый учитель писал: «Попробуй-ка оживить класс значением церковной утвари да рыданием псалмопевца на славянском языке. Оживи-ка малыша такой сушью, как статья "Описание святой земли Палестины". А ведь подобных статей большинство в книжках для классного чтения в церковной школе»²⁴.

Для объединения детей вокруг школы и церкви в распоряжении духовенства были ещё другие средства: в торжественной обстановке отмечались храмовые праздники, ежегодно 19 февраля совершались богослужения в память грабительской крестьянской реформы 1861 года; в день памяти Кирилла и Мефодия восхвалялось духовенство за его якобы заслуги в области просвещения; устраивались «церковно-школьные содружества детей», школьные паломничества в монастыри и так называемые святые места.

Для воспитания детей в духе преданности самодержавию духовенство использовало

также «царские дни», в которые служились молебны за царя, раздавались царские портреты. Особенно широко отмечались коронационные торжества 1896 года, когда на престол вступил последний Романов. Листовка Петербургского комитета РСДРП разъясняла (крестьянам и рабочим, с какой целью правительство и духовенство устроили эти торжества. «Правительство, рассчитывая на народную темноту, пускает сказки о своём божественном происхождении. Сделать ему себя божеством очень легко. Стоит только царю призвать к себе Победоносцева, командующего нашим синодом, и приказать, что хочет, а синод уже может возвести царя хотя бы в четвёртое лицо святой троицы...»²⁵

5

Школа обслуживалась армией духовенства. В 1907 г. в церковных школах было 40287 преподавателей закона божьего — священников и дьяконов. Кроме того, в церковных школах было занято 42772 учителя. Многие из учителей в этих школах не имели свидетельства на право преподавания, были «неправоспособными». Таких «неправоспособных» в 1907 г. было 9542 человека при общем числе 42772 учителя, т.е. более 24%²⁶.

«Нет нужды, — говорило епархиальное начальство, — сразу искать учителя образованного, лучше на первый раз поставить грамотного, преданного церкви»²⁷.

«Искренняя набожность, православная церковность и сердечная мягкость», — вот что требовалось от них. Слабая подготовка учителей церковной школы сказывалась отрицательно на обучении.

Духовенство не доверяло учителям, получившим образование в учительских семинариях, считая их «безбожными». В 1907 г. по инициативе синода был поднят вопрос о закрытии Рязанской учительской семинарии ввиду выпуска из неё, по словам духовного ведомства, учителей, заражённых «религиозным индифферентизмом». Духовное ведомство готовило учителей для своих школ в изолированных от всего мира духовных семинариях, учительских школах и епархиальных училищах, где учащиеся подвергались нравственному растлению. В учительских школах основное внимание обращалось на преподавание закона божьего, церковного пения и церковнославянского языка. Преподавание русской истории находилось в тесной связи с церковной историей.

Учителя церковной школы получали крайне недостаточный, а порой прямо-таки нищенский оклад. Из 42 тыс. учителей в 1907 г. около 3 тыс. получали менее 60 руб. в год, 19 тыс. — от 120 до 240 руб., и лишь 5 тыс. (7,4%) — 360 и более рублей в год²⁸. При таких «окладах» многие учителя умерли бы с голоду, если бы крестьяне по решению сельских сходов не подкармливали их обедами по очереди.

Наблюдатели за церковными школами в своих отчётах отмечали очень тяжёлое материальное положение учителей церковной школы. Волынский наблюдатель в отчёте за 1898 г. писал: «Вследствие скудного содержания учителям и учительницам приходилось терпеть поистине и голод и холод, нести свой труд по обучению крестьянских детей при самых неблагоприятных условиях, заниматься буквально с раннего утра до позднего вечера»²⁹.

На Всероссийском съезде представителей обществ взаимопомощи учителям, состоявшемся в 1903 г., приводились данные о тяжёлом материальном положении учителей церковных школ. В Саратовской губернии учительница, получая за свой труд жалкие гроши, вынуждена была «пойти в кусочки». Учитель Ф. Пестов, получавший 10 руб. в месяц, умер от истощения вследствие хронического недоедания, так как даже эти деньги он не получал в течение нескольких месяцев. Учитель, как сообщалось в докладе, «пал жертвой каторжного труда и преступной небрежности духовного начальства»³⁰. Задержка выдачи учителям их нищенского жалования применялась часто как средство борьбы со «строптивыми» учителями в результате доноса на них местного духовенства.

Ещё тягостнее было бесправие учителя. Учитель церковной школы рассматривался как «наёмник», работник приходского священника и находился от него в полной зависимости. Священник, этот, по выражению синода, «полномочный истолкователь голоса церкви», мог лишить места неудобного ему учителя и закрыть перед ним путь для дальнейшей деятельности. И. Сахаров, много лет проработавший в церковной школе, в

«Записках старого учителя» так рисует положение учителя этой школы: «Современная церковная школа — это такая... броня, которую не пробьёшь. Это — ад, где одному с факелом нечего делать! Там 3 кита, на которых все зиждется: церковность обрядовая, абсолютное послушание учителя и заведующий с программой в руке, грозящий "упечь" за отступление от буквы этой программы»³¹.

Велико было бесправие народных учителей и министерской школы. Инструкции, разработанные светским и духовным начальством, регламентировали каждый шаг учителя. Особое внимание обращалось на его религиозность, соблюдение церковных обрядов, на насаждение им религиозности среди учеников. Инструкции подчёркивали, что в учителях недопустимо вольномыслие о предметах веры, «кощунство», неуважение к церкви и её служителям, несоблюдение постов, непосещение церковных служб³².

Обязательное посещение церкви часто превращалось в тяжкую повинность, приносящую вред здоровью. Об этом красноречиво рассказывает в своих воспоминаниях старый учитель: «С особой неукоснительностью требовалось водить учащихся в праздник гурьбой в церковь, непременно в ту, где служил законоучитель, и не взирая на непогоду, ни на грязь, ни на холод... Многие в худой обуви и холодной одежде, с промоченными ногами, с окаменевшими членами простаивали в страшно холодной нетопленной деревенской каменной церкви. Часто хворали. Бывали даже смертные случаи... Родители роптали на учителей... Законоучитель ослушников наказывал, требовал того же с учителей, иначе жаловался начальству»³³.

Школьное начальство ставило учителей под надзор местного духовенства, просило доносить ему о несоблюдении учителями религиозных обязанностей. Также и полиция, ведя наблюдение за не внушавшими доверия учителями, прибегала к услугам священников, видя в них своих помощников. Союз между полицией и церковью был разоблачён в 1901 г. ленинской «Искрой». «Ардатовский уездный исправник Иван Самосудов, — писала «Искра», — в секретном письме исполнительным чинам ардатовской полиции, предлагая усилить негласный надзор за сельскими учителями, рекомендовал установить связь со священниками»³⁴.

«Искра» рассказывала, в каких исключительно трудных условиях приходилось работать народному учителю: «Горькая нужда, умственное и нравственное одичание — таков удел главных работников просвещения»³⁵.

На съезде взаимопомощи лицам учительского звания, происходившем в 1903 г., учителя протестовали против шпионской деятельности духовенства, жаловались, что священники, опорочивавшие политическую и религиозную благонадёжность учителей, оставались безнаказанными. Участники съезда резко осудили полицейскую деятельность духовенства. «Желательно, — записано в резолюции, — чтобы при увольнении не служили достаточным основанием заявления священника, благочинного... о недостаточно усердном исполнении учителем религиозных обязанностей». Учителя требовали, чтобы священники перестали доносить о «нравственном и религиозном их поведении»³⁶.

После подавления революции 1905 года духовенство предприняло массовый поход против народных учителей. Оно мстило учителям за их участие в революции, за разоблачение реакционной деятельности духовенства, призывало крестьян к расправе с негодными ему учителями.

Священник села Новоуспенского Ветлугинского уезда Костромской губернии Павел Горский донёс на учителей Насимович и Чудецкого, которые в 1905 г. организовали чтения для народа и разъясняли смысл политических событий. В церкви и на сходе священник Горский поносил земские школы, называя их «погаными земскими стенами», и уговаривал крестьян закрыть эти школы. Крестьяне враждебно отнеслись к провокации священника, но по его доносу учительница Насимович была выслана в Архангельскую губернию, а учитель Чудецкий арестован. По доносу священника — наблюдателя Петра Федоровского в 1907 г. был уволен учитель школы села Богородского Ярославского уезда. Его обвиняли в том, что он читал брошюры и развращал народ³⁷. Священник Меркуловской церкви Могилевской губернии в 1910 г. донёс на учителя местной школы Шутова, что он известен ему как «человек антирелигиозного направления», что своими

беседами он развращает учеников и сельскую молодёжь. По настоянию могилевского архиерея учитель был уволен. Также уволили и учительницу Улукского народного училища Могилевской губернии Н. Полянскую. Её обвинил местный священник в том, что она «проповедница безбожия и Дарвина»³⁸. Такая же участь постигла учителя Столетской школы Сонопова, которого местный священник Трусевич обвинил в атеистической пропаганде.

Учитель Княжицкого училища Могилевской губернии Радиков писал в дирекцию училищ: «Что мне делать? Начиная с 6 марта 1906 года протоиерей Савинич каждое воскресенье, а также в среду и пятницу в церкви, после обедни с крестом в руках... обличает и укоряет меня, что я... поздно в церковь хожу, не там стою. Эти незаслуженные укоры доведут меня до могилы»³⁹.

Крестьяне села Кевсалы Ставропольской губернии протестовали против увольнения учителя Олейника, проработавшего в школе более 5 лет. «Его деятельность, — записано было в приговоре, — не нравилась полиции и духовенству». Приговор об оставлении учителя на работе подписали 612 крестьян⁴⁰.

Ведя среди населения черносотенную агитацию, духовенство втягивало в неё учеников, заставляло их распространять черносотенную литературу. Духовенство требовало, чтобы учителя также вступали в монархические организации и вместе с ними вели черносотенную пропаганду. На тех, кто не соглашался вступать в монархический союз, священники натравливали местных черносотенцев. При содействии епархиального начальства они добивались увольнения негодных учителей.

Учитель школы села Ключи Красноуфимского уезда Ларцов писал, что он 21 год работал в своей школе и за эти годы «ушёл от волка и медведя, но не ушёл от попа». В село приехал настоятель Белозерского монастыря Варлаам и стал вербовать учителя в черносотенный союз. На сельском сходе, ведя погромную агитацию, Варлаам говорил: «кто не присоединится к нам, тот революционер. Бойтесь учителей. Это люди хитрые и незаметно воспитывают в детях противоположные качества веры. Отказывайтесь от светских земских школ и открывайте церковные. Если не нравятся вам учителя, составляйте приговор, их просто бейте». Крестьяне не поддались агитации жандарма в рясе, но по требованию местного отделения союза русского народа, учитель все-таки был уволен⁴¹.

Раскрывая перед народом гибельный для народного просвещения союз самодержавия с православной церковью, указывая на реакционную деятельность духовенства, «Искра» писала: «... Всякий, кому дороги интересы трудящихся масс, кому дорога свобода и независимость личности... не может не подняться на борьбу с этим врагом, прикрывающим себя религиозной мантией, — с врагом, называемым "православной церковью". Эта церковь является у нас в России органом азиатского государства с ясной программой активно-реакционной деятельности и вполне определённой физиономией союзника позорного правительства»⁴².

6

Духовное ведомство враждебно относилось к светской начальной школе, считая её «орудием растления народа», и предавало её анафеме. Правительство не доверяло земской школе, обвиняя её в том, что она заражена «противорелигиозностью» и является виновницей падения «нравственности» в народе. Опираясь в своей реакционной политике в области просвещения на духовенство, правительство поддерживало его враждебное отношение к светской школе. Воинствующая деятельность духовенства против светской школы хорошо показана в повести С. И. Гусева - Оренбургского «Страна отцов». Представитель воинствующего духовенства «отец из академии» Матфей, когда узнал о готовившейся передаче всех школ духовенству, заликовал: «Да вы поймите, — говорил он священникам, — это мечта! Это возврат к великому прошлому! Это первый шаг к царству теократии!». «Приветствую я это намерение высшего правительства передать нам эти школы. Они принадлежат нам по историческому праву. Не только низшие школы..., гимназии и университеты следовало бы отдать в наши руки, под наш надзор»⁴³.

Пользуясь поддержкой правительства, духовенство боролось с развитием светской начальной школы, настраивало крестьян против её учителей, называя их

«нигилистами». «Посылайте детей в наши школы, — проповедовал в церкви священник из Ветлуги, — а отнюдь не в земские, там царит тлетворный дух, там учат социал-демократии»⁴⁴.

Священники натравливали учащихся церковных школ на учеников земских школ, заставляли их забрасывать камнями квартиры учителей, переманивали и даже силой переводили учеников земских школ в свои школы. На сельских сходах священники принуждали крестьян выносить приговоры о закрытии земских школ и открытии вместо них церковных. Так, в 1908 г. калужское земство решило открыть в деревне Мстихиной земскую школу, и крестьяне поддержали это предложение. Местный священник Иванов протестовал против этого и уговаривал крестьян отказаться от своего решения. Крестьяне, однако, его не послушали.

О враждебном отношении народа к церковным школам рассказал на заседании Государственной думы депутат большевистской фракции П. И. Сурков. На сельском сходе станции Тайшет Иркутской губернии священник уговаривал крестьян построить новую церковную школу, но они отказались. По словам крестьян, церковная школа «пропускает свет очень тусклый, как лампочка-коптилка первого выпуска керосина, заменяющая дымную лучину». Крестьяне решили построить 2-классную министерскую школу, чтобы «быть ближе к культуре и свету»⁴⁵.

Для агитации против министерских школ духовенство использовало также церковные обряды. В 1899 г. в Самарской губернии всем лицам, вступавшим в брак, вручалось особое воззвание с гнусной клеветой на учителей светских школ. Воззвание восхваляло церковные школы как средство борьбы с врагами царя и церкви и призывало лиц, вступивших в брак, вносить на содержание церковных школ деньги, не менее одного рубля. В Бежецком земском собрании священник Постников, требуя от земства субсидий церковным школам, говорил: «У нас есть среди пасомых чуждающиеся своих пастырей..., в земские школы — по мере отчуждения их от церкви стали поступать новые, под видом знатоков и специалистов, учителя-нигилисты, проникнутые духом ненависти ко всему святому, русскому, к церкви, царю и православному отечеству; началось не просвещение народа, а развращение его... К несчастью, эти учителя-безбожники находили себе покровительство и поддержку там, где и ожидать нельзя было»⁴⁶. Называя земские школы «неудачными, неудовлетворительными, требующими неотложной реформы», священник Постников настаивал перед земством на передаче земских школ духовенству и на открытии новых церковных школ.

Реакционные выступления духовенства против просвещения народа, против развития сети министерских школ велись по указке синода. Орган синода «Церковные ведомости», давая враждебную оценку деятельности земских школ, обвинял их в том, что за 50 лет своего существования они способствовали «полной деморализации и хулиганизации деревни, народному развращению».

В «Церковных ведомостях» была помещена погромная речь вологодского епископа Никона, который призывал к открытой борьбе против земской школы, против передачи церковных школ в ведение министерства просвещения. «Враги хотят вырвать у нас право воспитания детей народа грядущих поколений, — говорил он, — и перевоспитать их в духе безбожия и одичания, в духе антихриста»⁴⁷.

Для возбуждения народа против светской школы духовенство пыталось использовать факт массового участия сельских учителей в революции 1905 г. «Церковные ведомости» писали, что свыше 26 тыс. сельских земских учителей находилось в ссылке в Сибири. Это, по их мнению, являлось доказательством того, что «народное просвещение сводилось к народному развращению».

Враждебное отношение духовенства к светским школам вызвало многочисленные протесты. Церковную школу называли знаменем воинствующего клерикализма, врагом просвещения. В насаждении церковных школ справедливо видели усиление влияния духовенства на народ. Некоторые земства, отстаивая школы от нападков воинствующего духовенства, в свою очередь подвергали резкой критике постановку преподавания в церковных школах, лишали их субсидий. В своих решениях земства отмечали, что духовенство стремилось поставить школу вне общественного контроля, сделать её орудием классово-политической борьбы и политической пропаганды. Но это не мешало,

впрочем, земствам (например Курскому) признавать громадное значение религиозности народа. О «культурной роли религии в школе» говорил также в Государственной думе лидер кадетской партии П. Н. Миллюков⁴⁸.

Некоторые земства отказывались от забот по просвещению народа и передавали свои школы духовенству. Такими решениями «прославили» себя, например, земства: Вольское Самарской губернии, Яренское Вологодской губернии, Елатомское Тамбовской губернии и др. Черносотенные земцы - помещики говорили, что грамотные крестьяне «отрываются от сохи и самодержавия», «перестают помнить бога». В подтверждение своих реакционных взглядов помещики приводили отзыв московского митрополита Филарета Дроздова. Филарет писал, что народное образование, «несогласное со званием», породит недовольство своим состоянием, что народное образование помимо церковной школы «породит неблагонадёжных учителей»⁴⁹.

Реакционные решения помещиков часто наталкивались на сопротивление крестьян. В 1898 г. угличское земство вынесло решение о передаче школ духовенству. Но, как вынужден был признать епархиальный училищный совет, ни одно сельское общество не согласилось на это, и школы против желания помещиков остались в ведении земства.

Прогрессивные элементы русского общества осуждали воинствующую политику духовенства в области народного просвещения. Крестьяне также повсеместно выступали в защиту светской школы от нападков духовенства. Синод вынужден был в 1904 г. издать особый циркуляр, призывавший духовенство к «мирному сотрудничеству» с министерской школой. Циркуляр этот, впрочем, остался на бумаге, потому что Синод, вдохновлявший духовенство в его реакционной деятельности, и не ждал от него ничего другого. Министерство просвещения — послушный исполнитель требований полиции и Синода — не протестовало против враждебной деятельности церкви по отношению к его школам. По требованию духовенства министерство не останавливалось даже перед закрытием своих школ.

«Я знаю случай, — писал прогрессивный деятель народного образования В. П. Вахтёров, — когда министерство заявляя о своём бессилии перед обер-прокурором, исполняя его желание, в одной только губернии закрыло сразу более сотни школ, пользовавшихся сочувствием народа»⁵⁰.

7

Церковноприходская школа не удовлетворяла народ. Как писала «Правда», крестьянская масса «жадно искала знания, широкого знания, которое дало бы ей ответы на поставленные жизнью вопросы; знания, знания, знания — требовал народ, сознавший уже, что знание — сила»⁵¹.

В ряде губерний крестьяне требовали открытия школ повышенного типа. «Эти факты очень знаменательны, — отмечала "Правда". — Они свидетельствуют, что в крестьянство зародилась неясная пока ещё мысль, что для культурного и экономического подъёма вообще и, в частности, в крестьянском хозяйстве недостаточно только уметь читать да считать, но необходимо образование общее, расширяющее общий кругозор»⁵².

Перед революцией 1905 года пермское земство произвело обследование состояния народного образования Пермской губернии. В частности, оно интересовалось вопросом об отношении народа к церковной школе. Из полученных отзывов за земскую школу было 180, а за церковноприходскую — только 29. Крестьяне плохо отзывались о церковной школе и системе воспитания в ней.

«Церковноприходские школы ниже всякой критики и в народе пользуются нелестными отзывами», «в церковной школе учение слабое и не так нравственно»; «церковная школа очень вредит народному образованию, так как учителя неграмотные»; «хоть учи, хоть нет, а толку никакого, напрасно только время потеряли»; «обучение это для крестьян слишком религиозное», — писали в своих отзывах крестьяне⁵³. Крестьяне же Воронежской губернии называли церковную школу «неустойчивой», жаловались, что она даёт мало знаний. Особенно невысокого мнения были крестьяне о школах грамоты. «Читать — читаем, а понимания нет», «мало учат, плохо учат», «вовсе не выучивают», говорили крестьяне об этих школах. А ведь таких школ насчитывалось очень много — больше одной трети всех церковных школ. Могилевский губернатор в отчёте за 1902 г.

также признал, что крестьяне не хотят отдавать детей в церковные школы грамоты.

В 1911 г. на волостном сходе села Успенского Амурской волости крестьяне постановили открыть министерскую школу. Они отказались посылать своих детей в миссионерскую школу. На недоброжелательное отношение крестьян Дальнего Востока к церковной школе жаловались в своих отчётах за 1911 г. владивостокский архиерей и военный губернатор Приморской области.

Крестьяне не ограничивались тем, что отрицательно отзывались о церковных школах. Они лишали эти школы материальной поддержки, принимали на сходах решения об их закрытии и требовали открытия вместо них школ министерства просвещения. Весной 1905 г. крестьяне дер. Вербилочки Выскатской волости Гжатского уезда отказались отпустить деньги церковной школе, так как она, по их словам, не была обеспечена пособиями, подготовленными учителями, а программа «не соответствовала запросам жизни». Такое же решение о «недоверии» церковной школе вынесли крестьяне Константиновской и Ставропольской волостей того же уезда. Крестьяне Гдовского уезда Псковской губернии на сходе потребовали закрытия «поповской» школы 54.

В 1908 г. между крестьянами 13 сел Винницкого уезда Подольской губернии и епархиальным училищным советом возник длительный конфликт. Крестьяне не отпускали денег на церковные школы, так как они, по их словам, «слишком мало давали знаний» 55.

Были случаи и открытого выступления народа против церковных школ. Кишинёвский архиерей Серафим писал в 1915 г.: «Население с. Белоуцкое Хотинского у., возбудив ходатайство об открытии земской школы взамен церковной, перестало посылать детей в церковноприходскую школу. Когда же народ узнал, что не так-то легко уничтожить школу, принадлежащую церкви..., то задумал просто разрушить школу, снести её с лица земли». В церковной школе были побиты стекла, растасканы двери, оконные рамы 56.

Выступления крестьян против церковной школы, их требования об открытии школ повышенного типа говорят о проникновении в массы большевистских идей о просвещении народа. В листовке «К товарищам, уезжающим в деревню», написанной в апреле 1905 г., Московский комитет большевиков давал такие указания о работе среди крестьян: «Откройте им [т. е. крестьянам] глаза на то, как царские чиновники и попы держат их во тьме и невежестве, не дают им просвещения, чтобы осознали они, кто враг, кто причина их несчастий» 57. Под влиянием большевиков рабочие и крестьяне выносили решения в духе социал-демократической программы, направленные против засилья духовенства в школах. Они требовали закрыть церковные школы, отделить школу от церкви.

В газете «Пролетарий» от 30 апреля 1905 г. в статье «Вести с Кавказа» сообщалось, что на крестьянской сходке в Дзиваруме, где присутствовало около тысячи человек, крестьяне требовали: «Уберите вон попов, не хотим их ни в школах, ни в обществе. Кто им доверяет, пускай содержит за свой счёт: просвещать народ могут только лица, пользующиеся доверием».

В ноябре 1905 г. крестьяне заявили учителю Бушовского народного училища Витебской губернии, что «учителем у них может быть лишь тот, кто изъявит согласие не читать установленных молитв за царя и не иметь в школе его портретов». В декабре того же года в этой школе были сорваны царские портреты и сняты иконы 58.

Крестьяне Эристского общества в Грузии, наряду с бесплатным и обязательным обучением до 16 лет, преподаванием на грузинском языке, требовали отделения церкви от государства и школы от церкви 59. Требование об отделении церкви от государства и школы от церкви предъявили и крестьяне Прямухинской волости Новоторжского уезда Тверской губернии. А рабочие Оршанского железнодорожного узла в октябре 1905 г., находясь под влиянием Оршанской организации большевиков, потребовали закрыть все церковные школы на дороге и открыть вместо них за счёт дороги школы министерства просвещения 60.

8

Наиболее последовательную позицию в области народного образования занимала революционная социал-демократия, выражавшая нужды эксплуатируемых масс. Борясь против религиозного воспитания детей, она выступала против идеализма, за развитие

материализма.

Ведя борьбу за создание Коммунистической партии в России, В. И. Ленин на II съезде РСДРП чётко сформулировал программу партии в области просвещения народа: образование на родном языке, отделение церкви от государства и школы от церкви, даровое и обязательное общее и профессиональное образование для детей обоего пола до 16 лет.

Большевистская партия выступала против влияния церкви на народную школу, разоблачала мракобесную деятельность духовенства в области просвещения.

В связи с постановкой вопроса об ассигновании в 1908 г. 4 млн. руб. на поддержку церковноприходских школ с резкой критикой церкви выступил с трибуны Государственной думы депутат от большевистской фракции П. И. Сурков. Указав, что попы стараются воспитывать в школах забитых рабов и затемняют народное сознание, что крестьяне протестуют против церковной школы, что крестьянину, как и рабочему, нужно подлинное образование П. И. Сурков, обращаясь к духовенству, сказал: «Чем же вам мешает просвещение народа? Если весь народ будет просвещён, если он узнает все выводы науки, он, конечно, задумается о своей судьбе. Он будет думать, почему одни не жнут и не сеют, а сыты бывают, и почему другие весь век только корпят над работой и едва с голоду не умирают?»

От имени большевистской фракции Государственной думы Сурков призывал к тому, чтобы ни одной копейки народных денег не давать на «духобойни», как он назвал церковноприходские школы, а самые школы сдать в музей как памятник народного невежества⁶¹.

Защищая церковноприходские школы от критики большевиков, представитель воинствующего духовенства епископ Евлогий Георгиевский призывал правые партии сплотиться вокруг церкви и поддержать церковноприходские школы, как оплот против распространения безбожия среди рабочих и крестьян, против революционного движения.

Епископ пугал буржуазию и помещиков, что «грозная волна безбожия и неверия, развиваясь все шире и шире, проникая все глубже и глубже..., докатилась уже до деревни». Он сетовал, что среди молодёжи мало верующих, мало людей, преданных церкви.

Хотя правые партии и высказались за передачу церковных школ в ведение министерства просвещения, они, однако, не выступали против влияния церкви на воспитание народа. Напротив, их лидеры считали, что при передаче церковных школ в ведение министерства церковное влияние в них должно даже усилиться. Но воинствующая церковь выступила с резким протестом. От имени церкви Евлогий заявил, что церковь не поступится управлением церковных школ, так как это является её «непререкаемым правом». Евлогий говорил, что отнять у церкви её школы, — это значит посягнуть на исторически сложившиеся в России отношения между церковью и государством.

Маневр правых партий был разоблачён большевистской фракцией Государственной думы. Отметив, что начальное обучение должно быть всеобщим, обязательным и бесплатным, а школы совершенно отделены от церкви, фракция большевиков подчеркнула, что обсуждаемый законопроект о всеобщем обучении, представленный правыми партиями, «явно стремится превратить начальную школу в орудие господствующей реакционной и антинародной политики и вопиюще нарушает самые элементарные права народа»⁶². Однако в Государственном совете этот законопроект был отклонён, так как даже в той редакции, в какой его представили правые партии, он показался царским чиновникам слишком левым.

В период нового революционного подъёма большевики разоблачали попытки черносотенцев и клерикалов протащить в Государственной думе законопроект о всеобщем обучении, предусматривавший сохранение церковных школ и дальнейшее укрепление церковного влияния на школу. Если правящие классы и поднимали вопрос о всеобщем обучении, так это диктовалось тем, что существовавшая сеть начальных школ не могла удовлетворить потребность развивающейся промышленности в грамотных рабочих. Буржуазия хотела такой реформы начальной школы, которая бы

приблизила её к нуждам капиталистической промышленности.

При рассмотрении в III Государственной думе в 1910-1911 г. законопроекта о всеобщем обучении основным был вопрос о церковной школе, о роли православной церкви и религии в народном образовании. Законопроект предусматривал введение в Европейской части России всеобщего обучения детей в возрасте от 8 до 11 лет в течение 10 лет, начиная с 1911 г., путём ассигнования средств: в 1911 г. — 120 млн., а затем путём ежегодного увеличения этих ассигнований на 10 млн. руб.

Правые партии требовали передачи церковноприходских школ в ведение министерства просвещения с тем, однако, чтобы надзор за ними оставался за синодом и чтобы начальная школа продолжала давать религиозно-монархическое воспитание. Духовное ведомство опять-таки настаивало на сохранении самостоятельности церковноприходских школ.

Отсутствие существенной разницы между церковноприходской и министерской школой отметила большевистская газета «Звезда», предшественница «Правды»: «Будет ли школа церковная или министерская (некоторые оттенки, конечно, имеются), — писала газета, — но общественной, свободной школы не будет»⁶³.

Реакционные взгляды черносотенного дворянства на начальную школу получили яркое отражение на 7 съезде уполномоченных дворянства, состоявшемся в Москве в 1911 г. На съезде дворяне выступали с резкой критикой светской школы и требовали усиления церковного влияния на неё. Они обвиняли министерскую школу в том, что она даёт много общих знаний. Большевистская «Рабочая газета» в № 4 от 5 апреля 1911 г. изложила реакционную позицию дворянства на съезде в таких словах: «Чтобы обезвредить народную школу, надо подчинить её влиянию дворянства и православного духовенства. Совместными усилиями светские и духовные жандармы сумеют выбить у мужика, у рабочего человека всякую дурь из головы. Народное образование должно носить религиозный характер. Нынешние учебники необходимо тщательно пересмотреть, дабы вытравить из них всякий революционный дух».

Разоблачая деятельность духовенства, направленную на внедрение религиозного мировоззрения, на воспитание молодого поколения в духе покорности и преданности самодержавию, «Звезда» призывала молодых рабочих бороться против религиозного просвещения, разъясняла, что рабочему нужно такое воспитание, которое «давало бы ему знание общественной жизни и истории классовой борьбы»⁶⁴.

В связи с острой дискуссией вокруг роли церкви в просвещении народа «Правда» опубликовала статью «Всеобщее обучение и Государственная дума», где разоблачила политику правящих партий в этом вопросе. «Правда» писала, что октябристы, как и правые, были заинтересованы в сохранении влияния религии на школу. «На помощь государству в деле такого воспитания приходит духовенство, которое берет на себя обязанность искоренять из школы свободный дух и проповедовать смирение и долготерпение»⁶⁵.

Кадеты также стояли за сохранение влияния церкви на народную школу, видя в религии средство борьбы с растущим сознанием рабочих. Только большевики высказались за свободную школу и полное отделение школы от церкви.

При обсуждении в Государственной думе в 1913 г. сметы министерства просвещения большевистская фракция вновь вскрыла политику затемнения народного сознания, которую проводило самодержавие. Депутат большевистской фракции А. Е. Бадаев 4 июня 1913 г. выступил с речью, проект которой написал В. И. Ленин. Бадаев сказал, что министерство народного просвещения «есть министерство полицейского сыска, глумления над молодёжью, надругательства над народным стремлением к знанию»⁶⁶. Он должен был закончить, речь словами: «не заслуживает ли это правительство того, чтобы народ его выгнал», но закончить свою речь большевистскому депутату не удалось, его лишили слова.

Когда обсуждался вопрос о прибавке жалования законоучителям низших школ, от имени фракции большевиков против реакционной политики самодержавия и церкви в области просвещения выступил 26 ноября 1913 г. депутат Государственной думы Ф. Н. Самойлов. Он сказал, что большевики всегда настаивали на отделении церкви от государства и школы от церкви, что они против преподавания в школе закона божьего,

против ассигнования средств на содержание духовенства и законоучителей. Самойлов подчеркнул, что священники в народной школе систематически одурманивают детей во имя реакционной политики самодержавия, падежными проводниками которой они являются⁶⁷.

В. И. Ленин в статье «Национальный состав учащихся в русской школе», напечатанной в газете «Пролетарская Правда» 14 декабря 1913 г., высоко оценил выступление Самойлова, выразившего, по его словам, от имени российской социал-демократической рабочей фракции Государственной думы пролетарскую политику в школьном деле⁶⁸.

1. Ф. Благовидов. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование Александра II. Казань, 1891, стр. 77.

2. «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. IV. СПб., 1902, стр. 4, 7.

3. «Для народного учителя», кн. XIII, 1907, стр. 23.

4. «Статистические сведения по начальному образованию в России». Под ред. Фармаковского, вып. 7. Одесса, 1908; см. также: «Народное образование», № 11, 1910, стр. 532.

5. «Русская школа», № 11, 1909, стр. 108.

6. «Черниговские епархиальные ведомости», № 1, 1892.

7. «Правда», № 146, 18 октября 1912 г.

8. «Духовный вестник экзарха Грузии», № 16, 1902, стр. 39 - 40.

9. «Отчёт обер-прокурора синода за 1913 год». СПб., 1914, стр. 184.

10. «Для народного учителя», кн. XI, 1907, стр. 13.

11. «Правда», № 55, 21 марта 1913 г.

12. М. Т. Яблочков. Наставление директорам народных училищ. Сборник «Русская школа». Тула, 1895, стр. 29-31.

13. «Для народного учителя», кн. 7, 1907, стр. 14 - 16. Правила о наблюдении за преподаванием закона божьего в начальной школе напечатаны в журнале «Русская школа», № 7 - 8, 1906, стр. 151.

14. А. Петрицев. Заметки учителя. СПб., 1906, стр. 280.

15. Там же, стр. 281.

16. «Русская школа», № 10, 1899, стр. 354.

17. «Народное образование в Виленском учебном округе», № 5, 1902, стр. 192.

18. «Вестник воспитания», № 5, 1898, стр. 56 - 58.

19. «Голос учителя», № 1, 1901, стр. 19.

20. А. Петрицев. Указ. соч., стр. 321.

21. П. С. Иващенко. Народная школа в Белоруссии с конца XIX в., диссертация, стр. 54.

22. А. Петрицев. Указ. соч., стр. 266 - 267.

23. «Пермская земская неделя», № 41, октябрь 1908.

24. И. Сахаров. В сумерках просвещения. М., 1911, стр. 79.

25. «Листовки петербургских большевиков», т. 1. Л., 1939, стр. 35.

26. В. Шемякин. Церковная школа и духовная бюрократия. СПб., 1908, стр. 10.

27. «Богословский вестник», кн. IV, 1893.

28. «Исторический очерк развития церковноприходских школ за 25 лет», стр. 533.

29. «Вестник Европы», № 9, 1901, стр. 222.

30. «Для народного учителя», кн. V, 1907, стр. 7.

31. И. Сахаров. Указ. соч., стр. 8.

32. М. Яблочков. Указ. соч., стр. 32.

33. «Для народного учителя», кн. XIII, 1907, стр. 22.

34. «Искра», № 4, май, 1901 г.

35. «Искра», № 1, декабрь, 1900 г.

36. «Труды 1-го Всероссийского съезда взаимопомощи лицам учительского звания». М., 1908, стр. 357 - 358.

37. «Для народного учителя», кн. 4, 1907, стр. 6-7.

38. М. Кириллов. Очерки по истории начальной школы Белоруссии XIX - XX вв. М., 1950, стр. 492, диссертация.

39. М. Кириллов. Указ. соч., стр. 407.
40. «Русская школа», № 3, 1906, стр. 39.
41. «Пермская земская неделя», № 40, октябрь 1907.
42. «Искра», № 47, сентябрь 1903 г.
43. «Мир божий», кн. VII, 1905, стр. 8 - 9.
44. «Для народного учителя», кн. IV, 1907, стр. 25.
45. «Стенографический отчёт Государственной думы 3-го созыва», сессия II. СПб., 1908, стр. 42.
46. «Русское богатство», кн. 7, 1903, стр. 165 - 166.
47. «Вестник воспитания», кн. 3, 1916, стр. 93 - 94.
48. «Пролетарская правда», № 11, 15 января 1913 г.
49. «Русское богатство», кн. 7, 1903, стр. 162.
50. В. Вахтёров. Спорные вопросы народного образования. М., 1911, стр. 47.
51. «Правда», № 50, 27 июня 1912 г.
52. «Правда», № 89, 90, 92; апрель, 1913 г.
53. Д. Бобылев. Какая школа нужна деревне. Пермь, 1908, стр. 8 - 10.
54. «Русская школа», кн. IV, 1906, стр. 95; см. также: «Революция 1905 г. на Украине». Сборник документов. Киев, 1955, стр. 745.
55. «Русская школа», кн. 9, 1908, стр. 19.
56. О. Г. Андрус. Очерки по истории народного образования в Бессарабии. Кишинёв. 1950, стр. 17, диссертация.
57. «Листовки московских большевиков 1905 г.» М., 1941, стр. 80.
58. П. С. Иващенко. Народная школа в Белоруссии, стр. 91.
59. «Вперёд», № 16, 30 апреля 1905 г.
60. «Красный архив», № 5, 1940, стр. 170.
61. «Стенографический отчёт Государственной думы 3-го созыва», сессия II, ч. 1, стр. 42.
62. Материалы для выступления Суркова были подготовлены В. Д. Бонч - Бруевичем. См. Избр. произв., т. 1. М., 1959, стр. 200 - 213.
63. «Стенографический отчёт Государственной думы 3 созыва» сессия II, ч. 3, стр. 716.
64. «Звезда», № 5, 13 января 1911 г.
65. «Звезда», № 17, 9 апреля 1911 г.
66. «Правда», № 41, 16 июня 1912 г.
67. В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 122.
68. «За правду», № 45, 27 ноября 1913 г.
69. См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 482.

Глава I I I. Проповедь религии и монархизма в средней школе

Закон божий как обязательный предмет, заключающий в себе, по мнению церковников, «главную и преимущественную цель образования», в 1811 г. был включён в учебный план средней школы; тогда же установили и преимущественное его положение перед другими предметами.

Задачи религиозного воспитания в средней школе были чётко сформулированы в инструкции министерства просвещения 1816 г. От преподавателей закона божьего требовалось «утвердить юные сердца в спасительных христианских добродетелях», внушая им, что в природе «все любезно, величественно, достойно глубочайшего благоволения»¹. Перед началом занятий учащиеся читали главы из истории нового завета, а по воскресным дням посещали церковь и заучивали наизусть евангельские тексты.

По уставу 1828 года, принятому после подавления восстания декабристов, из учебного плана гимназий были исключены естественные науки, но зато усилено преподавание древних языков, призванных своей безжизненностью увести учащихся от

вопросов современности. Число недельных уроков по закону божьему было увеличено до 16. Помимо уроков по закону божьему широкое применение получили «христианские беседы» — изучались жития святых, «слова» церковных проповедников, псалмы и их переложения. Церковники усилили также контроль за преподаванием других предметов, чтобы «не укрывалось ничего, колеблющего или ослабляющего учение веры»². При преподавании физики и математики от учителей требовалось «отстранять... все суетные догадки о происхождении и превращении шара земного», чтобы у учащихся не возникло и мысли о возможных изменениях в самодержавном строе.

Обучение закону божьему рассматривалось как средство «сохранить юношество от заразы вольнодумства». Инструкция министерства от 27 мая 1833 г. требовала от законоучителей, чтобы они указывали ученикам на «прямые обязанности верноподданных», чтобы в «незрелом уме не поколебать веры в необходимость и пользу основных учреждений правительства»³.

Не доверяя священникам-законоучителям, правительство назначило специальных наблюдателей из высшего духовенства и предложило синоду подвергнуть законоучителей тщательной проверке: «твёрдо ли они убеждены в святости своего призвания». Зная, что духовенство по своему нравственному состоянию имело много недостатков, вызывавших нарекания населения, правительство потребовало от синода проверить также образ жизни и нравственность законоучителей.

Наступившая в России в связи с революцией 1848 г. реакция тяжело отразилась и на средней школе. Николай I заявил, что религия должна служить «единственной твёрдой основой всякого полезного знания». Преподавание закона божьего в средних учебных заведениях было признано неудовлетворительным. Обер-прокурор синода Протасов в 1850 г. сформулировал взгляды, которые с одобрения Николая I были положены в основу всей педагогической системы. Каждая наука, по словам Протасова, должна убеждать в необходимости божественного откровения, без чего прочное усвоение истин веры невозможно. При преподавании научных дисциплин недостаточно избегать порицания истинной веры. Необходимо излагать научные взгляды в защиту веры и этим «предохранять юношей от неверия, распространённого в Западной Европе». Протасов ратовал за подчинение науки вере, так как, говорил он, «без веры не может быть полного просвещения».

По новому уставу требовалось, чтобы в школе царил «добрый дух, покорность властям, преданность правительству»⁴. Программа по закону божьему была расширена. В неё включили изучение богослужения православной церкви, особенно праздничных и воскресных служб, как средства пропаганды церковной идеологии. От поступавших в гимназию экзаменаторы требовали знания молитв и начатков ветхо- и новозаветной истории.

Чтобы противодействовать классическому «языческому мировоззрению», в курс гимназии ввели чтение на греческом и латинском языках творений отцов церкви. Преподавание логики и психологии было поручено законоучителям, чем подчёркивалась связь этих предметов с «истинами откровения».

Несмотря на принятые меры, в годы революционной ситуации наблюдалось резкое падение религиозности, индифферентное отношение к вопросам веры. Обер-прокурор синода в своём отчёте за 1861 г. с тревогой отмечал, что среди юношества было заметно не только охлаждение к вере, но даже решительное «противление». «Неверие и вольнодумство, — писал он, — проникают в села, деревни, небольшие города, требуют защиты от ложной образованности»⁵. Страх духовенства и самодержавия вызывало развитие естественных наук, которые, по признанию мракобесов, вели к материализму и безбожию.

Устав 1864 года, изгнав из школы естественные науки и расширив преподавание древних языков, усилил также воздействие на учащихся религии. Устав подчёркивал, что основой «истинного» образования является религиозное воспитание и что эта цель может быть достигнута только в том случае, если весь дух школы будет пропитан религиозностью. От учителей требовался «религиозный тон», а от преподавателя закона божьего — «высокий нравственный авторитет». Программа отводила на закон божий 14 уроков в неделю (17 1/2 час, т.е. 9.2% всего учебного времени), на 3 1/4 часа

больше, чем по уставу 1852 г. На русский язык — 24 урока, и то вместе с церковнославянским языком. Зато на древние языки в классической гимназии выделялось 58 уроков (31% всего времени).

Была усилена борьба против проникновения в школу идей революционных демократов, против пропаганды материалистических взглядов. От школы требовалось, чтобы учеников воспитывали «в духе истин религии, уважения к правам собственности». Средством такого воспитания правительство и православное ведомство считало насаждение классицизма, изгнание естественных наук и увеличение роли закона божьего в школьном преподавании.

По учебному плану 1871 г. из 206 недельных часов на древние языки было выделено 85 час. (47%) и на закон божий — 13 час. (7,1%). Рост материалистических идей объяснялся недостаточной пропагандой «слова божия» — евангелия. В изучении нового завета усматривалось одно из средств для противодействия «современному духу отрицания». Преподавание греческого языка также оправдывалось религиозными соображениями.

В годы разнузданной реакции 80-х годов XIX в., наступившей после убийства Александра II, правительство, борясь с революционным движением в стране, продолжало насаждать в школе «классический кошмар»; оно усилило влияние на школу духовенства, сведя к минимуму преподавание естественных наук, как опоры материализма. А. Серафимович, вспоминая режим толстовско-дедяновской школы, писал: «нас душили в гимназии латинским, греческим, законом божьим, давили всем, лишь бы задушить живую душу»⁶. Н. А. Морозов, учёный и революционер, вспоминая годы учения во 2-й московской классической гимназии в период «непомерного классицизма», рассказывал, что он постоянно покупал книги по естествознанию. «Самой собой понятно, — писал он, — что моё увлечение такими науками и постоянно слышимое от законоучителя утверждение, что эти науки еретические, которыми занимаются только нигилисты, не признающие ни бога, ни царя, сразу настроили меня как против церкви, так и против монархических доктрин»⁷.

Усиление реакции в 80-90-х годах XIX в. имело целью укрепить самодержавие и подавить массовое движение в стране; это сказалось и на политике самодержавия по отношению к просвещению. Усилены были сословные ограничения в школе, установлены преграды для поступления детей рабочих и крестьян, доступ в неё был возможен только для детей помещиков, буржуазии и чиновников. Стремясь упрочить своё влияние на учащихся, духовенство настойчиво домогалось увеличения числа уроков закона божьего в трёх старших классах, видя в этом радикальное средство для искоренения неверия и укрепления идей монархизма.

Председатель учёного комитета министерства просвещения проф. А. Георгиевский, выступая за увеличение числа уроков по закону божьему, писал: «Дело это — великой важности: поставьте правильно преподавание закона божьего и дайте нашим гимназиям знающих, умелых, одушевлённых своим предметом законоучителей, и школа..., которой ныне со всех сторон грозят немалые опасности, будет окончательно спасена, и зараза религиозного индифферентизма, неверия, отрицательного направления и разных вредных сектантских учений, все более растлевающая и опустошающая образованные силы нашего общества, несомненно исчезнет»⁸.

Требования духовенства были удовлетворены. По школьному уставу 1890 г. закону божию уделили 16 часов в неделю, т.е. на 3 часа больше, чем по уставу 1871 г. Это увеличение сделали за счёт сокращения числа уроков по математике, естественным наукам и географии. Кроме того, для усиления церковного влияния в 1-3-м классах гимназии добавили уроки по церковнославянскому языку, как языку богослужения и священного писания, знание которого считалось необходимым для православного.

2

Что же представлял собой «закон божий», призванный спасти школу от «разложения и неверия», воспитать учеников в духе преданности самодержавию и православию, подготовить «нравственных» людей?

Под законом божьим понималась сумма религиозных знаний с определённой политической направленностью, которой было пропитано все преподавание в школе.

Изучать закон божий начинали с приготовительного класса. Дети познакомились с

молитвами, символом веры, десятью заповедями, краткой историей ветхого и нового завета и с церковнославянской грамотой.

В 1-м классе проходили историю ветхого завета — ученики заучивали наизусть название 10 казней египетских, историю царей, их военные подвиги и т. п., пророчества о Христе. Программа по истории ветхого завета была обширна, наполнена утомительными, трудными для запоминания мелочами. Духовное начальство, сознавая, что материал, изучаемый в 1-м классе, не может увлечь учеников и дать какое-то «нравственное» воспитание, не раз принималось за перестройку преподавания этого предмета, но оживить его не могло.

Настаивая на некоторых изменениях преподавания закона божьего в средней школе, представители буржуазии выступили в III Государственной думе с резкой критикой программы по изучению ветхого завета. Они считали, что культивируемые церковниками методы обучения приносят только вред делу насаждения религиозной идеологии.

Во 2-м классе знакомились с историей нового завета и церковнославянским языком. Законоучитель обращал внимание на внешние факты истории нового завета, преподавание было основано на механическом заучивании текстов.

При изучении нового завета, так же как и ветхого завета, велась антисемитская пропаганда. Например, приводился текст, что иудеи «с яростной злобой набросились на Христа», и этому тексту давались соответствующие комментарии для разжигания национальной розни.

В 3-м классе изучалось богослужение православной церкви. Ученики зубрили разные псалмы, ектении, шестопсалмие, каноны, евангелия, особенности каждого вида богослужения, знакомились с церковной утварью и одеждой, с церковной архитектурой.

В 4-м и 5-м классах главным предметом был «пространный катехизис», представлявший систематическое изложение веро- и нравоучения православной церкви. Обучение катехизису производилось по учебнику московского митрополита Филарета, господствовавшему в школе с 1823 г. Филаретовский катехизис стал настоящим страшилищем для учеников. Составленный в виде вопросов и ответов, катехизис являлся схоластическим руководством, которое требовалось изучить слово в слово. Пропуск хотя бы одного слова рассматривался, как незнание урока. Катехизис был изложен устаревшим языком, грамматически построен неправильно, а местами просто непонятен.

От учеников требовалось рабское следование тексту, хотя бы без понимания. «Все, долбившие наизусть катехизис, — вспоминает один учитель, знают, каким мёртвым духом учёного педантизма веет от всей этой книги». На Всероссийском съезде законоучителей, состоявшемся в 1909 г., законоучители признавались, что после экзаменов «закон божий летит в печку вместе с физикой»⁹.

Духовное ведомство, пытаясь оживить преподавание библейской истории, издавало карты по церковной географии, картины по ветхо- и новозаветной истории. Но эти картины не пользовались популярностью у учеников.

Ученики 6-го класса изучали историю христианской церкви, как «богоизбранной» религии, её распространение, ереси и соборы, мученичество, монашество. Подробно знакомились с историей церкви в России — её устройством, деятельностью митрополитов, синода; говорилось о значении православной церкви в создании и развитии русского государства, подчёркивалась неразрывная связь самодержавия с православной церковью. Было обращено большое внимание на освящение деятельности «ревнителей просвещения» — Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, Филарета Дроздова, Иннокентия Борисова, Макария Булгакова и др., восхвалялась и прославлялась миссионерская, националистическая и реакционная деятельность этих «просветителей».

В 7-8-м классах повторялся катехизис, основное внимание обращалось на так называемое нравственное значение православия. При изучении 5-й заповеди делался упор на обязанности по отношению к самодержавию: говорилось о святости присяги, о соблюдении верноподданнических чувств, о повиновении властям. При изучении 6-й заповеди проповедовалась необходимость смирения, покаяния, послушания.

Опасаясь критического отношения учащихся старших классов к библейским рассказам, законоучителям предлагалось не останавливать внимание учеников на критике евангельских рассказов, чтобы избежать, как сказано в циркуляре, «нежелательных» вопросов.

Преподавание в старших классах «вероучения» и «нравоучения» в духе безоговорочного признания истинности церковной идеологии не могло, однако, помешать критическому отношению учащихся к вопросам веры и церкви.

Для борьбы с религиозным свободомыслием в старших классах гимназии ввели изучение катехизиса с дополнениями из основного богословия — о существовании бога, о бессмертии души. Стремясь противодействовать распространению материалистических идей, духовенство вынуждено было дополнить курс закона божьего в старших классах элементами апологетики.

Уроки закона божьего использовались священниками для борьбы с сектантством и другими отклонениями от православия. В заметке «Попы в роли жандармов» корреспондент «Искры» рассказывал, что в Ярославской женской гимназии священник, натаскивая учениц к экзамену, спрашивал ученицу: «Кто у нас еретик?» Ученица молчит. Священник ругается: «На экзамене должны сказать — Лев Толстой»¹⁰.

Чтобы подчеркнуть значение закона божьего в школьной программе, правительство отнесло его к «основным» предметам гимназического курса. На экзаменах закон божий по своему значению был приравнен к древним языкам и математике. Материальное положение законоучителей также было значительно лучше, чем других учителей. Они освобождались от церковных служб и от других церковных обязанностей.

Широко практиковалась система сыска со стороны законоучителей за другими учителями, наблюдения за преподаванием.

3

Толстовско-деляновская школа показала свою полную несостоятельность. Профессора Московского университета отмечали исключительно низкий уровень подготовки юношей, окончивших школу. В частности, они говорили о полном незнании ими естественных наук. Министерство просвещения вынуждено было признать, что в средней школе господствует бюрократический, формальный характер преподавания, что действующие программы совершенно негодны, что в школе царит засилье классицизма, что учащиеся совершенно не подготовлены к высшей школе (циркуляр от 8 июня 1899 г.). Неудовлетворительной была признана и вся система религиозного воспитания. Школа не добилась «религиозной настроенности детей и воспитания в них молитвенного духа».

Напуганное ростом революционного движения правительство созвало в 1899 г. в Москве совещание законоучителей и преподавателей средней школы для разработки мер по повышению в учащихся религиозности, преданности царю и самодержавному строю. Проводниками этой политики самодержавие по-прежнему считало законоучителей. Совещание было вынуждено признать, что закон божий в средней школе является не воспитательным, а только учебным предметом. В этом видели причину «ослабления религиозного чувства молодёжи», оканчивавшей среднюю школу, «холодного отношения к религии и церкви».

«Ни в одном учебном предмете, — признавались на совещании, — нет столько зубрёжки, как в законе божьем». Говорили, что она наносит вред религиозности, однако церковники продолжали защищать этот порочный метод преподавания. «Вреда не будет, — говорил костромской епископ Виссарион, — если ученик не будет помнить стихов Пушкина, Лермонтова и др., но будет большой вред от забвения истин веры».

В падении религиозности среди молодёжи законоучители обвиняли семью и общество. Воинствующие церковники требовали «обуздания» печати, т.е. усиления цензурных репрессий, запрещения учащимся посещать театры, библиотеки, изъятия из ученических библиотек книг, воспитывавших, по их словам, «индифферентное отношение к религии».

По предложению воинствующих церковников в программу 7-го и 8-го классов ввели критический разбор материалистического мировоззрения, дарвинизма, подрывавших церковную идеологию. Отношение духовенства к научному мировоззрению выразил на

совещании законоучитель И. Добросердов: «Наука, исследующая природу, — заявлял он, — должна привести к богу, иначе она вредна...»¹¹.

4

Религиозному воспитанию должны были оказывать содействие и другие предметы гимназической программы — русский язык, история, законоведение, даже древние языки. В учебниках по истории Д. Иловайского, С. Рождественского, И. Белярминова и др. история подвергалась фальсификации, исторический процесс изображался как перечень действий царей, непременно «благочестивых»; превозносилась роль православной церкви в истории России, расхваливалась любовь духовенства к народу, подчёркивалась религиозность народа, затушёвывалась роль классовой борьбы в истории общества, целые главы посвящались рассказам о так называемых святых и их подвигах. В учебниках разжигалась национальная и религиозная рознь, православное юношество натравливалось на нерусские и неправославные народности. Эта шовинистическая агитация велась при помощи законоучителей.

Церковной идеологией были насыщены и пособия по русскому языку. В «Новой русской хрестоматии» Л. Вейнберга для 1-го и 2-го классов, вышедшей в 1905 г., весь материал распределялся по группам: «бог, семья, народ, родина». В программу по русскому языку предлагалось включить образцы церковной проповеди, жития святых, апокрифы, духовные стихи и другие памятники древнерусской, церковной литературы. Написанные сухим языком эти памятники вызывали у учеников скуку. Сочинения по русскому языку часто писались на религиозную тему. Так, в симбирской гимназии, где в 70-80 гг. XIX в. учился А. И. Ульянов, а затем В. И. Ульянов, в 1881 г. для 6-го класса гимназическое начальство предложило, например, такую тему: «Житие святого, имя которого мы носим». В 1886 г. в 5-м классе было сочинение на тему: «Проповеди Иннокентия в великую пятницу». В 1887 г. в 8-м классе, когда в нём учился В. И. Ульянов, ученики писали сочинение на тему: «Заслуги духовенства в смутное время»¹².

Вспоминая о гимназических годах жизни В. И. Ленина в Симбирской гимназии, А. И. Елизарова писала: «Володя был настроен очень оппозиционно к гимназическому начальству, к гимназическому учению, к религии».

Чтобы задобрить гимназическое начальство, ханжество которого ученикам было хорошо известно, они пускались на различные уловки.

«Мы знали, как угодить набожному начальству, — писал в своих воспоминаниях о гимназической жизни А. Н. Афанасьев, — описываешь прогулку, надо было сочинителю в заключение услышать звон колокольный, зовущий к заутрене или всенощной, и зайти в храм божий поблагодарить подателя всех благ за такую приятную прогулку; описываешь ли бурю, надо было закончить молитвой к богу, являющемуся в грозных тучах и молниях... И мы воссылали эти благодарственные и хвалебные молитвы во всяком почти сочинении и кстати и некстати, и эта уловка всегда удавалась нам»¹³.

Знакомя учеников с вопросами законоведения, преподаватели должны были дать им «новые сильные доводы в необходимости проникнуться высокими идеалами христианства».

В учебнике законоведения для кадетских корпусов, изданном в 1910 г., большой раздел отводился критике материалистического мировоззрения, много места уделялось христианству и восхвалению его роли в истории человечества. С чисто церковных позиций говорилось об обязанностях человека по отношению к богу, людям, самому себе¹⁴.

Под наблюдением законоучителей находились и библиотеки средней школы. Они пополнялись в первую очередь книгами «религиозно — нравственного содержания» — Четьи-минеи Димитрия Ростовского, «творения» Иоанна Златоуста, Тихона Задонского, проповеди Филарета и т. п. Эта литература была призвана для борьбы с «тлетворным влиянием». Книги по естествознанию, общественным наукам изгонялись из ученических библиотек, как подрывающие «нравственно-христианский дух». В 1866 г. попечитель Киевского учебного округа, посетив Белоцерковскую гимназию, собственноручно изъял из гимназической библиотеки книги по естественным наукам, геологии, физиологии, в том числе сочинения Дарвина, признан их «вредными и нигилистическими»¹⁵.

В примерном каталоге для среднеучебных заведений, изданном в 1896 г., в 1-м отделе,

куда входили книги религиозные, философские и исторические, из 610 названий на книги так называемого религиозно-нравственного содержания приходилось 281 название, т.е. 46,1%. По отношению ко всему каталогу (2517 названий) книги религиозно-нравственного содержания составляли 11,2%, не считая многочисленных книг поповского содержания, входивших в отдел истории, русского языка и словесности¹⁶.

Священники, преподававшие закон божий, требовали от учителей, чтобы они на уроках поддерживали антинаучные церковные взгляды. Ещё в 1815 г. в качестве школьного пособия была издана книга «Разрушение коперниковской системы», в которой анонимный автор, нападая на попытки научного объяснения явлений природы, обращался к читателям с призывом: «Остерегайтесь ложных систем философических, остерегайтесь сих возмутительных мнений»¹⁷.

Через 100 лет после выхода этой книжонки с таким же призывом обратился екатеринбургский епископ Арсений. В письме от 21 марта 1908 г. он советовал учителям при ознакомлении учеников с системой Коперника не придавать ей «безусловной справедливости». А в 1914 г. балахнинский священник Иов Немцев в своей книжке «Круг земли неподвижен, а солнце ходит» называл астрономию «одной несообразностью». Он опровергал систему Коперника цитатами из библии и творений отцов церкви¹⁸.

В связи с подготовлявшейся реформой средней школы духовенство выступило с резкой критикой всей системы преподавания. Оно пыталось доказать, что изучение естествознания и других предметов не только не имеет воспитательного значения, но действует отрицательно на нравственность молодёжи. Настаивая на перестройке преподавания естествознания, духовенство ссылалось на библейский текст: «небеса поведают славу божью и творение руку его возвещает твердь», т.е., что изложение вопросов естествознания не должно находиться в противоречии с библейскими рассказами о сотворении мира и человека.

Министерство просвещения также стремилось усилить влияние религии в школе в ущерб науке. Председатель учёного комитета министерства проф. А. И. Георгиевский в книге «Предположенная реформа средней школы», вышедшей в 1902 г., писал, что опасения от неверия можно достичь только путём усиления преподавания религиозной идеологии. «Надо поставить религиозное образование на твёрдую научную почву, — утверждал он, — привлечь его [учащееся юношество] к чтению слова божьего в подлиннике, приохотить к ясному уразумению церковных молитв, песнопений и вообще богослужения через сличение церковнославянских текстов с греческими подлинниками, заохотить также чтением в подлиннике избранных творений св. отцов»¹⁹.

Георгиевский настаивал на приведении в согласование сведений из естественных наук, русского языка, истории с учением православной церкви и на усилении церковности в средней школе, путём распространения на неё строя церковноприходской школы. Реакционные взгляды Георгиевского встретили полную поддержку и сочувствие со стороны духовенства²⁰.

Проект реформы средней школы по требованию Николая II был передан для просмотра обер-прокурору синода и петербургскому митрополиту Исидору. Николай ожидал от синода поправок, направленных на усиление религиозного воспитания, «чтобы в школе, — писал он в июне 1902 г. — с образованием юношества соединилось воспитание его в духе веры, преданности престолу и отечеству»²¹.

В. И. Ленин в статье «Признаки банкротства», разоблачая всю лживость правительственных посулов в области образования, писал: «Мы, революционеры, ни на минуту не поверили в серьёзность обещанных Ванновским реформ. Мы не переставали твердить либералам, что циркуляр "сердечного" генерала и рескрипты Николая Обманова представляют лишь новое проявление все той же либеральной политики, в которой самодержавие успело искутиться за 40-летний период борьбы с "внутренним врагом", т.е. со всеми прогрессивными элементами России»²².

Несмотря на царские «посулы», система образования продолжала носить антинародный характер, являлась орудием духовного порабощения народа.

Напуганный подъёмом революционного движения, Николай Романов в феврале 1903 г. издал манифест, в котором, обещая улучшить материальное положение православного духовенства, настаивал на усилении его влияния в семье и школе.

Разоблачая подлинный характер царского манифеста «Об усовершенствовании государства», Петербургский комитет РСДРП в своей листовке от 26 февраля 1903 г. писал, обращаясь к духовенству: «Молитесь же, господа попы, молитесь усердно за своего благодетеля батюшку - царя, набивайте головы ваших учеников православно - самодержавными баснями вместо науки да и во имя "заветов веротерпимости" вместе с жандармами посматривайте за всякими раскольниками. Долг платёжом красен!»²³.

5

Средняя школа была пропитана церковностью. Правила 1874 года для учеников гимназии, провозгласив цель обучения — «возрасти создателю во славу, родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу», определяли и круг религиозных обязанностей учащихся в школе: обязательное посещение церкви, обязательная исповедь с представлением свидетельства, содействие в «благолепии» богослужения, участие в церковном хоре²⁴. Перед началом занятий ученики собирались в актовом зале на молитву, продолжавшуюся 15 и более минут.

Необходимо было посещать церковь в праздничные и воскресные дни. Для усиления контроля за исполнением этой повинности в 90-х годах XIX в. при гимназиях и реальных училищах стали усиленно строиться домовые церкви. От учеников требовалось «благоговейное» посещение церковных служб. По отношению к тем, кто тяготился этой повинностью, применялись строгие меры, вплоть до исключения. В симбирской гимназии директор Вишневецкий — «плохой классик, но религиозный до фанатизма» — устраивал на учеников облавы. Пропустившим церковную службу снижалась отметка по поведению²⁵.

В тверской гимназии, по рассказам одного учителя, «учеников гнали в церковь; согнавши туда, два надзирателя смотрели, чтобы ученики не ушли»²⁶.

От посещения церкви в воскресные и праздничные дни не избавлены были и учителя. Гимназическое начальство нетерпимо относилось к тем педагогам, которые пропускали церковную службу; оно считало, что это оказывает дурное влияние на учеников. Священник-законоучитель следил за тем, как учителя исполняли эту повинность, и доносил о нерадивых гимназическому начальству.

Директор гимназии выговаривал учительнице, уволенной за несоблюдение церковной повинности: «Да ведь я намекал вам тогда..., ну относительно религиозности, нехороший пример... Не бывали в гимназической церкви... бравировали; помните, одной ученице сказали, что не грех выпить перед причастием чаю»²⁷.

Школьные правила 1874 года предлагали насаждать церковное пение в школе, организовывать ученические хоры. «Хорошее церковное пение, — указывалось в правилах, — одно из важнейших условий для поддержания молитвенного настроения духа»²⁸. В гимназиях вводилось церковное пение, организовывались ученические хоры, учеников привлекали к участию в церковных службах, их заставляли читать «выразительно» евангелие, апостольские послания и молитвы. Все это не способствовало, однако, повышению религиозности учеников, а часто вызывало у одних отвращение к религии и её обрядам, у других развивало ханжество и лицемерие.

Один ученик, прислуживавший в алтаре гимназической церкви, рассказывал, что ему было противно помогать попу одеваться в церкви и целовать ему, как тот требовал, руку. «Точно лакей», — возмущался он. Другой ученик, привлечённый к чтению на клиросе, говорил, что эта повинность его очень угнетала, так как на неё нужно было затрачивать много времени. «Чтение на клиросе меня донимало, — рассказывал он. — Священник требовал читать по-дьячковски, а мне было стыдно. А главное — времени на подготовку уходило много... Ну и ругался я тогда!» «Читать псалтырь, — продолжал он, — нужна большая сноровка. Главная хитрость — чтобы врать без запинки и не краснеть. Если соврётся гладко, о. Дмитрий смолчит. А если смутишься, — тогда беда»²⁹.

Одной из главных религиозных обязанностей учеников считалось «говение» — исповедь. Будучи средством воспитания учеников в духе православия и монархизма, исповедь преследовала и чисто полицейские цели: посредством исповеди священники выведывали о настроениях среди учащихся, нет ли у них серьёзных проступков против православия и самодержавия.

Атмосфера сыска, существовавшая во время исповеди, хорошо передана в

корреспонденции, полученной «Искрой» из Ярославля. Говоря, что попы это «первые и самые верные слуги царско-полицейской политики», корреспондент «Искры» в заметке «Учителя и попы в роли жандармов» писал: «На страстной неделе священник Ярославской гимназии исповедовал ученика 4-5 класса. В числе вопросов, предложенных гимназисту, был и такой: "Не читал ли нелегальных книг?" "Читал!" — "От кого получил?" "От такого-то". — "Не давал ли кому-нибудь?" "Давал". — "Читать самому грех ещё не большой, а вот другим давать не годится", — закончил свою исповедь батюшка. На следующий день он доложил обо всём директору; последний вызвал всех на допрос»³⁰.

В «Записках старого педагога», вышедших в 1909 г., рассказывается, с какой ненавистью выполняли ученики исповедную повинность: «Назойливый контроль, — писал учитель, — холод казённой обстановки, присутствие нелюбимых педагогов и возможность ежеминутных с ними столкновений, неуважение и даже презрение к своему законоучителю-духовнику — все это, конечно, не могло создать хотя бы самый слабый намёк па религиозное настроение говеющих»³¹.

6

В царской России распространению образования среди женщин уделялось очень мало внимания. В 1863 г. на один миллион с лишним учащихся приходилось только 135 тыс. женщин. Самодержавие, вынужденное принять некоторые меры по развитию женского образования, не забывало при этом и о том, чтобы в нём большое место отводилось религии. Женщине внушалось, что только благодаря религии она может быть хорошей дочерью, матерью, верноподданной, что обязанность её «передавать детям с самого лепетания младенца правила благочестия, добродетели и преданности престолу и отечеству»³². Эти требования были положены в основу программы преподавания закона божьего в женских учебных заведениях, утверждённой в 1857 г. Законоучитель должен был объяснять девочкам, что их главная обязанность — это «обязанность по отношению к государю и отечеству», что они должны стать «добрыми жёнами». Преподавание закона божьего носило назидательный характер. В программе особенно подробно излагалась история «библейских жён и девиц», как пример благочестия и христианских добродетелей.

Напуганное ростом материалистических идей, правительство секретным указом от 29 декабря 1864 г. предупредило начальство женских учебных заведений о необходимости бороться с проникновением этих идей в женские гимназии. Обучение естественным наукам рекомендовалось вести с указанием «на премудрость божью, как единственный источник блага». Классные дамы и надзиратели женских гимназий должны были следить за преподавателями и, если заметят что - либо, направленное против религии, доносить об этом гимназическому начальству. Одновременно шла проверка библиотек и изъятие из них книг материалистического содержания.

Реакция в области просвещения, наступившая во второй половине 60-х годов XIX в., коснулась также и женской школы. Указ от 13 мая 1866 г. требовал усилить преподавание закона божьего и вести активную борьбу с «неуважением к религии», с «дерзкими попытками» критики религии «по образцам лжемудрствователей, каковы Штраус, Ренан и др.». Правительство хотело, чтобы учителя в религиозном отношении служили примером для учениц. «Веруя сами, — указывало правительство, — они легко и незаметно приведут своих питомцев к сознанию, что религия есть единственный путь ко всему доброму»³³. В 1866 г. была разгромлена петербургская женская гимназия и женские курсы, во главе которых стоял прогрессивный педагог — профессор Н. А. Вышнеградский. В женской гимназии и на курсах читались лекции по анатомии, физиологии, ботанике, физике и химии. Такое преподавание было осуждено как пропаганда материалистических идей. Разгром женской гимназии и курсов был произведён при активном участии представителей духовенства: священника Барсова и профессора петербургской духовной академии Осинина.

На уроках естествознания преподавателям вменялось рассматривать природу как «создание божие», а органы человеческого тела — как «орудие бессмертной души». Духовные инквизиторы в преподавании естественных наук усмотрели «нравственное растление учениц» и подрыв веры в бога.

Была осуждена также программа по истории, так как преподаватели не указывали на «перст божий» в общем течении исторического процесса.

Правительство утвердило реакционные выводы церковных инквизиторов, Вышнеградского уволили, а курсы ликвидировали.

Изгоняя из женских гимназий научные знания, правительство стремилось подготовить лишь «матерей и воспитательниц, глубоко проникнутых истинами христианской веры и патриотических чувств». «Господь бог предназначил для женщины узкий круг деятельности, — говорили руководители женского воспитания, — и задача священника-законоучителя воспитывать в этом духе своих учениц»³⁴.

Взгляд о ненужности, даже вредности высшего образования для женщин церковники развивали особенно в связи с ростом революционного движения, в котором женщины принимали активное участие. Церковники считали, что в женских средних учебных заведениях следует сократить программы по физике, математике, истории, расширить программу закона божьего, особенно в старших классах, закрыть перед женщинами двери высшей школы. Обер-прокурор синода Победоносцев выпустил книжонку «Призвание женщин в школе и в обществе». Развивая реакционные взгляды о роли женщины, он призывал «готовить в школе новых жён-мироносиц». С бранью по адресу передовых женщин выступил в ноябре 1902 г. протоиерей Иоанн Кронштадский. В проповеди «Назначение и место женщин в мире и церкви» черносотенец в рясе натравливал несознательных людей на женщин, выступавших на «учёном поприще» и принимавших участие в революционном движении. Иоанн Кронштадский: считал таких женщин «отверженными от церкви», говорил, что они «оставили своё естественное положение, указанное богом», «идут к гибели и других ведут»³⁵.

7

Правительство сурово расправлялось с прогрессивными учителями, которые не придерживались казённых программ, а вносили в преподавание живое слово, знакомили учеников с выводами материалистической науки, подрывавшими основы религии. Так, в 1817 г. за «неуважение к церкви» был уволен учитель полтавской гимназии Адамович. Учитель, как писал в своём доносе местный священник-законоучитель, отвлекал учеников от «богомыслия и моления». В 1819 г. остался без места и учитель киевской гимназии Орловский, который, по словам священника, «вселял в сердца обучающегося юношества вольнодумство».

В 1827 г. возникло дело о политическом и религиозном вольнодумстве среди профессоров и учащихся Нежинской гимназии высших наук, где сильно было влияние декабристов. Как видно из материалов следствия, некоторые ученики отрицали божественное происхождение Христа, говоря, что он был только философ, политик, юрист; не верили в воскрешение Лазаря, утверждая, что он не умирал, а находился лишь в летаргическом сне от напитка, который ему умышленно дал апостол Пётр. Следствие выяснило также, что среди учеников были распространены сочинения Вольтера и Гельвеция, идеи которых сказались на их критическом отношении к религии. «Гнездо вольномыслия», как называли Нежинскую гимназию, разгромили, прогрессивных профессоров и учеников уволили³⁶.

В Симбирской гимназии, где учился В. И. Ленин, любовью учеников пользовался преподаватель истории Теселкин, не ограничивавшийся рамками казённого учебника. Начальство обвинило Теселкина в том, что он не воспитывал в учениках «патриотического чувства», «живой веры в промысел божий, сохранивший Россию от врагов внешних и внутренних». Он тоже был вынужден оставить гимназию³⁷.

Среди учеников Екатеринбургской гимназии большой популярностью пользовался учитель математики Обреимов, знакомивший своих учеников с выводами материалистической науки. За пропаганду «иррелигиозности», «материалистического мировоззрения» Обреимова уволили и выслали под надзор полиции в Вятскую губернию. Из гимназии были исключены и сочувствовавшие ему ученики.

Такая же участь постигла и учителя гимназии Вознесенского, преподававшего математику и естествознание. Его обвинили в том, что он «не верит в бога и людскую нравственность», и выслали под надзор полиции в Архангельскую губернию. В Саратовской учительской семинарии была обнаружена группа учителей-вольнодумцев,

которые знакомили воспитанников семинарии с материалистической наукой. Всем этим учителям пришлось также оставить семинарию³⁸.

Выступая против религии и православия, многие учителя критиковали также и самодержавие. Например, учитель Евсеевского училища Виленской губернии, член латышской группы социал-демократической рабочей партии, организовал из преподавателей революционную группу, открыто называл себя атеистом и говорил: «бога нет, царя не надо, царь — грабитель народа»³⁹.

Насаждение религиозной идеологии полицейскими мерами вызывало протест среди учащихся. Этот протест принимал различные формы: отказ от посещения церкви, уничтожение учебников по закону божьему и религиозных книг; «глумление и кощунство» над предметами культа, отсутствие какого-либо уважения к законоучителям. Как вынуждены были признать сами законоучители, в 1905 г. «отношение учеников к законоучителям обострилось до крайней степени»⁴⁰.

Несмотря на господствовавший в школе «классический кошмар» и полицейский сыск, туда проникали учение Дарвина и революционные идеи. Учащиеся стали понимать, что православная церковь — активная помощница самодержавия. Среди молодёжи зрели и всходили семена атеизма.

О настроении учеников Саратовской гимназии можно судить по отчёту попечителя Казанского учебного округа за 1862 год. С тревогой писал он, что на гимназистов оказывал влияние Н. Г. Чернышевский, что ученики проявляют большой интерес к естествознанию и в результате такого влияния «не признают ни бога, ни власти родителей»⁴¹. Попечитель Виленского учебного округа в своих отчётах отмечал, что в Пинском реальном училище «из года в год росли беспорядки, ученики отказывались посещать уроки закона божьего».

Даже в кадетские корпуса, несмотря на господствовавшую в них палочную дисциплину, проникали идеи революционных демократов. Среди кадетов возникал протест против церковной идеологии. В декабре 1862 г. один из воспитанников Московского кадетского корпуса сломал икону и выбросил её обломки в уборную. В корпусе произошёл бунт, для подавления которого пришлось вызвать войска. Как показало расследование, среди воспитанников старших классов были распространены сочинения Фейербаха и Бюхнера, многие кадеты не ходили в церковь и открыто говорили, что они не верят в бога.

Донося, что учащиеся читают сочинения Фейербаха и Бюхнера, местный священник-законоучитель писал: «Остановить эту пропаганду не было возможности: оставалось только действовать путём убеждения, но это не давало желаемого результата».

Длительные посты, молитва и церковные службы вызвали в 1871 г. большие волнения в Волынской военной гимназии. Волнения были подавлены только после того, как военное министерство признало необходимым несколько смягчить здесь церковный режим⁴². Отрицательное отношение к православию наблюдалось и в гимназиях Могилевской губернии⁴³.

Катехизис Филарета, который ученики долбили в течение многих лет, вызывал особенную ненависть учащихся. Выражая протест против ненавистного им «законца», они жгли и уничтожали эту «символическую» книгу, мстя законоучителям за издевательство над ними. Ученик городского училища Рябичев хорошо сдал экзамены по всем предметам. После экзамена по закону божьему он тут же, на глазах законоучителя, не сдержавшись, стал рвать учебники. По требованию законоучителя Рябичеву поставили в аттестат четвёрку по поведению, тем самым лишили его возможности продолжать образование. Рябичев покончил самоубийством⁴⁴.

Вспоминая систему религиозного террора в школе и враждебное отношение учеников к закону божьему, один из воспитанников гимназии писал: «После 8 лет обучения библейской и евангельской истории, догматике и богослужению мы оканчивали курс сознательными атеистами»⁴⁵.

Прогрессивный учитель А. Петрищев, говоря о ненависти к закону божьему и священникам, писал: «В институте у нас развилась и окрепла неприязнь к духовенству, тем более на первый взгляд странная, что закону божьему и религиозному воспитанию институт отводил первенствующее место. Неприязнь эту мы понесли и на службу. Впоследствии я имел достаточно случаев убедиться, что между законоучителями и

учителями редко существует взаимное уважение»⁴⁶.

8

Враждебное отношение к закону божьему и законоучителям особенно ярко выразилось во время революции 1905 года. В средних учебных заведениях в 1905-1906 гг. возникли массовые протесты против бюрократического строя школы и царившей там системы сыска, против внедрения в неё националистическо-религиозной нетерпимости. Наряду с требованиями отменить полицейский режим в школе, изменить программы и систему преподавания учащиеся настаивали на прекращении преследования за невыполнение религиозных обрядов и отмене всех тех мер, посредством которых насаждалось так называемое религиозно-нравственное воспитание в школе.

В 1905 г. учащиеся бессарабских школ потребовали отменить обязательное посещение церкви. Учащиеся одной из этих школ в виде протеста против принудительного насаждения религиозной идеологии повесили на находившуюся в классе икону тряпку, которой вытирали классную доску⁴⁷.

Учащиеся Псковской мужской гимназии добивались отмены принудительного исполнения религиозных обрядов ввиду их, как писали они в резолюции, «растлевающего действия». Ученики Петербургской гимназии хотели, чтобы «политические и религиозные требования не служили поводом для преследования».

Подвергая критике преподавание закона божьего, учащиеся настаивали, чтобы закон божий не шёл в разрез с «программой строгой научности», чтобы законоучители не использовали религию для возбуждения национальной вражды. Особо ненавистным священникам ученики объявляли бойкот и отказывались посещать их уроки. Так поступили, например, ученики Азовской гимназии, законоучитель которой обратился к полиции с просьбой не допускать собраний в помещении гимназии.

Выступая за исключение из школьной программы закона божьего, как «неприменимого в жизни», учащиеся некоторых гимназий требовали расширить программу по естествознанию, «чтобы преподавание естественных наук находилось на уровне современной научной точки зрения».

Возмущение учащихся вызывала господствовавшая в школе система религиозного сыска — обязательность исповеди и представления свидетельства об этом. Ученики настаивали на отмене «говения», требовали свободы совести, а ученицы женских учебных заведений — отмены обязательного участия в церковном хоре⁴⁸.

С протестом против религиозно-полицейского засилия в школе выступали также учителя. Состоявшаяся в апреле 1905 г. латвийская нелегальная учительская конференция выступила за отделение церкви от государства и школы от церкви.

В ноябре 1905 г. на учительском съезде в Латвии, где присутствовало более 1000 делегатов, была принята резолюция о недопустимости преподавания закона божьего в школе. Съезд обязал своих участников проводить в школе ту мысль, что у религии нет ничего общего с наукой и поэтому религия не может иметь места в школе. Петербургские учителя требовали свободы совести, отмены обязательного исполнения религиозных обрядов, отмены религиозных и национальных ограничений при назначении на учительские должности.

9

После подавления революции 1905 года самодержавие стремилось так организовать преподавание, чтобы выпускать из школы «политических скопцов, умственных и нравственных калек, безвольных чиновников, рабов»⁴⁹. Господствовавшая в школе сухость, оторванность от общества, слежка за учителями и учениками вызывали отвращение к науке, убивали у учеников желание учиться, отучали самостоятельно мыслить.

В годы реакции, как писала большевистская «Невская звезда», школа являлась прежде всего дисциплинарным батальоном, а потом уже «рассадником разумных знаний»⁵⁰. При содействии духовенства происходила массовая расправа с учителями-участниками учительских съездов, выступавшими против самодержавия.

Духовенство мстило учителям за их требования исключить закон божий из школьной программы, отделить школу от церкви; оно изгоняло учителей за непосещение церковных служб, неисполнение церковных обрядов.

По учебному плану на 1906/07 г. из 203 недельных часов на закон божий выделено было 14, а по проекту учебного плана на 1910 г. — из 213 недельных часов — 16 (7,4%), в то время как на русский язык отводилось всего лишь 32 часа (14,7%), а на историю — 20 часов. Синод настаивал на увеличении числа уроков по закону божьему, видя в этом одно из средств борьбы за создание послушной школы. Однако само духовное ведомство вынуждено было признать, что цель преподавания закона божьего — воспитание юношества в духе преданности самодержавию и православию — на практике не достигалась. Синод и министерство просвещения отмечали, что ученики приходят в школы с известными религиозными настроениями, а кончают школу неверующими. Причину этого они видели в неудовлетворительной постановке преподавания закона божьего.

Для разработки мер по усилению воздействия на учеников церковной идеологии в 1909 г. синод созвал Всероссийский съезд законоучителей средней школы. Это был съезд воинствующего духовенства, домогавшегося всей полноты власти и открыто выступавшего против науки.

Съезд потребовал, чтобы в старших классах при прохождении закона божьего подвергли критике научные представления о мире, происхождении человека; чтобы в разделе «нравоучение» учащимся говорили о вреде социалистических идей, марксистского учения о происхождении религии.

Съезд вынес решение о необходимости организовать при духовных семинариях и академиях особые апологетические курсы, которые готовили бы священников для активной борьбы с научным мировоззрением и социализмом. В школе предлагалось внедрять религиозные взгляды на происхождение мира, человека и подвергать критике эволюционное учение.

Воинствующие церковники требовали усилить полицейский сыск за преподавателями, изгонять тех из них, кто не оказывает содействия в насаждении религиозной идеологии; они добивались пересмотра программ по ряду предметов и исключения из них всего, что противоречило религиозному представлению о мире. Особое внимание было обращено на усиление контроля за соблюдением церковности в школе. Для этого предлагалось перед началом занятий читать молитвы в присутствии директора, инспектора и учителей; посещать церковные службы; восстановить преподавание церковнославянского языка.

Для борьбы с «нравственной дряблостью», как называли священники отсутствие должного уважения к церковности, съезд предложил повсеместно организовать классные и внеклассные собеседования патриотическо-монархического характера, цель которых — пробудить у учеников «высокое и святое чувство к родине». Тематика этих бесед была следующая: «Жизнь без религии — жизнь без смысла и цели», «Истина бытия божия», «Учение о творении», «Происхождение человека», «Древность мира и человека», «Необходимость поста», «Растление современного общества проповедью Дарвина и Геккеля»⁵¹.

По предложению съезда во многих школах организовали ученические «христианские содружества» для пропаганды религиозно-монархических взглядов, для борьбы с неверием. С этой же целью рекомендовалось устроить «паломничества» в монастыри и другие «святые места» под руководством священника-законоучителя.

Решения съезда законоучителей носили исключительно воинствующий характер, это было подлинное наступление церковников на школу. Синод и епархиальное начальство одобрили решения монархического духовенства. Они призывали священников-законоучителей к большей активности в школе, рекомендовали им, в целях «спасения душ молодёжи», устанавливать связь с местными органами полиции.

Для усиления своего влияния на школу священники-законоучители стали организовываться в «братства» или союзы, где разрабатывались вопросы активного воздействия на преподавание в школе, меры борьбы с неверием среди молодёжи, занимались опровержением подлинной науки.

Распространение марксистско-ленинских идей среди передовых учителей и учащихся поднимало их на политическую борьбу с царизмом, способствовало росту атеистического мировоззрения. Так, например, в Слонимском училище Гродненской

губернии в 1910 г. ученики под влиянием учителя отказались петь «молитву за царя и отечество». Антирелигиозные и атеистические настроения наблюдались и в средних учебных заведениях Могилевской губернии. Законоучитель г. Орши Маслов в секретном докладе на имя могилевского епископа и попечителя Виленского учебного округа с тревогой сообщал о падении религиозности и росте атеистических взглядов среди учащихся.

1. Е. Шмидт История средне - учебных заведений в России. СПб., 1872, стр. 98.
2. И. Алешинцев. История гимназического образования в России. СПб., 1912, стр. 158.
3. Там же, стр. 150.
4. «Сборник постановлений и распоряжений по министерству народного просвещения», т. 2. СПб., 1865.
5. Д. Ростиславов. О православном белом и черном духовенстве в России, т. II. Лейпциг, 1864, стр. 395.
6. Ш. Ганелин. Очерки по истории средней школы. М., 1954, стр. 95.
7. Н. А. Морозов. Повесть моей жизни, т. 1. М., Изд - во АН СССР, 1947, стр. 12 - 13.
8. Ш. Ганелин. Указ. соч., стр. 123; см. также: А. И. Георгиевский. Предположенная реформа нашей средней школы. СПб., 1902, стр. 55.
9. «Журналы п протоколы Всероссийского съезда законоучителей светских среднеучебных заведений». СПб., 1909, стр. 306.
10. «Искра», № 5, июнь, 1901 г.
11. «Труды высочайше утверждённой комиссии по вопросу об улучшении преподавания в средней общеобразовательной школе», вып. IV. СПб., 1900, стр. 54 - 56, 142, 147 и 189.
12. Н. О. Рыжков. Симбирская гимназия с годы учения А. И. и В. И. Ульяновых. Симбирск, 1931, стр. 31.
13. «Русское обозрение», 1872, кн. 4, стр. 836.
14. «Педагогический сборник», кн. VII, 1913.
15. М. Чалый. Белоцерковская гимназия в 1862 - 1869 г. Киев, 1901. стр. 48.
16. А. И. Георгиевский. К истории учёного комитета министерства народного просвещения. СПб., 1902, стр. 127.
17. Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Л., 1947, стр. 364.
18. Там же, стр. 375.
19. А. И. Георгиевский. Предположенная реформа нашей средней школы. СПб., 1902, стр. 56.
20. Там же.
21. Н. Константинов. Очерки по истории средней школы. М., 1956, стр. 55.
22. В. И. Ленин. Сочинения, т. 6, стр. 63.
23. «Листовки петербургских большевиков», т. 1. Л., 1939, стр. 72.
24. «Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям». СПб., 1874, стр. 503 - 504.
25. Н. Рыжков. Указ. соч., стр. 13-15.
26. Г. Белявский. Педагогические воспоминания. М., 1905, стр. 170.
27. «Русская школа», кн. 9, 1906, стр. 1.
28. «Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям». СПб., 1874, стр. 539.
29. А. Петрищев. Указ. соч., стр. 300 - 301, 308.
30. «Искра», № 5, июнь, 1901 г.
31. А. Велский. Записки педагога. СПб., 1909, стр. 25.
32. Е. Лихачева. Материалы для истории женского образования в России, т. III. СПб., 1895, стр. 139.
33. В. П. Лангинская. Возникновение женских гимназий. М., 1950, стр. 234, диссертация.
34. К. Львов. Женское образование в СССР. М., 1946, диссертация.
35. «Вера и церковь», кн. 12, 1902, стр. 651.
36. А. Ткаченко. Роль Харьковского университета в развитии школ в 1-й половине столетия существования Харьковского университета. Харьков, 1950, стр. 363, 597, диссертация.

37. Н. Рыжков. Указ. соч., стр. 33.
38. Ш. Ганелин. Указ. соч., стр. 111 - 112.
39. А. Абрамович. Очерки по истории школ в западных областях Белоруссии, стр. 72, диссертация.
40. «Журналы и протоколы Всероссийского съезда законоучителей светских среднеучебных заведений». СПб., 1909, стр. 23.
41. Ш. Ганелин. Указ. соч., стр. 177.
42. Н. Алпатов. Очерки по истории кадетских корпусов. М., 1950, стр. 417, 781, диссертация.
43. М. Кириллов. Очерки по истории начальной школы в Белоруссии XIX - XX вв. М., 1950, стр. 303, диссертация.
44. А. Петрищев. Указ. соч., стр. 288.
45. Г. Розанов. Сумерки просвещения. СПб., 1899, стр. 74.
46. А. Петрищев. Указ. соч., стр. 19.
47. О. Г. Андрус. Очерки по истории народного образования в Бессарабии. Кишинёв, 1950, стр. 35, диссертация.
48. С. Знаменский. Средняя школа за последние годы. СПб., 1909, стр. 73 - 74, 89 - 90, 200, 217, 277.
49. А. Велский. Указ. соч., стр. 6.
50. «Невская звезда», № 16, 8 июля 1912 г.
51. «Журналы и протоколы Всероссийского съезда законоучителей светских среднеучебных заведений», стр. 306.

Глава IV. Церковное влияние на внешкольное образование

Воскресные школы для взрослых, возникшие в конце 50-х и в начале 60-х годов XIX в., явились одним из важных средств культурно-просветительной и политической работы среди рабочих.

Правилами 1860 года предусматривалось религиозное направление и этих школ (они должны были учить закону божьему — молитвам, священной истории, катехизису, знакомить с богослужением, с праздниками, церковными обрядами, воспитывать рабочих в духе преданности самодержавию и православию). Воскресные школы, открытые в годы революционной ситуации, приняли, однако, другой характер. На Украине организатором воскресных школ был прогрессивный профессор П. В. Павлов, обвинённый затем в безбожии. Павлов, принёсший в университет идеи революционных демократов, много сделал для распространения среди рабочих знаний. Большое участие в работе воскресных школ принимал также Тарас Шевченко, составивший для учащихся специальный букварь. В Петербурге и в Москве открытие вечерних школ было связано с деятельностью революционных демократов, призывавших защитить народное образование от «злого правительства и попов».

С развитием капитализма в России росла потребность в грамотных рабочих и ремесленниках. Поэтому буржуазия сначала не препятствовала открытию школ и относилась сочувственно к их деятельности. Но в воскресные школы проникали идеи революционных демократов, школы отходили от первоначального религиозного направления. У петербургских рабочих и подростков, посещавших воскресную школу на Шлиссельбургском тракте, популярностью пользовался писатель Н. Г. Помяловский, автор «Очерков бирсы» и «Мещанского счастья».

Рассказывая о явлениях природы, Помяловский давал им научное объяснение, разрушая у подростков и рабочих наивные религиозные представления. Об этой деятельности Помяловского писала в своих воспоминаниях Е. И. Водовозова: «Ученик-подросток, — рассказывала она, — спросил Помяловского: "Скажите, дяденька, как это пророк Илья так гулко громыхает по небу? Ведь на нём нет ни каменной мостовой, ни

мостов...".

Помяловский громко расхохотался, ему вторили его ученики; затем он так просто начал рассказывать о небе и тучах, и громе, и молнии, что под конец мальчик воскликнул: "Значит про пророка Илью только сказки рассказывают?" К нему подошли другие ученики, и Помяловский разъяснял недоумения детей. Скоро все присутствовавшие в школе ученики и учителя обратились в одну аудиторию и внимательно слушали в высшей степени занимательные объяснения Помяловского»¹.

Просветительная деятельность воскресных школ вызвала недовольство духовного ведомства. Посыпались доносы церковников, что в них неправильно «трактуются вера православная», что ввиду отсутствия в школах законоучителей имеются «некоторые опасные затеи светских людей»². Готовясь ликвидировать воскресные школы, шеф жандармов князь В. Долгорукий представил Александру II в декабре 1860 г. записку, в которой предлагал ограничить преподавание в воскресных школах «правилами веры, грамоты, письма и счета», удалить из них лиц, замеченных в направлении, противном «религиозным истинам, государственному управлению и правилам нравственности»³. Воскресные школы стали рассматриваться «только как пособие приходским училищам». Контроль за работой воскресных школ возложили на священников. Помимо преподавания закона божьего, они должны были наблюдать, чтобы в школах «не допускалось ничего противного правилам православной веры и нравственности»⁴.

Говоря об атмосфере сыска и террора, господствовавшей в воскресных школах в связи с изданием правил 1861 года, участник революционного кружка писал: «Бездарные, тупые люди... хотят задушить свежее учреждение гнилой формой, хотят сделать народ каким-то религиозным дьячком, нравственным пошлецом»⁵; «...потому и напирают особенно на преподавание закона божьего и на развитие религиозного чувства в народе»⁶.

Правительственный орган «Северная пчела» обвинял воскресные школы в том, что в них преподавалось учение, направленное к потрясению религиозных верований, к «распространению социалистических понятий о праве собственности и к возмущению против правительства»⁷. И действительно, в этот период деятельности воскресные школы, куда шла интеллигенция — студенты, преподаватели, давали знания рабочим и были центром распространения идей революционной демократии, очагами политической борьбы против царизма и церкви.

Правительство обвиняло руководителей воскресных школ в том, что в них «внушались простолюдинам вредные учения, неуважение к религии, семейному союзу, закону и властям»⁸

Министр внутренних дел Валуев в мае 1862 г. сообщил шефу жандармов Долгорукову, что Самсониевская и Введенская воскресные школы в Петербурге были центром распространения революционных идей, где потрясались основы религиозных верований и утверждалось, что бога нет, человек не имеет бессмертной души, государь и императорская фамилия бесполезны⁹.

На произведённом по этому случаю следствии было установлено, что рабочие, посещавшие эти школы, — Михаил Федоров, Василий Трифонов и другие — открыто говорили, что они не верят в бога, так как его нет, выяснилось также, что многие рабочие не посещали уроков закона божьего.

В июне 1862 г. правительство разгромило воскресные школы. Преподаватели школ и многие рабочие были арестованы, школы и народные читальни были закрыты за «вредное направление». По приказу военного министра были также закрыты все воскресные школы при воинских частях, как «распространяющие безверие и превратные понятия о праве собственности»¹⁰.

Но вскоре правительство было вынуждено пойти на известные уступки в деле образования народа, так как этого требовали интересы капиталистического развития страны. Оно вновь разрешило открыть воскресные школы, но уже на других началах. Положением 14 июля 1864 года духовенству было представлено право не только наблюдать за религиозно - нравственным направлением обучения в воскресных школах, но и открывать эти школы. Воскресные школы для взрослых и детей стали открываться при духовных семинариях. Обучение в них носило исключительно церковный характер.

Занятия начинались церковной службой и велись под строгим наблюдением архиерея и его чиновников. В виде «поощрения» учащимся раздавались молитвенники, евангелия, жития святых, крестики и т. п. За короткий срок при семинариях открыли 45 воскресных школ, где обучалось свыше 2 тыс. учеников — взрослых и детей. В этих школах распространялись идеи преданности самодержавию и православию. Однако успеха они не имели. Преподавание было поставлено плохо, программа не удовлетворяла слушателей.

Оберегая «святость» воскресных дней, московский митрополит Филарет не разрешал открывать воскресные школы при фабриках, так как преподавание светских наук в праздничные дни он считал «греховным». Однако под влиянием общественного мнения Филарет был вынужден разрешить занятия, но потребовал, чтобы перед занятиями ученики присутствовали на богослужении¹¹.

В 80-90-х годах XIX в. возникло массовое движение по открытию воскресных школ; это движение встречало всяческие препятствия со стороны правительства. Но сама жизнь требовала изменений: без элементарных знаний невозможно было выполнять работу на капиталистической фабрике, низкая грамотность тормозила развитие народного хозяйства. Буржуазия согласилась с необходимостью предоставлять рабочим знания с тем, однако, чтобы эти знания давались на религиозной и монархической основе.

Наряду с легальными существовали и нелегальные вечерние и воскресные школы, которые носили антиправительственный и антирелигиозный характер. Представители царской охранки писали об этих школах: «Обучение тенденциозное, колебание в учащихся веры в бога и всего строя религиозных убеждений, а также веры в божественное происхождение власти царя, как помазанника божьего»¹². Правительство, разгромив нелегальные школы, предложило во вновь открывавшихся вечерних школах вести обучение по программе, утверждённой для церковноприходской школы. Воскресные школы были подчинены духовному ведомству. Даже разрешение на открытие вечерних и воскресных школ давалось епархиальным начальством, независимо от согласия дирекции народных училищ. В связи с тем, что эти ограничения вызывали большое недовольство в обществе, обер-прокурор синода Победоносцев писал министру внутренних дел Дурново: «Нынешним охотникам просвещать народ в нежелательном духе (т. е. выступавшим за светский характер школы. — Е. Г.) это неприятно. Неприятно и училищным советам, кои нередко, к сожалению, не чужды влияния лиц... неблагонадёжных и мечтают о народном обучении в духе не церковном»¹³. Несмотря на притеснения со стороны правительства и стремление придать вечерним и воскресным школам ненавистный рабочим церковно-монархический характер, они быстро развивались. За период с 1884 по 1894 г. было открыто 122 школы. В годы подъёма стачечного движения (1895-1897) прибавилась ещё 121 школа. В 1906 г. в стране имелось 1916 вечерних и воскресных школ, в которых обучалось свыше 100 тыс. человек. Буржуазия, признавая необходимость образования для рабочих, также пыталась направить его в русло церковной идеологии. Владелец фабрики шерстяных изделий т-ва Торнтон, жертвуя деньги на воскресную школу для рабочих своей фабрики, требовал усиления надзора за школой со стороны духовенства. Но рабочих не удовлетворяло образование, пропитанное церковным духом. «Мы не хуже начальства понимаем, — писали они, — что школы, образование — наше спасение. Мы знаем, что и начальству с тёмным человеком легче справиться, чем с образованным»¹⁴. В вечерние и воскресные школы проникали, по словам охранников, «учения самого разрушительного свойства». В них пропагандировались идеи революционного марксизма, рабочих знакомили с вопросами научного мировоззрения. Преподаватели естествознания в доступной форме знакомили слушателей с научной теорией мироздания и разрушали существовавшие у рабочих религиозные взгляды и суеверия. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях писала, что рассказы В. А. Витмера о происхождении земли, человека, знакомство с естественно-историческими фактами «действовали на учеников революционизирующе»¹⁵.

В 1894 г. преподаватели московских воскресных школ разработали программу исторических чтений для рабочих, которая вызвала у министра внутренних дел Дурново большое беспокойство. В. И. Ленин приводит в статье «О чем думают министры?»

секретное письмо обер-прокурору синода Победоносцеву министра, который писал, что «чтение по этой программе, безусловно негодной для народной школы, даёт полную возможность лектору ознакомить постепенно слушателей и с теориями Карла Маркса, Энгельса и т. п., а присутствующее по назначению епархиального начальства лицо едва ли будет в состоянии уловить в чтении начатки социал-демократической пропаганды»¹⁶. Опасаясь проникновения через воскресные школы идеи революционного марксизма, Дурново предложил синоду тщательно проверить состав преподавателей. В связи с этим В. И. Ленин писал: «...министр смотрит на рабочих как на порох, а на знание и образование как на искру; министр уверен, что если искра попадёт в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство»¹⁷. Ленин подчёркивал огромное значение дела просвещения рабочих, он говорил, что борьба за знания является борьбой за революцию. «Покажите же всем, — писал В. И. Ленин в 1895 г., — что никакая сила не сможет отнять у рабочего сознания! Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила!»¹⁸. В воскресных школах рабочие не только обучались читать и писать, они были для них также школами политического воспитания, центрами социал-демократической пропаганды.

Духовное ведомство пыталось усилить влияние духовенства в вечерних и воскресных школах. Приходское духовенство, как сообщало охранное отделение, громило учителей и учеников воскресных школ, предавало их церковному проклятию. В 1901 г. прогрессивный педагог В. Вахтёров открыл в Твери вечерние классы, которые охотно посещали рабочие Тверской мануфактуры. За пропаганду научных знаний Вахтёров и другие преподаватели были арестованы, а классы закрыты. В перлюстрированной охранкой корреспонденции из Твери рассказывалось, что процесс против Вахтерова возбудили по требованию духовенства. Оно выступило со злобными проповедями, обвиняя Вахтерова и других преподавателей в том, что они подрывают священное писание, где «ничего не говорится о клеточках, а есть совсем другое, а именно, что господь бог из ничего в 7 дней создал небо и землю»¹⁹.

Правительство стало закрывать вечерние школы, как центры пропаганды идей революционного марксизма, взамен них открывались воскресные школы, подчинённые духовному ведомству.

Сообщая о фактах разгрома вечерних школ для рабочих, ленинская «Искра» писала в декабре 1901 г.: «Едва только лекторы вечерних классов попытались выйти за пределы грамоты, рисования, закона божьего и другой незатейливой культуры, как на место происшествия прискакал лектор от полиции и жандармского управления и прочёл лекцию о том, что собственно понимать под словом "просвещение"»²⁰.

Положением от 1 апреля 1902 года было усилено церковное влияние в воскресных школах. Школы подчинили духовному ведомству, в них стали насаждать «религиозно - нравственное обучение» «совершенно чуждое, — по словам циркуляра, — противохристианским и противонравственным тенденциям». Воскресные школы открывались с разрешения епархиального совета церковноприходских школ, а школы для рабочих при фабриках — с разрешения губернских властей и епархиального начальства. Заведование возлагалось на священника, обучение производилось по программе и учебникам, одобренным синодом. Быстро развивалась также сеть церковных школ: в 1898 г. было 405 таких школ, а в 1899 — 48721. Церковные школы, ввиду плохой постановки преподавания и насаждения в них религиозной идеологии, однако, не пользовались популярностью. Так, Томский епархиальный совет в отчёте за 1900 г. вынужден был признать, что население проявляет к школам «холодность или равнодушие, обусловленное неудовлетворительной постановкой учебно-воспитательного дела»²².

Школы и курсы, открывавшиеся по инициативе прогрессивных деятелей, способствовали пробуждению у рабочих классового самосознания, знакомили их с марксистским мировоззрением, звали рабочих на политическую борьбу с самодержавием. «Многомиллионный русский пролетариат жаждет знания, — писала петербургская организация большевиков в своей листовке... — Народ открыл глаза, и он не хочет больше довольствоваться теперь поддельными знаниями..., которыми его потчуют царские приспешники»²³.

С 60-х годов XIX в. духовенство стало широко применять народные чтения как средство идеологической обработки широких масс. Цель народных чтений, как сказано в инструкции, «доставить народу нравственное, разумное занятие, укрепить в нём любовь к православной церкви, царю и отечеству, развить понятие о христианских обязанностях человека». Духовенство наблюдало, чтобы чтения проводились по разрешённым печатным изданиям, отступление от текста преследовалось, тематика чтений была преимущественно религиозная.

Разрешая с большой неохотой чтения в министерских школах, духовное ведомство принимало меры к расширению цикла народных чтений в своих «духобойнях», где лучше обеспечивался контроль за их религиозным содержанием. О развитии народных чтений в церковноприходских школах можно судить по следующим данным²⁴:

Год Всего чтений В том числе на одну школу 1898 111377 16 1900 146108 15 1901 159301 14 1904 135068 13 1906 100003 12

В церковноприходских школах читались отрывки из евангелий, из «святоотеческой литературы», молитвы, рассказывалась история праздников, исполнялись церковные песнопения. Для этих чтений синодом издавалась специальная литература — «Поучение и слово в неделю Фомина», «Поучение в неделю жён-мироносиц», «Св. град Иерусалим» и др. Духовенство стремилось охватить чтениями рабочие районы. В Москве церковноприходская школа при церкви Преображения устраивала в 1899 г. чтения при 11 фабриках по программе чтений церковноприходских школ²⁵.

Но чтения на церковную тематику не пользовались симпатиями народа. «Чтения крайне неинтересны», от чтений «нет ни пользы, ни интереса» — таковы, например, были отзывы крестьян Московской губернии²⁶. Особенно не популярны были церковные чтения в рабочей среде.

Говоря о насаждении этих чтений среди петербургских рабочих, «Искра» в статье «Безработица в Петербурге» писала: «Слащавые попы составляют свои холуйские лекции и проповеди, способные только вызвать среди рабочих смех и негодование»²⁷.

В статье «Борьба с крамолой и "сердечное попечение о рабочих"» «Искра» писала, что «народные чтения, обставленные массой формальностей и тройной цензурой, имеют мало значения». «Искра» разоблачала перед рабочими те цели, которых добивались правительство и церковь поповскими проповедями под видом внешкольного просвещения народа: «И везде будут они своими книжками, лекциями и туманными картинками затуманивать сознание трудящихся, учить их терпению, молитве, покорности и благодарности начальству»²⁸.

Насаждая посредством народных чтений церковную идеологию, духовенство старалось помешать распространению материалистических представлений о явлениях природы. Выдающиеся русские учёные стремились нести знания в народ, популяризировать достижения науки. По словам К. А. Тимирязева, «наука должна сойти со своего старого пьедестала и заговорить языком народа, т. е. популярно»²⁹. Но правительство и духовенство, установив строгий контроль за тематикой лекций, подвергали прогрессивных учёных травле и не разрешали им выступать в народной аудитории. В 1903 г. выдающийся русский учёный И. М. Сеченов, будучи тяжело больным, с радостью взялся за преподавание на московских пречистенских рабочих курсах, но чтение лекций ему было запрещено.

Рассматривая народные чтения и собеседования как средство политической борьбы, духовное ведомство широко привлекало к ним церковников, особенно в годы революции 1905-1907 гг. Духовенство усилило контроль над народными чтениями. Корреспондент журнала «Русская школа» в заметке «Деятельность духовной консистории в деле просвещения» писал в 1907 г.: «В с. Давыдовке были открыты народные чтения. Местный священник узрел в чтениях крамолу и пропаганду, донёс по начальству, чтения прихлопнули». Сами же церковники через народные чтения старались расширить свою деятельность по религиозной пропаганде. В Харьковской губернии в 1904-1905 гг. было проведено 1357 чтений, из них на чисто церковную тематику — 437, т.е. 31%. Церковным содержанием были насыщены также беседы по истории, география и литературе. Чтение на тему «каменный век» было вообще

запрещено, так как оно было признано церковниками «вредным».

Как отмечал в своем отчете синод, в 1905-1906 г. чтения для народа проводились на такие темы: государственная дума, русско-польские отношения, беседы миссионерского характера, причём на чтениях, как сказано в отчете, «обязательно давалась надлежащая оценка с христианской и патриотической точки зрения».

В Москве организацией народных чтений и бесед ведал особый комитет, во главе которого стоял серпуховский епископ Анастасий. Комитет разрабатывал тематику бесед и чтений, рассылал программы и пособия для их проведения. О характере этих чтений и бесед можно судить по их названиям: «Против тех, кто говорит, что Христос был революционером», «О бедности и богатстве», «Можно ли христианину быть социалистом», «Работа в свете материализма и христианства», «Пастырская задача в борьбе с социализмом», «О рабочих и труде» и т. п. На эти темы церковный журнал «Кормчий» издавал большим тиражом соответствующие брошюры. От церковников требовалось в противовес революционной пропаганде читать эти брошюры на собраниях рабочих и крестьян.

В период массового рабочего движения центром контрреволюционной деятельности духовенства были епархиальные дома, где систематически проводились чтения и беседы, направленные против рабочих и партии большевиков.

Московский митрополит Владимир выступил в 1906 г. перед рабочей аудиторией в Политехническом музее. Он осуждал рабочих за их желание дать детям образование, так как оно, по его словам, отрывало от труда. Митрополит призывал рабочих довольствоваться получаемой заработной платой, слушаться начальства и не бастовать. «Рабочие должны быть довольны своим положением, — убеждал он рабочих, — Если бы они хотели жить умеренно и экономно, не слушали бы смутьянов». В другой беседе «О работе в свете материализма и христианства» митрополит Владимир обвинил большевиков в том, что они «мутят» рабочих, и выступил с активной защитой капиталистов, которые, по его мнению, так же трудятся, как и рабочие. Свою беседу митрополит закончил словами: «Люди, находящиеся под влиянием материалистического взгляда на работу, делают своё дело с недовольством, с озлоблением, — они очень несчастны. Люди же, трудящиеся под христианским воззрением на работу, делают свою работу с радостью, с удовольствием: они в глубине души своей — счастливые люди».

Проповедь смирения и послушания вызвала среди рабочих резкие протесты. Рабочие понимали, что митрополит выступал в защиту капиталистов.

3

После подавления революции 1905 года духовное ведомство в целях усиления своего воздействия на народные массы прибегло к организации различных обществ, действовавших на церковной основе. Среди этих центров религиозной и монархической пропаганды первое место занимали общества трезвости, насчитывавшие к 1909 г. свыше полумиллиона членов. Под предлогом борьбы с народным пьянством общества трезвости старались организовать рабочих вокруг церкви, оторвать их от классовой борьбы. Сообщая о деятельности основанного им общества, священник московской епархии писал в московскую консисторию в 1915 г.: «Забастовочные годы оставили глубокий корень в нашем приходе, а потому первой моей заботой была борьба с воцарившимся среди населения неверием». Открытое им общество проводило чтения и беседы для народа, что привело, как хвастался священник, «к нравственному возрождению прихода».

Общество трезвости, организованное в 1908 г. при Покровской мануфактуре Московской губернии, также пыталось вести среди рабочих поповскую агитацию. Но вербовка рабочих в этом обществе шла туго. Рабочие отказывались записываться туда, видя в нём отделение союза русского народа с попом во главе.

О деятельности общества трезвости в г. Орехово-Зуеве рассказывал корреспондент ленинской «Искры». Общество было открыто при содействии специально приехавшего из Петербурга священника А. Рождественского и при участии фабричного начальства. Рабочих обязывали, писала «Искра», «посещать молебен с акафистом Николаю угоднику» и платить «неизбежный сбор в пользу дородных и богатых попов», «ходить на

чтения, на которых рабочих угощают той же демьяновой ухой, т.е. говорили о любви к ближнему и вреде пьянства»³⁰.

Рост классового самосознания рабочих затруднял церковную пропаганду. Во многих местах рабочие отказывались входить в реакционные поповские общества и давали открытый отпор церковной агитации. Священник села Анискино Богородского уезда Московской губернии докладывал московскому митрополиту о положении общества, открытого в посёлке при Городищенской мануфактуре. Рабочие пригрозили расправиться с попом, если он не прекратит своих выступлений против революции. Испуганный священник, по совету местного жандармского полковника, просил митрополита Владимира о переводе его в другой приход.

Активную контрреволюционную деятельность развивали также различные братства — «братство святого воскресения», «братство животворящего креста господня» и др. Они ставили своей задачей «борьбу с тлетворным духом времени», т.е. борьбу с революционным движением, борьбу с атеизмом. Братства приглашали для проведения чтений и бесед церковников-агитаторов, прошедших специальную подготовку для борьбы с рабочим движением и теизмом. Они распространяли также массовую литературу контрреволюционного содержания. Под видом «распространения народного образования в духе православной церкви и русской народности» (так сформулированы задачи братств в их уставах) эти братства вели активную борьбу против революционного движения, против партии пролетариата, против атеистического движения рабочего класса.

Официальный орган московских церковников — «Московские епархиальные ведомости» — открыто призывал церковников не ограничиваться чтением и беседами на религиозно-нравственные темы, а выступать против революции. Политическая роль братств подчёркивалась на съездах духовенства. Так, на съезде духовенства Московской губернии в 1906 г. рассматривались такие вопросы: неверие и рационализм, враждебное отношение к православной церкви, способ борьбы с социализмом. «Вождь» московских церковников, протоиерей-черносотенец Воторгов, мобилизуя духовенство на активную борьбу с социализмом, призывал использовать для этой цели прежде всего братства, как «религиозные базы», о которые, по его словам, «должна разбиться волна надвигающегося неверия и революции со стороны рабочего класса».

4

Правительство и духовное ведомство препятствовали распространению литературы, которая давала бы народу знания. Они стремились к тому, чтобы «неприметно воспитывать добрые нравы читателей сообразно их положению». Допускалась лишь так называемая нравоучительная литература, которая воспитывала бы народ в духе холопской покорности, преданности самодержавию и церкви, которая ослабляла бы революционный дух народа, его стремление завоевать свои нравы. «Книги духовного содержания, — говорилось в циркуляре министерства народного просвещения, — укрепят простолюдинов верой и упованием на святой промысел к новым трудам и к благодушному перенесению всякого рода лишений, в то время как светские книги ослабят их деятельность и терпение». От нравоучительной литературы требовалось, чтобы она служила «моральным наставником», предупреждала «всякое уклонение от коренных начал истинного просвещения, заключающихся в вере»³¹.

Правилами от 21 апреля 1850 года об издании книг для народа предписывалось, чтобы в книгах не было не только «никакого неблагоприятного, но даже неосторожного прикосновения к вере и установлениям её, правительству»³². Писатель же должен проникнуться «живой верой в православную церковь», нужно, чтобы он «носил в груди безусловную преданность престолу»³³.

Самодержавие решительно противилось изданию дешёвых книг для народа нерелигиозного содержания. «Лёгкое приобретение неполных сведений о многих предметах, — писало министерство, — распространяет поверхностные познания, а следовательно, весьма вредоносно». В 60-х годах XIX в. революционные демократы пытались организовать издание массовой дешёвой литературы для народа, но эти стремления встречали противодействие со стороны правительства и духовного ведомства.

Характеризуя союз самодержавия и церкви в борьбе против просвещения народа, Герцен писал: «Делают все так, чтобы куда человек ни обернулся, перед его глазами был бы или палач земной, или палач небесный, — один с верёвкой, готовый все кончить, другой с огнём, готовый сжечь всю вечность»³⁴.

Драконовские правила об издании книг для народа неоднократно повторялись. В 1874 г. было предложено обратить на издания для народа «самое строгое внимание, а равно подвергать самой строгой цензуре». Духовное ведомство неослабно следило за изданием этой литературы, отмечая всякий раз пропуск книг «без достаточной осторожности».

Для ограждения народа «от влияния злонамеренной пропаганды» духовное ведомство развило собственную издательскую деятельность. Издававшаяся им литература была рассчитана на растление народного сознания, на отвлечение его от борьбы за классовые интересы, пропагандировала религиозные и верноподданнические чувства. При издании такой литературы часто скрывалось её церковное происхождение. Например, издателю проповедей Исаакиевского собора Богдановичу была ассигнована в 1881 г. крупная сумма для издания газеты «Сельский вестник». Газета распространялась среди крестьян и ставила своей целью «укрепление веры православной, здорового русского национального самосознания, любви к отечеству и державному монарху».

Духовное ведомство поддерживало и поощряло издательские фирмы, которые выпускали массовым тиражом литературу церковно-религиозного характера. Издатели получали от этого большие прибыли. Только одним Сытиным за 1896-1899 гг. было издано 5775 тыс. экземпляров книг духовного содержания и 9951 тыс. лубочных картинок на религиозные темы. Кроме Сытина, лубочную церковную литературу издавало ещё 36 издательских фирм; за те же годы они напечатали свыше 72 млн. экземпляров книг и картин, преимущественно религиозного содержания. На лубочных картинках изображались события из ветхо- и новозаветной истории, жития святых и разные «нравоучительные» истории, пропагандировавшие покорность и смирение. Большое распространение имели картины с изображением страшного суда, а также картины ада и мучений грешников. Вечными загробными карами церковники запугивали крестьян, и особенно тех, кто осмеливался отступить от православия. «Всякий, кто посмеет низвергнуть основу религии, — писали церковники, — тот по своей смерти тотчас же окажется в аду и будет вечно гореть, не получая ни капли воды, чтобы охладить свой язык»³⁵.

В результате такой политики в народные массы, особенно деревни, проникало много книг духовного содержания, книг же научно-популярных, а также художественной литературы было мало. При описании в 1889 г. 28728 книг и брошюр, находившихся у крестьян четырёх уездов б. Воронежской губернии, 14482 книги (50,6%) оказались книгами духовного содержания, 7644 (26,6%) на светские темы и 3984 (13,8%) научно-популярных, главным образом по вопросам сельского хозяйства³⁶.

Составителям житийной литературы, распространявшейся среди крестьян, предъявлялось требование, чтобы жития действовали на воображение, ум и сердце. Многочисленные отзывы, однако, говорили о том, что эта литература не пользовалась популярностью у народа. При опросе крестьяне говорили: «Непонятность, примешься читать, толку никакого».

Среди описанной у крестьян церковной литературы было много рассчитанной на устрашение: «Сказание об антихристе и конце мира», «Об исходе души и страшном суде», «Смерть грешника люта», «О представлении света», «Размышления о смерти, суде и аде», «Слово об исходе души и втором пришествии Христа» и т. п. Было также много книг, спекулировавших на стремлении народа к знаниям, распространявших всякого рода суеверия: сонники, оракулы, соломоны, сборники сочинений из средневековых магов и астрологов и т. п.

В 1898 г. в 2113 дворах крестьян Московской губернии описано свыше 12 тыс. книг, из них 53% «духовно-нравственных» и лишь 8% — научно-популярных. В Полтавской губернии в 1903 г. в 667 деревнях описано 20 тыс. книг. Из них 42,8% оказалось «нравственно-религиозного содержания», а разной художественной литературы, среди которой было немало религиозной — 27,7%. Некрасов писал о литературе,

издававшейся для народа:

Эх! эх! придёт ли времячко, Когда (приди, желанное!) Дадут понять крестьянину, Что розь портрет портретику. Что книга книге розь?

Подбор книг для народа не удовлетворял широкие массы, особенно рабочих. Но правительство запрещало издание книг научно-популярного характера, которые давали бы народу подлинные знания. Ещё во времена министра просвещения Шишкова предлагалось бороться с изданием таких книг, так как в них, по словам царских чиновников, находились «увёртки и извороты ума», скрывавшие «неверие и нечестивые мудрствования ко вреду религии, правительства и гражданского общества». Гонения на научно-популярную литературу возросли с 60-х годов XIX в., когда правительство и духовное ведомство, обеспокоенное ростом материалистических идей и революционного движения, считало одной из его причин развитие грамотности среди народа.

В 1863 г. в журнале «Природа и землевладение» появились популярные статьи о сновидениях, в которых сны объяснялись материалистически, «из законов физики и физиологии». Журнал с этой статьёй был уничтожен за проповедь «материалистических воззрений, чем автор колеблет авторитет св. писания и церкви».

Враждебное отношение церкви к научно-популярной литературе и распространению среди народа знаний выразил орган Киевской духовной академии. В 1863 г. он писал: «Неверующее естествознание... старается сделать известными повсюду свои нетвёрдые результаты изданием разных популярных сочинений». Церковники сетовали на то, что учёные стремятся «мысли материализма влить в плоть и в кровь нового поколения».

Даже такая книга, как «Путешествие к центру Земли» Жюль Верна вызвала недовольство со стороны духовенства. Ревнителю православия писали об увлекательном романе Жюль Верна, что он «способствует развитию в юношестве антирелигиозных идей, уничтожает доверие к св. писанию и подрывает уважение к законоучителю»³⁷.

В 70-х годах XIX в. в России стал издаваться один из первых научно-популярных журналов «Знание», который знакомил широкие круги читателей с материалистическими идеями в области естествознания. За «материалистические тенденции» журнал закрыли.

Цепких лап духовных инквизиторов не избежала популярная книга французского учёного-астронома К. Фламариона «Мир до создания человека». Она была запрещена в 1886 г., так как в книге, по словам духовного цензора, прямо отвергаются библейские сказания о чудесах, о творении человека, также подробно доказывается происхождение человека от обезьяны³⁸.

В 1891 г. была запрещена книга знаменитого учёного-бактериолога Роберта Коха «Природа и человечество в свете учения о развитии», в которой он в популярной форме знакомил читателей с результатами открытий в области естественных наук. Автору поставили в вину, что он, излагая учение Дарвина, пришёл к выводу об абсурдности библейских представлений о сотворении мира и человека. «Талант и эрудиция автора, — отмечал защитник православия, — говорят против него, делают книгу более увлекательной, следовательно, более опасной»³⁹.

Талантливая книга Г. Н. Гетчинсона «Автобиография Земли, общедоступный очерк исторической геологии» поступила в духовную цензуру в 1893 г., где не смогли не признать достоинства этой книги — её научность, популярность и увлекательную форму изложения. Но автор не согласовал своих взглядов с церковным учением о сотворении мира, и книга была изъята, как подрывающая основы религии⁴⁰.

Запрещая книги и журналы, популяризовавшие научные знания, духовное ведомство широко распространяло собственную церковную литературу, в которой оно вело борьбу против научного мировоззрения. Церковный журнал «Душеполезное чтение», издававшийся с 1859 г., имел даже специальный отдел «духовно-поучительное изложение сведений из наук естественных». Редактором журнала в течение 30 лет был известный мракобес, епископ костромской Виссарион.

Такие же цели преследовал Журнал «Воскресный день», издававшийся с 1886 г. Под

предлогом развития в народе «духа православия, церковности и христианского благочестия» он боролся против просвещения народа, распространения научных знаний. Журнал «Радость христианина», возникший в 1893 г., провозгласил своим знаменем «борьбу с духом времени» и вёл среди читателей пропаганду антинаучных религиозных взглядов. С такой же программой выступали церковные журналы: «Православный благовестник», «Божья нива», «Странник» и десятки других. Для детей церковники издавали журнал «Зёрнышко».

Насаждением церковной литературы среди народа занимались ещё многочисленные общества: организованное в 1878 г. общество для распространения священного писания, за короткий срок (1878-1900 гг.) распространившее свыше 2 млн. экземпляров евангелий; московское общество любителей духовного просвещения, которое с 1870 г. организовало специальный отдел по распространению церковной литературы; издательство Почаевской лавры; петербургское общество религиозно-нравственного просвещения, выпускавшее специальную литературу для рабочих петербургских фабрик и заводов. В этом обществе непосредственное участие принимали студенты Петербургской духовной академии, выступавшие среди рабочих с беседами на религиозные темы.

В своих изданиях церковники писали, что прогрессивная литература разлагает общество, семью, государство, что она распространяет «безбожие, кощунство и даже богохульство», является «возбудительницей и главной виновницей революции» 41.

Церковная литература не удовлетворяла рабочих, стремившихся к образованию. «Знаете ли вы, — писал петербургский “Союз борьбы за освобождение рабочего класса” в обращении к русскому обществу 10 июня 1896 г., — что в России нет другой среды, которая была полна такой жажды знания? Света, знания, дайте нам возможность учиться, дайте нам возможность читать, — слышатся неотступные голоса рабочего люда» 42.

Правительство и церковь, по мере роста классового самосознания рабочих и революционной борьбы, усиливали реакционную политику по отношению к изданию научно-популярной литературы. Выступая на совещании по делам печати в 1905 г., министр внутренних дел князь Н. Шаховской, в чьём ведении находился цензурный застенки, говорил, что книги научно-популярного характера «мало дают работы уму, приучают к верхоглядству..., под видом знаний в книгах преподносятся тенденциозные воззрения, развращающие душу». Но и этот мракобес вынужден был признать, что среди рабочих имеют большой успех популярные книги по политической экономии, истории, естественным наукам 43.

Духовенство сетовало на то, что в народе уменьшилась привязанность к религиозной книге, что научно-популярная книга подрывает «вековое народное мировоззрение», воспитывает народ в духе неуважения к церкви и Самодержавию.

Один священник рассказывал, что к нему обратилась старушка с просьбой повлиять на сына: «В церковь перестал ходить, на иконы не молится». Сын говорил ей, что на фабрике в Москве читают хорошие книжки. «Там все прописано, что и иконы, и церковь — все это лишнее» 44.

5

Боясь просвещения народа, правительство организовало для народных библиотек особую цензуру. В правилах о бесплатных народных библиотеках, утверждённых в 1890 г., сказано, что задача цензуры — «ограждать младенствующий народ от направленной против него зловредной пропаганды антирелигиозной, антинационалистической, противонравственной, противоправительственной» 45. Был создан также особый комитет по рассмотрению книг для народа, куда входил представитель синода.

Над библиотеками тяготел знаменитый «каталог разрешённым книгам». Просмотр книг для помещения в каталог производился крайне медленно, например, в каталог 1903 г. были включены книги, напечатанные до 1880 г. Пополнение библиотек, даже в пределах имевшихся скудных средств, очень задерживалось, что наносило образованию народа огромный вред. В каталоге для бесплатных библиотек, изданном с одобрения синода, значилось около 4 тыс. названий. Кроме чисто церковных книг, в числе рекомендованных было много «религиозно-нравственного содержания». В каталоге

1903 г. для общественных библиотек из 7 тыс. названий более 1 тыс. приходилось па «духовно-нравственную литературу», в историческом отделе было 750 названий, а в отделе словесности — 2500, по преимуществу описаний монастырей, житий святых, князей и т. п. Зато сочинения Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского, Некрасова, Короленко, Чехова, Вересаева, Шевченко, Гаршина и многих других писателей в народные библиотеки не допускались. Даже в Ярославской общественной библиотеке, носившей имя Некрасова, не было сочинений Некрасова⁴⁶.

В каталоге числилось до 900 названий книг по естествознанию, но среди них преобладали книги по сельскому хозяйству.

В результате существовавшей системы запретов и стеснений в стране было крайне мало библиотек. По переписи 1897 года зарегистрировано только 1785 библиотечных работников, в то же время в питейных заведениях насчитывалось 267 тыс. человек⁴⁷.

Несмотря на проводившуюся правительством систему запретов, рабочие жадно тянулись к знаниям и были постоянными посетителями библиотек. В московской библиотеке им. И. С. Тургенева, открытой в 1885 г., из 100 с лишним тысяч посещений за 1886 г. рабочих было 10992, что составило 10,9% к общему числу. В шести бесплатных петербургских читальнях в 1897 г. зарегистрировано 21512 взрослых посетителей, из них рабочих — 14019 человек, т.е. 66,2%. В томской народной библиотеке из 756 читателей в 1887 г. рабочих было 273 человека, т.е. 36%⁴⁸. Рабочих не удовлетворяла литература религиозно-нравственного содержания. Они требовали книг по истории, естествознанию, художественную литературу. В 1886 г. в московской библиотеке им. И. С. Тургенева «духовно-нравственной литературы было только 11,5% из числа книг, полученных читателями - рабочими; книг по истории и географии — 9,3%, художественной литературы — 59,3%, по естествознанию — 6%».

Духовенство ставило себе в заслугу, что оно открыло библиотеки при церковноприходских школах. Действительно, по статистическим данным синода, в 1898 г. при церковных школах числилось 20856 библиотек с числом книг 1896 тыс. экземпляров, т.е. по 91 книге па библиотеку, а в 1907 г. — 30649 библиотек с 6147 тыс. экземпляров книг, т.е. по 200 книг на библиотеку⁴⁹. Однако многие из этих библиотек числились только па бумаге. Церковными библиотеками население пользовалось мало и неохотно, так как подбор книг был крайне тенденциозный, имелись преимущественно книги церковного и религиозно-нравственного содержания. Церковные библиотеки комплектовались синодом, издававшим для них специальные библиотечки из книг церковного характера. За 1896-1907 гг. синод разослал церковным школам 18,5 тыс. таких библиотек на 1154 тыс. руб.⁵⁰ В библиотеках, распространявшихся земствами, также преобладали книги религиозного содержания.

Много библиотек числилось по отчётам Общества попечительства о народной трезвости. В 1904 г. у общества насчитывалось 1711 читален и 352 библиотеки, в которых было 127 тыс. книг, т.е. на каждую библиотеку приходилось в среднем по 60 книг. По словам обозревателя, это был разный «хлам». Такие читальни и библиотеки не пользовались популярностью у народа каждую из них посещали в среднем не более 2 человек в день.

О тенденциозном подборе книг в народных библиотеках, преследовавших цель религиозного воспитания рабочих, рассказывает корреспондент «Искры» из Богородска Московской губернии. Жалуясь на отсутствие книг в библиотеке, он писал: «Один из рабочих как-то попросил Дарвина, но на его вопрос только разинули рот. Преимущественно дают книжки, которые старательно отупляют мысли рабочего»⁵¹.

В журнале «Русское богатство» в статье «Русский Манчестер» буржуазный журналист клеветал на иваново-вознесенских рабочих, говоря, что они мало читают и равнодушны к знаниям. В статье «В защиту иваново-вознесенских рабочих» ленинская «Искра» писала, почему рабочие иваново-вознесенской мануфактуры не хотят брать книги в фабричной библиотеке. «Главная причина, почему рабочие плохо идут в библиотеки, заключается отчасти в плохом подборе книг, отчасти в ужасной бедности книгами последних. Религиозно-нравственных книг 20%, а берут только 10%, тогда как по словесности книг 60%, а берут 66%... А жандармский ротмистр на чинимом им допросе сурово спрашивает рабочего: почему он взял именно такую книгу, а не религиозную, к. н.

житие?... На фабрике Морозова кормят самой отборной умственной гадостью, и потому рабочим незачем ходить в библиотеку... Что можно получить порядочного..., кроме лубочных изданий и поповских наставлений и одурачиваний?... Читать религиозно-нравственные книги может тот, кто желает поглупеть, мы же искренно этого не желаем»⁵².

6

Духовное ведомство нетерпимо относилось и к художественной литературе, чтение её считалось «греховным делом». Московский митрополит Филарет называл художественную литературу «повестями страстей» и говорил о ней: «Не касайся огня — обожжёшься, не касайся смолы — очернишься»⁵³. Духовное ведомство преследовало всякую новую мысль, живое слово, во всём видело угрозу церковной идеологии и православной церкви.

При издании в 1853 г. полного собрания сочинений Н. В. Гоголя духовное ведомство потребовало исключения ряда мест, «оскорбительных для религии». «Всякое упоминание о боге, о святом, о небесном и т. п. останавливало цензора, — писал один современник, — так как цензура знала придирчивость и непримиримость к этим вопросам духовного ведомства». Попытки издать сочинения Гоголя без искажений были тщетны, духовная цензура, по словам того же современника, «придавала вид преступности тому, в чем нет и не было преступного»⁵⁴.

Не избежала придирок духовного ведомства и поэма Гоголя «Мёртвые души». В ней усмотрели выступление против бессмертия души, так как, по словам бдительных цензоров, «мёртвой души быть не может». Поэма Гоголя после длительных проволочек все же была издана благодаря заступничеству влиятельных лиц, сумевших убедить духовное ведомство, что в поэме нет ничего против православной церкви и её учения⁵⁵.

Писатель М. Загоскин, камергер и директор московских театров и Оружейной палаты, пользовался расположением Николая, однако и его притесняло духовенство. При издании повести «Аскольдова могила» синод потребовал от автора значительных переделок. Выполняя требование синода, Загоскин писал: «По требованию цензуры я исправил повесть. Всеслав не принимает уже за пресвятую дочь Алексея Надежду и даже в разговоре с ней и слова сего не употребляет. Притчу о блудном сыне, которую дозволено было мне пересказать не иначе, как она рассказана в св. писании, я исключил совсем из моей повести. В эпилоге 3 части я вывожу великого князя Владимира христианином... Представляю его не жестоким и развратным, но образцом кротости и всех добродетелей христианских».

Переделка Загоскиным повести не удовлетворила, однако, московского митрополита Филарета, бывшего по поручению синода главным цензором повести. Филарет нашёл в произведении «смешение» церковных и светских предметов, от которого, по его словам, мог произойти «соблазн». Автору вновь пришлось перерабатывать свою повесть, и она увидела свет лишь много лет спустя после написания, да и то в искажённом виде⁵⁶.

Такая же судьба постигла и другие произведения Загоскина. Жалуясь на «благочестивую цензуру», он писал: «В нескольких местах вымарано стихов по десяти сряду, а за что? Хоть убейте, — не понимаю... я не имею права обвинить публично, что мою комедию изуродовали»⁵⁷.

Была запрещена также переведённая В. Жуковским баллада «Замок Смольгольм» Вальтера Скотта «за отсутствие в ней, — по словам духовного цензора, — всякой нравственности и оскорбление монашества». Оскорбительным для церкви было признано и первоначальное название баллады «Иванов вечер», так как в этот день, по разъяснению цензора, бывает пост, а в балладе говорится «о соблазнительных делах перед праздником». Жуковский назвал отзыв церковников на свою балладу «грозно-несправедливым», но ему пришлось подчиниться — внести в балладу ряд изменений и дать ей другое название, только после этого произведение напечатали⁵⁸.

В 50-х годах XIX в. известный издатель Смирдин пытался издать сочинения Антиоха Кантемира, но духовное ведомство нашло в них «сарказм на духовенство, монашество и высший иерархический сан», и сочинения Кантемира были запрещены⁵⁹.

В 1886 г. внимание духовного ведомства привлёк рассказ В. Гаршина «Сказание о

гордом Агее», который, по отзыву духовных цензоров, «наносил ущерб значению царской власти и церковной иерархии». По требованию синода запретили и рассказ Гаршина⁶⁰.

За литературной деятельностью следил сам Победоносцев. По его указанию сочинения гениального писателя Л. Н. Толстого подвергались арестам и запрещались. В работе Толстого «В чем моя вера» духовное ведомство нашло «мысли, явно противные учению и духу христианства», и она была запрещена. По требованию Победоносцева такая же участь постигла книгу Л. Н. Толстого «О жизни». В 1901 г. за «неуважительные отзывы о православной церкви и превратные суждения о христианстве и основных государственных законах» был запрещён роман Л. Н. Толстого «Воскресение»⁶¹.

Духовное ведомство преследовало и другого великого русского писателя — М. Горького. Оно обвиняло Горького в том, что его идеи «имеют гибельное значение для народа», что он хочет «возродить своих героев, помимо Христа, помимо евангелия», что у него в центре человеческого существования — тело, а не дух, что его сочинения вредны для церкви и духовенства. Церковники во главе с известным черносотенцем протоиереем Восторговым настаивали на изъятии и уничтожении «Исповеди» Горького, как «подрывающей религиозные устои общества»⁶².

7

Духовное ведомство враждебно относилось и к иностранной художественной литературе, видя в ней источник распространения идей, опасных для самодержавия, религии и православной церкви. Представители духовенства входили в состав цензуры иностранной и следили за тем, что проникало в Россию из - за границы, особенно из Франции, что переводилось на русский язык.

В одном из номеров сатирического журнала «Искра» была помещена карикатура на русских переводчиков Генриха Гейне. Великий немецкий поэт был изображён с костылём вместо ноги. Самодержавие и церковь считали Гейне опасным писателем за его революционный патриотизм, ненависть к немецкой реакции, насмешки над христианством и религией.

Произведения Г. Гейне получали самые отрицательные отзывы. «Книга песен» была найдена «безбожной», в ней обнаружили «предосудительные места», «подрывающие благочестие и чувство повиновения»; в «Романцero» и «Новых стихотворениях» цензоры усмотрели «самое дерзкое богохульство и революционные мысли», а в книге «Боги в изгнании» — «весьма тонкую иронию на христианство». Все эти произведения были запрещены.

При издании произведений Гейне на русском языке исключались целые главы, чтобы сгладить противцерковную направленность произведений поэта. Даже в последнем дореволюционном издании полного собрания сочинений Гейне, вышедшем в 1904 г., цензоры сняли главу «О государственной религии», а также места, направленные против церкви и религии⁶³. Только в советском издании произведения великого немецкого писателя впервые были опубликованы полностью, без искажений.

«Крайне вредными» признали и произведения выдающегося французского писателя Гюстава Флобера: «Искушение пустытника» и «Сказ о Юлиане милостивом», вышедшие в русском издании в 1879-1892 гг. По решению комитета министров произведения Флобера за «глумление над христианством и христианской церковью» были сожжены.

Такая же судьба постигла произведения одного из крупнейших писателей Франции Анатоля Франса. В своих произведениях А. Франс разоблачал французскую аристократию и военщину, христианскую церковь. Писатель, приветствуя революцию 1905 года в России, критиковал русское самодержавие за преступный расстрел демонстрации 9 января 1905 года.

Книга А. Франса «Харчевня королевы Гусиные лапки», запрещённая в 1893 г., в 1906 г. вновь была запрещена. Автора обвинили в том, что он «подвергает сомнениям святость реликвий». Другое произведение А. Франса «На белом камне» было уничтожено в 1913 г. за «кощунственные и богохульные мысли», а против издателя — возбуждено судебное дело за «богохульство» и за «поношение обрядов христианской церкви».

По приговору московского окружного суда в 1908 г. уничтожили одно из лучших

произведений А. Франса «Остров пингвинов». «Через все произведение, — писал цензор, — красной нитью проходит почти кощунственное глумление над христианством и специально над таинством крещения и причастия и над поклонением св. мощам». За «кощунство» и «богохульство» в 1914 г. уничтожили роман А. Франса «Восстание ангелов»⁶⁴.

В России подвергались гонениям и произведения выдающегося французского писателя Эмиля Золя. В 1894 г. были запрещены его романы «Лурд» и «Париж» за «подрыв веры в чудеса». Роман Золя «Истина» вызвал особенное недовольство духовного ведомства. «Тенденции этого романа, — писал его представитель, — хотя и направлены против католической церкви — религии, духовенства и его значения в школьном образовании народа, — могут оказать существенно вредное влияние в России, ввиду наблюдаемого... и у нас антагонизма между светской и церковной школой»⁶⁵. Роман «Истина» разделил судьбу других произведений Э. Золя.

Также преследовались произведения выдающегося французского писателя-революционера Анри Барбюса, в книгах которого духовное ведомство находило идеи, подрывавшие учение церкви о зависимости судьбы человека от божественной силы.

За период с 1871 по 1899 г. иностранной цензурой было запрещено свыше 10 тыс. книг иностранных авторов, в частности потому, что в них усматривались проповедь атеизма, отрицание «божественности» Христа, «разрушение основ христианской религии».

Каталог запрещённых книг с 1871 по 1897 г. насчитывал 1147 страниц убористой печати.

Далеко не все книги, прошедшие «очистительный огонь» иностранной цензуры, появлялись в библиотеках. Существовали, как мы видели, особые правила, не допускавшие в библиотеки многие произведения иностранных писателей по тем же мотивам — за подрыв ими «нравственности» и религии.

8

Православная церковь не признавала за театром воспитательного значения и считала зрелищные мероприятия с «канонической и нравственной» стороны ненужными и вредными. При этом духовное ведомство ссылалось на «отцов церкви». Иоанн Златоуст называл театр «храмом злых духов» и угрожал христианам, посещавшим зрелища, отлучением от церкви. Таких же взглядов придерживалось духовенство и в XIX в. Церковники в своих выступлениях доказывали, что театр оказывает вредное, даже растлевающее влияние на народ. «Литература, зрелища, вино губительно действуют на общество», — говорил московский митрополит Филарет. Он считал, что театральные зрелища отвлекают народ от посещения церкви, от слушания церковных проповедей. «Правительство православное будет ли свободно от ответственности за сие перед богом, — писал Филарет, настаивая на запрещении или хотя бы ограничении театральные зрелищ, — не лучше ли предупредить возникающее зло»⁶⁶.

Епископ Феофан говорил, что «опиум и театр одно и то же», что «театр — вещь вовсе не христианская» и что театральные зрелища отвлекают народ от церкви, могут вызвать недовольство своим положением. «Для простого народа, — писал он, — вовсе не следует желать развития утончённых чувств, так как развитие этих сторон деятельности усилило бы недовольство простой и бедной действительностью, содействовало его нравственному развращению... Народу нужен не театр, а храм божий»⁶⁷.

Отрицательное отношение церкви к театральным зрелищам нашло выражение в брошюре «По вопросу об устройстве для народа театров» епископа дмитровского Александра, вышедшей в 1889 г.: «Зрелища и различные увеселения не ведут к доброму, не только не полезны, но прямо вредны..., — писал он, — вреда от зрелищ много, а пользы никакой»⁶⁸. Костромской епископ Виссарион считал, что театральные зрелища «охлаждают души к делам благочестия и богомыслия», отвлекают мысли людей от бога и церкви.

Не имея возможности запретить театральные представления, духовное ведомство пыталось их ограничить. Так, оно не допускало спектаклей накануне праздников и воскресных дней, видя в их устройстве «поругание святости праздничных дней»,

«кощунство». Архиепископ херсонский Иннокентий в слове, сказанном в праздник троицы, осуждал тех, кто в этот день шёл на концерты. «Что мы сделали! — восклицал он. — Пренебрегли церковь, обесчестили праздник, посрамили веру, унизили имя св. троицы. И ради чего? Чтобы услышать необыкновенного певца? Может ли быть извинение ничтожнее?»⁶⁹.

Ещё решительнее выступал против театральных зрелищ переяславский епископ Иннокентий. Он грозил отлучением от церкви тем, кто в дни, указанные церковью, посетит театр или другое зрелищное представление. «Всякий, кто дерзнет... в дни... четырёхдесятницы, — писал он в 1904 г. в своём послании, — посещать театр и другие публичные увеселительные дома, будет подлежать отлучению от св. причастия, и если кто из таковых, несмотря на моё отлучение, осмелится приступить к принятию св. таинств, — подлежит проклятию»⁷⁰.

Но ни проклятия церковников, ни отлучение от церкви не могли отвратить народные массы от стремления к культуре. На помощь духовному ведомству в его реакционной политике пришло правительство. В устав о предупреждении и пресечении преступлений были включены статьи (§ 145-146 по изд. 1890 г.), запрещавшие зрелища накануне воскресных и праздничных дней, на рождество (23, 24, 25 декабря), в течение всего великого поста и в неделю пасхи. По субботам разрешались только духовные концерты. Эти ограничения, конечно, трудно было соблюдать со всей строгостью, что вызывало недовольство духовенства. Духовное ведомство требовало усиления цензурных строгостей к драматическим произведениям, в предпраздничные дни не только не допуская спектаклей, но даже репетиций.

Духовное ведомство тщательно следило за тем, чтобы в произведениях для театра не было ничего, что могло бы поколебать авторитет религии и церкви, незыблемость их положений. Духовная цензура не допускала в драматических произведениях критики не только православной религии, но и католической, протестантской и даже языческой. Она считала, что насмешка над язычеством может привести к критике православия. Так, в 1859 г. была запрещена пьеса «Греческие бредни или Ифигения в Тавриде наизнанку», так как в этой пьесе была усмотрена «насмешка над религиозными убеждениями греков», а в 1877 г. — пьеса Грекова «Монастырь св. Магдалины» и драма Шелкова «Тайны кармелитского монастыря», в которых показывались, по словам цензора, «возмутительные злоупотребления духовной власти и нравственное извращение монастырской жизни». Было признано неудобным изображение в пьесах недостатков и пороков католического духовенства.

В эти же годы не разрешили постановку трагедии А. Миллера «Проклятие Галилея», в которой доказывалась «несостоятельность папизма и католицизма и их вредное влияние на просвещение». Духовное ведомство сочло неудобным говорить об этом, так как сознавало, что такое же обвинение могло быть предъявлено и к православной церкви.

На сцене не допускалось изображение церкви, церковных обрядов, представителей духовенства, не разрешалась критика религиозных взглядов, отдельных выражений, так как это могло, по мнению духовной цензуры, «оскорбить религиозное чувство», т.е. вызвать насмешливое отношение к церкви и особенно к её служителям. Из этих соображений в «Ревизоре» Гоголя были вычеркнуты такие слова городничего: «выносите, святые угодники: боже мой, мать ты моя, пресвятая! Преподобный Антоний!»; «вот как бог свят и перекрещусь... Нет, как я, старый дурак... попа на исповеди надул, рассказал совсем другое» и т. п.⁷¹

В 70-х годах XIX в. либретто оперы А. Рубинштейна «Демон» было найдено несовместимым с учением православной церкви, так как в нём борьба демона против ангела-хранителя княжны Тамары заканчивалась гибелью княжны, т.е. торжеством демона. По требованию духовной цензуры, либретто оперы было переделано. Ангела-хранителя заменил «гений добра», а монахов — отшельники. С такими изменениями опера долго шла на сцене театров.

Постановка драмы Л. Толстого «И свет во тьме светит» была запрещена в 1910 г. за критику в ней православной церкви.

Выступая против светских воскресных школ и народных чтений, запрещая лучшие

произведения мировой и русской культуры, насаждая вместо них свои воскресные школы и чтения, лубочные издания, церковь действовала как верная служанка самодержавия, как душительница всего светлого, передового и революционного, как злейший враг подлинных знаний, к которым вопреки всем ухищрениям духовной цензуры жадно тянулись народные массы.

1. Е. И. Водовозова. На заре жизни и другие воспоминания, т. II. М., 1934, стр. 107 - 108.
2. Н. Паялин. Воскресные школы Невской заставы. «Школа взрослых», № 9, 1938, стр. 52.
3. «Сборник постановлений и распоряжений по министерству народного просвещения», т. 3. СПб., 1865, стр. 425.
4. Там же, стр. 552.
5. «Политические процессы 60-х годов XIX в.». Под ред. М. Лемке, т. 1. М., 1923, стр. 164.
6. Там же, стр. 165.
7. «Северная пчела», № 147, июнь 1862 г.
8. «Отчёт по делам следственной комиссии 1862 - 1871 гг.» «Голос минувшего», № 4, 1915, стр. 196. 198.
9. «Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов», т. II. ч. 1. М., 1950, стр. 586 - 587.
10. «Сын отечества», т. 138, 1862.
11. А. Шевылев. Церковь и зрелища. М., 1892, стр. 54.
12. «Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов», т. II, ч. 1. М., 1950, стр. 424.
13. Я. Пичкурено. Роль воскресных школ и вечерних курсов для рабочих в освободительном движении. М., 1953, стр. 232, диссертация.
14. «Листовки петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", 1895 - 1897 гг.». Л., 1934, стр. 123.
15. Н. К. Крупская. Из далёких времён. М., 1930, стр. 17.
16. В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 75.
17. Там же, стр. 74.
18. Там же, стр. 76.
19. Л. Меншиков. Охрана и революция, ч. II. М., 1925, стр. 65 - 67.
20. «Искра», № 12, 6 декабря 1901 г.
21. «Исторический очерк развития церковноприходских школ за 25 лет». СПб., 1909.
22. «Русская школа», кн. 8, 1904, стр. 66.
23. «Листовки петербургских большевиков», т. 1. Л., 1939.
24. «Исторический очерк развития церковноприходских школ за 25 лет», стр. 413.
25. А. Италинский. Из жизни церковноприходских школ. СПб... 1906, стр. 35-37.
26. И. Петров. Вопросы народного образования в Московской губернии. М., 1897, вып. III, стр. 21.
27. «Искра», № 16, 1 февраля 1902 г.
28. «Искра», № 15, 15 января 1902 г.
29. «История Московского университета». М., 1955, стр. 348, 480.
30. «Искра», № 1, 20 ноября, 1900 г.
31. «Православный собеседник», № 6, 1858, стр. 199 - 200.
32. «Сборник постановлений и распоряжений по делам печати». СПб., 1878, стр. 264.
33. «Русская старина», кн. 8, 1903, стр. 426; кн. 3, 1901, стр. 585.
34. А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 14, стр. 481. См. также: «Протоколы особого совещания для составления нового устава о печати». СПб., 1913, протокол № 3 от 8 марта 1905 г., стр. 13.
35. «Православный собеседник», кн. 2, 1855, стр. 86.
36. И. Воронов. Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1889, стр. 70, 75.
37. «Голос минувшего», № 12, 1916., стр. 152.
38. «Архивное дело», № 1(45), 1938, стр. 90.
39. Там же, стр. 90.
40. «Литературное наследство», № 22 - 24, 1935, стр. 627.

41. «Церковные ведомости», № 43, 25 октября 1906.
42. «Листовки петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", 1895 - 1607 п.». Л., 1934, стр. 66.
43. «Протоколы особого совещания для составления нового устава о печати», стр. 3.
44. «Вера и церковь», № 9, 1903, стр. 646.
45. А. И. Георгиевский. К истории учёного комитета министерства народного просвещения. СПб., 1902, стр. 156.
46. Там же, стр. 158 - 160.
47. «Русская школа», кн. 5, 1907, стр. 90.
48. А. И. Георгиевский. Указ. соч., стр. 146 - 156, 173.
49. «Исторический очерк развития церковноприходских школ за 25 лет». СПб., 1909, стр. 482.
50. Там же, стр. 482.
51. «Искра», № 9, октябрь, 1901 г.
52. Там же.
53. «Миссионерское обозрение», № 6, 1903.
54. «Русская старина», кн. 2, 1904, стр. 436.
55. «Русское обозрение», т. 46, стр. 721.
56. А. Котович. Духовная цензура в России. СПб., 1909. стр. 559.
57. «Под знаменем науки. Сборник в честь Н. И. Стороженко». М., 1902, стр. 434.
58. А. Пятковский. Из истории нашего литературного и общественного развития. СПб., 1876, стр. 292-297.
59. «Русская старина», кн. 10, 1903, стр. 178.
60. «Красный архив», № 2 (87), 1938, стр. 175.
61. «Литературное наследство», т. 22-24, 1935, стр. 508; «Архивное дело», № 1 (45), 1938, стр. 116.
62. «Вера и церковь», кн. 1, 1903, стр. 147 - 151; «Литературное наследство», т. 22 - 24, 1935, стр. 637.
63. «Литературное наследство», т. 22 - 24, 1935, стр. 635 - 673.
64. «Красный архив», № 6 (67), 1934, стр. 150 - 151, 158 - 159, 164.
65. «Литературное наследство», т. 22 - 24, 1935, стр. 627; т. 33 - 34, 1939, стр. 583 - 584.
66. «Государственное учение московского митрополита Филарета». Изд. 3. М., 1888, стр. 163 - 164
67. «Вера и церковь», кн. 6, 1900, стр. 783.
68. Л. Шевылев. Церковь и зрелища. М., 1892, стр. 38.
69. Там же, стр. 55.
70. «Русская мысль», кн. 10, 1904, стр. 237.
71. Н. В. Дризен. Драматическая цензура. М., 1913, стр. 99, 224, 237.

Глава V. Насаждение религиозной идеологии в высшей школе

Устав Московского университета 70-х годов XVIII в. требовал от студентов, помимо верности монархии, «жить в страхе господнем, нелицемерно придерживаться христианской веры, просвещать своё сердце через ежедневное чтение св. писания, ходить в университетскую церковь и читать утренние и вечерние молитвы». От профессоров же требовалась защита крепостнического строя и религии. Реакционные профессора называли свою науку «глазами божественного провидения», «зерцалом божественного промысла», на лекциях философии и права они рассказывали о божественном происхождении законов и царской власти. «Бог — вот главная и первая истина, составляющая душу всех истин», — говорил на своих лекциях профессор философии Московского университета Шаден¹.

Духовное ведомство нетерпимо относилось к прогрессивным профессорам,

пытавшимся познакомить слушателей с выводами передовой науки. Так, церковники преследовали профессора математики Московского университета материалиста Д. С. Аничкова (1733-1788 гг.), который в 1769 г. издал диссертацию под названием «Рассуждение из натурального богословия о начале и происхождении натурального богопочитания у разных, особенно невежественных народов». В своей диссертации Аничков отвергал божественное происхождение религии, обвинял духовенство в невежестве и шарлатанстве. По доносу протоиерея московского Архангельского собора Петра Алексея труд Аничкова был передан на отзыв московскому митрополиту Амвросию. Он счёл диссертацию Аничкова «соблазнительным и вредным сочинением». Автор, по словам Амвросия, восстал против христианства и проповедовал «атеистические мнения», опираясь на «материалистов и атеистов античности». По настоянию синода книга Аничкова была публично сожжена палачом в Москве на лобном месте. Синод потребовал также, чтобы Московский университет не печатал в дальнейшем «веры касающиеся неосторожные сочинения».

Аничков не понимал классовой сущности религии и не преодолел деистических взглядов, но его труд для того времени был выдающимся событием.

Атеистические взгляды Аничкова разделял также проф. С. Е. Десницкий, считавший, что церковь враждебна подлинной науке и является виновницей многих войн и социальных бедствий. Профессор И. Мельман в своих лекциях также выступал против церкви и религии, он говорил, что произведения классиков полезнее, чем творения святых отцов. По доносу московского митрополита Платона Левшина, «митрополита-философа», Мельман был схвачен и отправлен в Тайную канцелярию. После пыток его выслали в восточную Пруссию, где в припадке помешательства он покончил с собой².

В годы реакции, наступившей после Отечественной войны 1812 года, религиозное воспитание в высшей школе было усилено. В инструкции по наблюдению за студентами особое внимание обращалось на так называемое нравственное направление преподавания. От университетской полиции требовалось, чтобы на уроках профессоров не допускалось ничего, «колеблющего или ослабляющего учение нашей веры»; чтобы студенты учили закон божий «с той внимательностью, какой требует важность сего дела». Студенты были обязаны в праздничные дни посещать церковь, а в будни собираться на молитву. Инструкция требовала также, чтобы студенты читали евангелие по славянскому тексту «с толкованием св. отцов и учителей церкви»³. В университете установили казарменный режим. Студентов обязали иметь у себя библию, ввели общие молитвы, посты, обязательную исповедь и причащение. На стенах аудитории развесили картины на религиозные темы, преимущественно устрашающего характера⁴.

Ректор университета и его доверенные лица должны были посещать лекции и тщательно следили за тем, чтобы «дух вольнодумства ни открыто, ни скрыто не мог ослаблять учение православной церкви в преподавании наук философских, исторических или литературных»⁵.

Был установлен полицейский надзор за тем, что читали студенты, систематически проверялись университетские библиотеки с целью выявления книг, «противных вере, правительству и нравственности». Требовалось, чтобы среди студентов «отнюдь не обращались подобные сочинения»⁶.

Контроль за Московским университетом осуществлял попечитель, «фрунтовый генерал» А. А. Писарев, один из тех, кто для сохранения крепостного строя считал необходимым ликвидировать просвещение и уничтожить книги. По словам современников, именно этого «фрунтового генерала» имел в виду Грибоедов, когда писал:

Я князь - Григорию и вам Фельдфебеля в Вольтеры дам...

Наблюдение за преподаванием в высшей школе вело не только министерство просвещения и его местные органы, но и царская охранка. III отделение, недовольное постановкой преподавания в Московском университете, доносило, что в нём «нет сочетания изучения наук со светом божественного учения, а вместо этого профессора знакомят студентов с пагубной философией нынешнего века»⁷.

После подавления восстания декабристов из Московского университета особенно

решительно изгонялся «опасный дух вольнодумства» и «надменные умствования». С этой целью было сокращено преподавание общественных наук, расширено преподавание богословия и церковной истории.

Для изгнания «духа вольнодумства» в 1832 г. была назначена ревизия университета, которая ставила своей задачей перестройку университетского образования в духе «самодержавия, православия и народности».

За «неуважение к предметам христианской религии» студенты подвергались репрессиям вплоть до отчисления «в назидание другим». Прогрессивные профессора за отказ от насаждения поповщины изгонялись из университета. В 30-х годах XIX в. в Москве и Московском университете был очень популярен И. Е. Дядьковский (1784 - 1841 гг.), талантливый естествоиспытатель, физиолог-материалист, «врач-философ», как называли его в Москве. В своей «Общей патологии» Дядьковский выступал против поповских сказок о сотворении мира и выдвигал научное положение о закономерном развитии материи от низших и простейших форм к высшим и более сложным организмам. По словам современников, Дядьковский «стал костью в горле чуть не всем профессорам». В его лекциях увидели «доказательства его кощунства над православной религией». Профессору Дядьковскому поставили в вину научное объяснение им причин отсутствия разложения и гниения трупов. Дядьковский говорил, что найденные в г. Березове трупы, не подвергшиеся гниению, могли быть приняты за нетленные мощи угодников.

Учёный был отстранён от преподавания, как непримиримый враг поповщины. Умирая, он отказался от церковного напутствования священником и предсмертного причащения, о чем присутствовавший при смерти его ученик врач Н. Молчанов писал в Москву: «...хороший и чистый он был человек, но причаститься отказался. Это его убеждение»⁸.

Против насаждавшихся в университете поповщины и идеализма выступал и ученик И. Е. Дядьковского профессор К. В. Лебедев. Он высмеивал врачей, которые принимали появление массовых заболеваний за наказание, посылаемое людям за их грехи.

2

Казанский университет ревизовал один из ближайших помощников министра духовных дел и просвещения Магницкий. Мракобесные взгляды Магницкого были хорошо известны по его деятельности в Симбирске, где, будучи губернатором, он преследовал и уничтожал книги, особенно по естествознанию, считая их опасными для религии и церкви.

Магницкий увидел в Казанском университете, по его словам, страшную картину: богословие не преподавалось, студенты проявляли «гибельное невежество» в знании «заповедей божьих», катехизиса и евангелия. В библиотеке университета он нашёл книги французских материалистов. Сами профессора были, по его мнению, «неблагонадёжными» в религиозном отношении. «Учёность без веры в бога, — писал Магницкий в своём докладе, — не только не нужна правительству, но и почитается вредною».

Магницкий возражал против вскрытия трупов для научных целей, находя «мерзким и богопротивным употреблять создание и подобие творца человека на анатомические препараты». Напуганные профессора не возражали всесильному посланцу Голицына, и весь анатомический кабинет был предан земле с «подобающей почестью»⁹.

Магницкий предложил правительству крайнюю меру — в назидание другим публично разрушить Казанский университет, а вместо него открыть гимназию. Разрушение университета не было одобрено. Для искоренения «духа неверия» Магницкого назначили попечителем Казанского учебного округа, а в университете учредили кафедру «богопознания или христианского учения».

Новая должность помогла Магницкому быстро разрушить университет как научный центр. Он насаждал ханжество, лицемерие, мракобесие. Посещение богословских лекций стало обязательным для студентов всех факультетов, равно как чтение молитв и посещение церкви в воскресные и праздничные дни.

В основу преподавания точных и естественных наук инструкцией предписывалось положить религиозные принципы. Профессор физики должен был указывать на

премудрость божью и ограниченность человеческого разума для познания природы. При чтении лекций по естественной истории требовалось показать непостижимость природы, представить её «только слабым отпечатком того высшего порядка, которому, после кратковременной жизни, мы предопределены». Профессору астрономии поручалось «указать на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость творца».

В лекциях по словесности на первом плане должна быть библия, дающая, по словам инструкции, «величайшие образцы красноречия». При преподавании древних языков требовалось подчеркнуть превосходство христианских проповедников над писателями - классиками древности, а историки же должны показать «величие христианское».

Преподавание философии находилось под особенно строгим контролем. Только те философские системы считались допустимыми, которые не расходились с евангельским учением. Профессоров принуждали преподавать философию по посланиям апостола Павла. Наука политического права должна была доказывать божественное происхождение монархической власти. Преподавание рекомендовалось вести на «творениях» Моисея, Давида и Соломона и лишь в исключительных случаях прибегать к Аристотелю и Платону.

На медицинском факультете предлагалось «отвратить студентов от губительного материализма», внушить им мысль, что «искусство врачевания нераздельно с благочестием».

Что касается геологии, то она была признана наукой, противной святому писанию, и исключена из учебных планов университета.

В инструкции говорилось о необходимости борьбы с духом вольнодумства, внушения «любви и почтения к св. евангелию», достижения основной цели высшего образования — «воспитания верных сынов православной церкви, верных подданных государя»¹⁰.

Послушные Магницкому профессора немедленно приступили к замене науки поповщиной. Профессор Городчанинов в своём отчёте за 1819-1820 годы писал, что «все науки университетские преподаются в духе евангельского учения и что вольнодумство «удаляется от сего жилища науки, где обитает страх божий».

Профессор Никольский, объясняя высшее значение математики, доказывал, что она совершенно не противоречит истинам христианского учения. «В математике, — говорил он, — содержится превосходное подобие св. истин. Напр., как число без единицы быть не может, так и вселенная яко множество без единого владыки существовать не может». Треугольник он считал «символом господя, яко верховного геометра», а гипотенузу в прямоугольном треугольнике — «символом сретения правды и мира, правосудия и любви»¹¹.

Профессор анатомии и физиологии Фукс объяснял студентам, что цель анатомии — «находить в строении человеческого тела премудрость творца, создавшего человека по своему образу и подобию». Он предостерегал слушателей при изучении анатомии «не впасть в ужасный материализм».

На лекциях по русской словесности студенты разбирали 102 псалом Давида и доказывали его превосходство над произведениями Гомера и Вергилия¹².

Насаждая ханжество, лицемерие и поповщину, Магницкий изгонял из университета передовых профессоров, не желавших отказаться от научного мировоззрения в угоду поповщине. Так, им был организован показательный процесс над профессором Солнцевым, обвинённым в том, что он преподавал естественное право на «разрушительных началах». За «хитросплетённую ложь», «смешивание божественности с человеческим» Солнцев был лишён профессорского звания и уволен из университета. Профессор логики И. Давыдов также был жертвой террора, организованного Магницким. Его книга «Начальные основания логики» была объявлена «соблазнительной и безнравственной» и изъята¹³.

Бывший воспитанник Казанского университета Н. И. Мамаев, вспоминая о монастырском режиме, введённом в университете, писал: «Воспитание в духе веры и благочестия отражалось на всём, что входило в частную жизнь студентов, помимо их образования. Студенты обязаны были непременно посещать университетскую церковь... Не быть у всемогущей или у обедни, не говоря уже про ежегодные говения,

почиталось чуть ли не преступлением... Перед началом каждой обедни все студенты обязаны были собираться в аудитории, где один из их среды читал апостола и евангелие того дня, а священник объяснял их смысл и значение. Потом шли в церковь».

В результате деятельности Магницкого наука была изгнана из университета. По свидетельству современника, университет превратился в монастырь, в котором «все живое было похоронено, остались лишь тени науки, переполненные ханжеством и лицемерием»¹⁴.

Мракобесие и беспринципность Магницкого увековечены в «Доме сумасшедших» сатириком Воейковым. Поэт вложил в уста этого реакционера следующие слова.

Я за орден — христианин, Я за деньги — мартинист. Я за землю — мусульманин, За аренду — атеист¹⁵.

Деятельность Магницкого вызвала всеобщее возмущение. Правительству пришлось отстранить его и назначить ревизию, в результате которой Магницкого уличили в разворовывании государственных средств и выслали.

3

Достойным последователем Магницкого был попечитель Петербургского учебного округа Д. И. Рунич, снискавший известность как усмиритель крестьянских восстаний в Вятской губернии. Свою деятельность Рунич начал с того, что настоял на сожжении книги крупного учёного, прогрессивного профессора Петербургского университета и Царскосельского лицея А. П. Куницына (1783 - 1840 гг.) «Право естественное», в которой Куницын пропагандировал демократические идеи Радищева, выступал против крепостного права и неограниченной власти. Книга Куницына была признана «опасной и разрушительной в отношении к основаниям веры и достоверности св. писания». О влиянии Куницына и его прогрессивных идей на воспитанников Царскосельского лицея вспоминал Пушкин:

Куницыну дань сердца и вина! Он создал нас, он воспитал наш пламень, Поставлен им краеугольный камень, Им чистая лампада возжена...

Куницына обвинили в «публичном преподавании наук по безбожным системам» и уволили. Рунич говорил, что в деле с Куницыным ему удалось «вырвать одно перо из черного крыла противника Христова». Он настаивал на запрещении и изъятии всех книг, подобных книге Куницына, «ибо публичное преподавание наук по безбожным системам не может иметь места»¹⁶.

По доносу Рунич был возбуждён процесс против группы самых способных профессоров Петербургского университета. Их обвинили в том, что «философские и исторические науки они преподают в духе, противном христианству», в результате чего «в умах студентов вкоренялись идеи разрушительные для общего порядка и благосостояния».

Перед судилищем предстали профессора статистики Арсеньев и Герман, профессор философии Галич и профессор всеобщей истории Раупах. Судилище «с содроганием и изумлением увидело, что в лекциях отвергается достоверность св. писания», что «сотни молодых людей... систематически были напитываемы смертоносной отравой... пагубных семян неверия, богоотступничества и мятежных правил».

Тщетно профессора пытались доказать свою невиновность. Их взгляды признали «вредными, возмутительными против христианства и опасными для государственного благосостояния».

За «отвержение истин св. писания и христианства и замену их дерзновенными догадками мнимых философов и учёных» опальные профессора были уволены, а книги их изъяты из библиотек¹⁷.

Сатирик Воейков заклеил реакционную деятельность Рунич, засадив его в свой «Дом сумасшедших» со следующей характеристикой:

Рядом с ней (с кельей Магницкого. — Е. Г.) Рунич бегло бормотал: Вижу бесов пред собою, От учения спину свет. Этой тьме Невтон виною И безбожный Боссюэт¹⁸.

4

В Харьковском университете искоренял науку и насаждал церковную идеологию попечитель Харьковского учебного округа, вице-президент библейского общества мистик Корнеев. Корнеев доносил министерству, что «главное основание просвещения

— дух религии, которым должны начинаться все предметы учёности», что наука «должна утверждаться на познании евангельской истины». Корнеевым было введено обязательное посещение студентами и преподавателями церкви и чтение евангелий перед началом занятий. Он распространял среди студентов в принудительном порядке Библию, принимал меры к укреплению «твёрдости» веры, которая, по его словам, «растёт по мере упразднения или очищения умственных идей, порождаемых ложным мудрствованием»¹⁹. Для усиления церковного влияния на университетское преподавание в Харьковском университете были введены кафедры толкования церковного писания и церковной истории, догматического и нравоучительного богословия. В своём предложении совету университета Корнеев настаивал на введении курса лекций о Библии, так как Библия, по его словам, «учит не только познанию начала, продолжения и конца вселенной, наипаче познанию человека, яко верховного дела рук Божьих». От профессоров попечитель требовал преподавания в церковном духе. Например, он предложил профессору физики Камлишинскому объяснять студентам, что молния падает, «имея в своём конце треугольник, который изображает собой Троицу».

Реакционная деятельность Корнеева вызвала протесты прогрессивной части общества. Представляя министру внутренних дел выписки из мракобесных циркуляров Корнеева, харьковский общественный деятель и учёный В. Каразин писал: «Мы переселяемся добровольно и всеми силами в века самого мрачного суеверия и невежества, в нынешнем веке все это не может иметь другого действия, как, сделав религию и правительство смешным, — умножить вольнодумцев».

Протест Каразина и других прогрессивных деятелей не встретил поддержки правительственных кругов. Реакционную деятельность Корнеева на посту попечителя учебного округа одобрило министерство духовных дел и просвещения. Александр I, ознакомившись с докладом Корнеева, «начертал» на нём: «Был весьма доволен».

Голицын предложил Корнееву усилить надзор за юношеством: «сохранять и утверждать... страх Божий и смотреть, чтобы обучающееся юношество почитало начальство... книги против Христовой веры не имело»²⁰.

Насаждая религию вместо науки, самодержавие изгоняло из Харьковского университета прогрессивных профессоров, обвиняя их в подрыве основ религии. Так, по обвинению в вольнодумстве был уволен ректор университета, выдающийся русский философ-материалист, замечательный математик Т. Ф. Осиповский (1765-1832 гг.), активно выступавший против идеалистической философии. В доносе на Осиповского философ-мракобес Дудрович писал, что образ мыслей Осиповского «совершенно противен началам веры и св. писания», что Осиповский «не устыдился громко утверждать, что бог не живёт». Дудрович сообщал далее, что Осиповский своими материалистическими взглядами оказывал дурное влияние на студентов и что они перестали ходить на лекции по богопознанию и христианскому учению, а также на лекции по философии²¹.

За преподаванием в Харьковском университете следило и высшее духовенство. Митрополит Иннокентий обнаружил в диссертации участника «Украино-славянского общества» Н. И. Костомарова «О значении унии в западной Руси» идеи, враждебные православия. По доносу митрополита диссертация Костомарова была предана огню.

Мракобесие и поповщина насаждались и в Юрьевском (Тартуском) университете. Попечитель учебного округа внушал профессорам и студентам, что результаты научного исследования должны проверяться только догматами христианства. При подборе научных кадров для университета предварительно выяснялось отношение кандидатов к религии, их научные заслуги в расчёт не принимались. Тартуский университет хотел пригласить известного учёного Ранке, но эта кандидатура попечителем не была утверждена. «Моё сердце обливается кровью от того, — писал попечитель, — что учёность и гениальность для вас значит больше, чем христианство»²².

5

В годы террора, наступившего после революции 1848 года, в высшей школе было усилено влияние религии и церкви. «Одна наука не приведёт к хорошим результатам, —

говорил Николай I. — Мне нужны верные сыны престола, мне нужна беспредельная преданность, бессознательная покорность и беспрекословное повиновение»²³.

В секретной инструкции министерства 1848 года указывалось, что лучшим средством для спасения юношества от вольнодумства и безбожия является преподавание закона божьего в высшей школе. «Основным началом в образовании, — говорилось в циркуляре, — будет наше государственное начало, на котором непоколебимо стоит трон и алтарь, собственно русское начало, русский дух, наша святыня»²⁴.

Инструкция требовала, чтобы преподавание в высшей школе велось в духе «благоговения к святым, преданности к государю и любви к отечеству». Программы лекций подвергались тщательному контролю — в лекциях не должно было быть ничего, «несогласного с учением православной церкви, с образом правления и духом государства». Ректоры университетов обязаны были представлять отчёты «о духе и направлении преподавания». В отчётах писалось, что преподавание «согласовывалось везде с началами чистой нравственности и освещающим её учением православной церкви», что «при преподавании наук, особенно естественных, не допускалось ничего произвольного и мечтательного»²⁵.

Духовенство постоянно вмешивалось в жизнь высшей школы, пытаясь подчинить университетское преподавание интересам церкви и религии. Московский митрополит Филарет возражал против существования в Петербургском университете физико-математического и историко-филологического факультетов, зато настаивал на организации богословского факультета²⁶.

Подольский архиепископ Иринарх предложил министерству просвещения запретить преподавателям университета говорить что-либо несогласное с писанием, потребовать от них признания святости библии и веры в бога. Петербургский митрополит Григорий просил принять меры против одного учёного, в трудах которого он не встретил ни слова о боге-создателе. Донос митрополита был разоблачён герценовским «Колоколом» в заметке «Архипастырское рвение о мраке»²⁷.

Министерством была составлена расширенная программа преподавания богословия. Эта программа предварительно рассматривалась московским митрополитом Филаретом, а затем её утвердил синод. Преподавание философии признавалось «пагубным» и было полностью упразднено. «Единственным и твёрдым основанием всякому положительному учению» считался закон божий²⁸. В связи с закрытием кафедр философии и насаждением богословия Герцен писал, что вместо науки в университетах преподавали теорию рабства²⁹.

Преподавание логики и психологии возложили на профессоров богословия и законоучителей по программе, утверждённой для духовных академий; наблюдение за этим вели те же лица, которые контролировали преподавание закона божьего.

Послушное университетское начальство, запретив в высшей школе преподавание философии, писало, что упразднение кафедры философии является «знаком того, что самая высокая философия имеет свой источник в божественном откровении» и что «все мудрствования умов, не проникнутых и не направленных чистой верой, суетны и ведут скорее к заблуждению, нежели к познанию света и истины»³⁰.

Наряду с этими мерами правительство привлекало духовенство для борьбы с распространёнными в университетской среде революционными идеями. Профессор богословия Московского университета Терновский выступал перед студентами с антиреволюционными проповедями, а митрополит Филарет вызывал к себе передовых профессоров университета и, угрожая гневом божьим и царской немилостью, упрекал их во вредном влиянии на юношество³¹. Филарет призывал бороться с «мыслями и учениями противохристианскими, противонравственными и противоправительственными». Он составил специальную молитву о борьбе с «разрушительными взглядами». Эта молитва читалась во всех московских церквях³².

В 50-х годах XIX в. в связи с промышленным развитием страны начались поиски железа и угля на Урале, в Сибири, на Кавказе. Против геологических исследований восстал московский митрополит Филарет. Встревоженный таким отношением церкви к развитию необходимой для отечественной промышленности науки князь В. Ф. Одоевский обратился в марте 1858 г. с письмом к обер-прокурору синода Толстому с просьбой

воздействовать на церковников, чтобы они не мешали развитию геологии как науки. «Довольно уже Россия, — писал он, — потерпела бед и убытков от страшного гонения на геологию, по милости которого у нас нет насущного хлеба, т.е. каменного угля..., тогда как все это гонение основано просто на незнании предмета».

Подчёркивая значение геологии для развития промышленности, Одоевский писал, что за границей она сделалась уже «простонародной... Что пользы будет... поднять смех во всей Европе, дать пищу журнальным эпиграммам и новое оружие противникам нашей церкви»³³.

Жалоба промышленников была передана на рассмотрение митрополиту Филарету. Доказывая несовместимость религии и науки, Филарет указывал на осуждённые им и другими церковниками взгляды профессора Московского университета К. Ф. Рулье (1814-1858 г.). Этот выдающийся русский естествоиспытатель отстаивал материалистические принципы в биологии. Публичные лекции профессора, в которых он проводил эволюционные идеи, вызвали огромный интерес в русском обществе. Но труды Рулье подрывали устои идеализма и религии и вызвали поэтому ненависть к нему церковников во главе с Филаретом.

Лекции Рулье, опубликованные в 1859 г. в газете «Московские ведомости», Филарет использовал для доказательства того, что научная геология опровергает библейскую космогонию и потому не может быть терпима. Критикуя взгляды Рулье, Филарет писал: «Все высказанное будет ли уметь читатель согласить с первой главой книги бытия? Не впадёт ли он в искушение увлечься учёными мечтами от исторической истины»³⁴. Церковники донесли, что лекции Рулье противоречат писанию, что они опровергают важнейший догмат церкви — сотворение мира. От Рулье требовали, чтобы он внёс в подготовленную им книгу изменения, которые прямо противоречили его взглядам, и признал, что истинно и непреложно только то, что сказано о сотворении мира в библии³⁵. За Рулье была установлена слежка, ему запрещалось публично выступать. Преследование церковников привело к преждевременной смерти выдающегося учёного.

Говоря о тяжёлых условиях, в которых приходилось работать русским учёным, Герцен писал: «Где, в каком углу современного запада найдёте вы такие группы отшельников мыслей, схимников науки, фанатиков убеждений, у которых седеют волосы, а стремления вечно юны»³⁶.

6

С развитием производительных сил в стране росла потребность в квалифицированных специалистах. Правительству пришлось пойти на некоторые уступки в области высшего образования — были временно отменены ограничения в приёме студентов. В 1863 г. утвердили новый устав, предоставивший университетам некоторые отравы.

Восстановив в 1860 г. преподавание философии, правительство преследовало цель использовать философские дисциплины для борьбы с материализмом, для насаждения среди студентов идеализма и поповщины. Преподавание философии возлагалось на церковников, профессоров богословия. В Киевском университете первым преподавателем философии был священник Новицкий, защищавший в своём курсе философии религию и идеализм, резко выступавший против материализма. В трудах преподавателя философии С. Гогоцкого «Философский лексикон», «Введение в историю философии» защищались мистицизм и поповщина. Во взглядах Гогоцкого, по словам революционных демократов, не было и следа философии. У преподавателя философии Сидонского были преимущественно труды религиозного характера: «Жизнь спасителя», «История апостольских времён». «Синоптическое обозрение евангелия». Историю философии он излагал с чисто церковных позиций.

В Московский университет на кафедру философии вскоре после её восстановления, был приглашён профессор Киевской духовной академии, воинствующий идеалист, церковник, апологет реакции П. Юркевич, занимавший эту кафедру до 1874 г. Ещё будучи профессором Киевской духовной академии, Юркевич выступал против Н. Г. Чернышевского, против передовой науки и её лучших представителей. В своей статье «Из науки о человеческом духе», помещённой в «Трудах Киевской духовной академии», Юркевич «опровергал» материалистические идеи Чернышевского цитатами из

священного писания. Н. Г. Чернышевский высмеял Юркевича и его поповские взгляды в статье «Полемические красоты». В Московском университете Юркевич прочёл цикл лекций по философии, направленных против материализма, против атеизма. Его злобное требование «уничтожить материализм» было высмеяно в популярном сатирическом журнале «Искра».

В Казанском университете с воинствующей проповедью против материалистической философии выступал руководитель кафедры архимандрит Гавриил, автор учебника философии. Он вёл борьбу против атеизма, проповедовал идеализм и поповщину.

Борьба против религии и церкви была связана с общедемократическим движением в стране и носила политический характер. Церковники боролись с атеистическими идеями, пропагандой материалистических взглядов, справедливо усматривая в этой пропаганде подрыв важнейшей опоры самодержавия — религии и церкви.

Преподавание богословия было реорганизовано. Одно догматического богословия для усиления религиозного воздействия на студентов высшей школы оказалось недостаточным, пришлось усилить апологетическую сторону богословия. Под видом насаждения «нравственно-назидательного учения, внушающего христианский образ мыслей», богословие боролось с передовыми идеями в области науки, проповедовало идеализм и поповщину. При помощи богословия самодержавие пыталось задержать распространение революционных идей. На подбор преподавателей богословия обращалось особое внимание. В Петербургском университете кафедру богословия занимал до 1858 г. протоиерей Полисадов, который был назначен затем настоятелем собора Петропавловской крепости. Он втёрся в доверие к Каракозову и выдал правительству сведения, сообщённые ему Каракозовым во время исповеди³⁷.

Помимо кафедры богословия в университетах организовали кафедры церковной истории и церковного права, которые также насаждали монархизм и поповщину. Были усилены требования к студентам в части усвоения ими богословских дисциплин. Студентов, отлично сдавших экзамены по основным предметам, но не выдержавших экзаменов по богословию, оставляли на второй год. «За несоблюдение общей христианской обязанности», т.е. за неаккуратное исполнение церковных обрядов, студентов лишали стипендии. В связи с опубликованием в 1859 г. новых студенческих правил Герцен писал: «Видите, как они пуще всего преследуют бедность. Ты беден? В бараний рог тебя. Да и зачем бедному учиться!»³⁸.

7

Самодержавие и духовное ведомство ориентировались на тех профессоров, которые придерживались реакционных идеалистических взглядов. Представители материалистической науки преследовались, особенно за критику ими религии и церкви. Профессор истории Киевского университета Павлов — неумолимый деятель в области распространения воскресных школ — по требованию киевского, затем петербургского митрополита Исидора был изгнан из университета как «безбожник»³⁹.

Ректора Петербургского университета, выдающегося учёного-ботаника Н. Н. Бекетова обвинили в том, что он превратил Петербургский университет «в рассадник политической агитации». Бекетов выступал в защиту естественных наук и был последователем эволюционной теории. Его работа «Гармония в природе» получила высокую оценку. Действительной причиной отстранения выдающегося учёного послужили его прогрессивные взгляды.

В Московском университете «злонамеренных либералов, бунтовщиков» пытался «скрутить в бараний рог» попечитель учебного округа генерал Назимов. Воинствующие церковники-мракобесы избирались в почётные члены университета.

Так, в списках почётных членов Петербургского университета числились: московский митрополит Филарет, петербургские митрополиты Антоний, Григорий, Исидор, архиепископ херсонский Иннокентий, архиепископ литовский Макарий. Угодливыми профессорами университета почётным членом Петербургского университета был избран обер-прокурор синода Победоносцев⁴⁰.

Несмотря на полицейский режим, установленный в высшей школе, студенческая молодёжь активно выступала против насаждения идеалистической науки. В университетской среде широкое распространение получили идеи революционных

демократов, материалистические взгляды. Велико было влияние революционных идей Герцена. Его произведения «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы», содержавшие критику религии, обличавшие фанатизм и ханжество церковников, ходили по рукам среди студентов. Революционные идеи «Колокола», расшатывавшие устои самодержавия и православия, в студенческой среде находили благодатную почву. Защитники православия жаловались, что в «молодом поколении распространилось неверие», они объясняли это влиянием Герцена.

Профессора-физиолога Казанского университета Берви, который в своих лекциях говорил, что материалисты «вторгаются в святилище науки, вооружившись весами и ножами, и во всеуслышание открывают тайны природы», студенты как противника материалистических идей заставили в 1858 г. подать в отставку⁴¹.

В Киевском и Харьковском университетах в 1860 г. были раскрыты студенческие общества, которые, помимо политических требований, включали в свою программу пункт о содействии уменьшению в России монастырей и монахов⁴².

Ректор Харьковского университета в своём отчёте за 1869 г. старался убедить педагогическое начальство, что вся система преподавания в университете ставила своей целью «не столько повлиять на память своих слушателей, сколько на все их умственное, нравственное и религиозное развитие». Но министр просвещения, зная действительное положение вещей, написал на отчёте: «Увы! Это не дало результатов»⁴³.

По словам попечителя учебного округа, в студенческих работах Харьковского университета были обнаружены «дерзкие выходки и фразы по отношению к религии и церкви, бессмысленно восторженные отзывы об изгнании религиозного воспитания из школы». Попечитель объяснял эти «дерзкие выходки» «разнузданностью понятий» студентов. На самом деле под влиянием материалистических и революционных идей среди студентов были широко развиты антицерковные и антирелигиозные взгляды, проявлявшиеся в ряде случаев в форме активных атеистических выступлений.

Вместе с обер-прокурором синода К. Победоносцевым активно выступал против науки и просвещения преемник Д. Толстого И. Д. Делянов. Университетский устав 1884 года был пропитан духом характерной для политики самодержавия 80-х годов «бессмысленной и зверской реакции». Устав ликвидировал остатки университетской свободы, превратил профессоров в послушных исполнителей воли самодержавия и церкви. Циркуляр о кухаркиных детях 1887 года, предписывавший не допускать в гимназии детей рабочих и мелких служащих, преследовал цель закрыть перед ними двери высших учебных заведений и ликвидировать в студенческой среде «недовольство», «озлобление против существующего неравенства», которое циркуляр считал «неизбежным по самой природе вещей»⁴⁴.

Учебный процесс в высшей школе был проникнут поповщиной и проповедью идеализма. На исторических факультетах большое внимание уделялось религии и истории церкви. Кроме обязательного для всех факультетов курса богословия, читались ещё такие предметы, как история русской церкви, христианизация славянских земель, история отдельных периодов русской церкви. Церковная тематика занимала большое место в студенческих работах и в работах профессоров-идеалистов. Например, в Харьковском университете в 1902-1904 гг. для «научных» профессорских работ избирались такие темы: «Белгородские архиереи и их архипастырская деятельность» Л. Лебедева, «Предпасхальный пост» И. Бродовича, «Исследование по истории божьего царства в средние века» А. Вягина, «Воскресение Христово» Филевского, его же «Истина св. троицы в христианстве». Профессор юридического факультета Е. Темниковский в своей работе «Положение императора всероссийского в русской православной церкви», изданной в 1908 г., защищал неограниченную царскую власть ссылками на св. писание⁴⁵.

Эти «учёные», «продажные писаки и составители сочинений на заказ» выпускали, по словам Ленина, «горы высокоученого хлама и сора для забивания голов учащейся молодёжи»⁴⁶.

Богословие было одной из основных дисциплин университетского преподавания. Оно ставило своей задачей доказать, что вне церкви нет истины. В курсе богословия

говорилось о роли богословия для университетских паук, об отношении религии к науке и необходимости подчинения наук религии; давался обзор религий с обличением католической, протестантской и других религий. В курсе богословия излагались основы христианской религии, злобной критике подвергались материалистические взгляды о происхождении мира, человека. Церковники называли учёных профанами, ничего не знающими о существовании материи, о законах природы, они проводили реакционные идеи о том, что в области познания должна господствовать вера.

Для борьбы с неверием и атеизмом церковники требовали создания в университетах, помимо кафедры богословия, ещё специальных кафедр по церковной истории и церковному законоведению, а на историко-филологическом факультете — специальных курсов по истории православной церкви.

Считая недостаточными принятые правительством меры по усилению религиозного преподавания в высшей школе, воинствующее духовенство настаивало на открытии при университетах специальных богословских факультетов, по примеру Юрьевского университета, богословский факультет которого, будучи рассадником реакционных пасторов, вёл активную борьбу с распространением в университете передовых идей. На богословском факультете Юрьевского университета в 1900 г. было 145 студентов, в то время как на историко-филологическом факультете занималось только 100 человек.

Профессор богословия Киевского университета протоиерей П. Я. Светлов в 1906 г. напечатал записку «О необходимости богословских факультетов в университетах», в которой пытался доказать, что изучением богословия во всей его полноте следует заниматься в интересах университета, церкви и государства. Этот учёный мракобес, автор многих псевдоучёных трудов, доказывал, что без богословия не обойтись при изучении философии, государственного права, политической экономии, даже уголовного права. «В область богословия, — писал он, — особенно вторгаются такие науки, как естествознание, медицина, психиатрия, невропатология». Светлов подчёркивал, что прошло время, когда научное мировоззрение и научные идеи можно было критиковать одними текстами из библии. «В богословии необходимо пользоваться, — убеждал он, — выводами других наук, для успеха пропаганды религии христианским апологетам надо знать математику и естественные науки».

Реакционные профессора Киевского университета поддержали проект Светлова, но на съезде делегатов от профессорских коллегий русских университетов, состоявшемся в 1907 г., предложение сделать университеты рассадником воинствующих клерикалов показалось слишком реакционным, проект организации богословских факультетов не встретил сочувствия.

Самодержавие и реакционные круги, напуганные ростом революционного движения начала 90-х годов XIX в., стали усиленно проповедовать и поддерживать поповщину.

Министр просвещения генерал Ванновский, пришедший к власти после убийства своего предшественника Боголепова, обещал реформы в области просвещения, но его политика была политикой обмана и лицемерия, «политикой, — по словам Ленина, — чередования зверских расправ и иудиных поцелуев»⁴⁷.

Самодержавие усиленно насаждало в высшей школе религиозно-идеалистическое мировоззрение. Реакционные профессора пытались отравить молодёжь ядом религии, восхваляли её как основу морали, всячески поносили марксизм и атеизм. Реакционные профессора проповедовали вслед за В. Соловьёвым поповские взгляды о переселении душ и скором пришествии антихриста. Преподавание философии оказалось в руках «философских черносотенцев» типа Л. В. Лопатина, которые вместе с церковниками вели открытую борьбу против материалистического мировоззрения. Профессор Харьковского университета А. Ф. Брандт, выражая господствовавшие в университете мистико-поповские взгляды, в своём докладе «От материализма к спиритуализму», сделанном на годовичном университетском акте 17 января 1902 г., говорил о «христианском боге, как первоисточнике всего бытия, сотворившем бесконечный мир из себя»⁴⁸.

Реакционное руководство Московского университета с похвалой отозвалось о диссертации С. Трубецкого, в которой, как сказано в отчёте за 1905 г., «ярко обрисовалось религиозное мировоззрение». Автору ставилось в заслугу, что он

«сочетал свободу мысли и научного исследования с глубокой сердечной верой в личность Христа и христианские догматы»⁴⁹.

Проповедь мистики и поповщины и насаждение религиозности повлияли на некоторую часть реакционного студенчества. Эти студенты устраивали христианские евангельские чтения, хоровое пение; организовывали «христианские союзы», ставившие своей целью «распространение среди студентов христианской веры и христианского образа жизни». Основная же масса студентов была против мистики и поповщины и активно отстаивала материалистическое мировоззрение. Во время студенческих забастовок студенты в числе других требований выдвигали требование о свободе совести, об отделении школы от церкви, об отмене обязательного посещения лекций по богословию. Об этом писала «Искра»⁵⁰.

«Философские черносотенцы» открыто проповедовали необходимость примирения религии и науки. В борьбе против материалистического мировоззрения и революционных идей для обоснования своих реакционных политических и религиозных взглядов «поповствующие» профессора прибегали к агностицизму, доказывая невозможность познания и изменения действительности по «человеческому разумению».

8

Взгляды «философских черносотенцев» встретили полное одобрение и сочувствие воинствующих церковников. В своих печатных трудах и в публичных выступлениях они поддерживали реакционные воззрения «поповствующей» профессуры и вместе с ними пытались доказать ограниченность человеческого разума в познании мира. В церковно-богословских журналах систематически печатались статьи, в которых доказывалось, что наука якобы не может дать удовлетворительного ответа на ряд вопросов о познании мира, что такой ответ надо искать в откровении.

В статье «Конец мира по учению слова божьего и современным гипотезам», напечатанной в журнале «Вера и церковь», священник Миловидов пытался доказать, что естественные науки, не выходящие за пределы видимого вещественного мира, не дают человеку удовлетворительного ответа о конечной цели бытия. Такой ответ, как он полагал, может дать только «откровение, утверждающее присущую человеку идею бессмертия». Призывая к примирению с действительностью, уводя от борьбы за улучшение жизни на земле, автор утешал читателей тем, что, если они не удовлетворены своей жизнью на земле, то «по ту сторону» они найдут «царство правды»⁵¹.

Профессор-протоиерей И. Галахов, автор большого числа антинаучных книг и статей, на страницах богословского журнала «Вера и разум» в 1913 г. в статье «Значение физики и математики в вопросах религиозно-философского порядка» пытался доказать существование «царства правды»... при помощи математики. Он писал, что между религиозными и математическими абстракциями есть большое сходство и что математика может допустить существование невещественного мира и, следовательно, необходимость религии. Надо только бога, которому нет места в природе, говорил он, вывести за пределы материального мира⁵².

В органе Московской духовной академии «Богословский вестник» в 1906-1911 гг. были помещены статьи, в которых доказывалась непознаваемость внешнего мира и необходимость веры, например, «Богословие и естествознание о происхождении человека», «Библейское повествование о потопе в его отношении к данным геологии», «Современная наука и религия», «Преобладание научного сомнения в современном неверии» и др.⁵³ Аналогичные статьи, доказывавшие необходимость веры, печатались в журнале «Вера и церковь»: «Естествознание и материализм», «Эволюционизм перед судом христианства», «Об изучении природы в духе веры», «Библия и наука», «Мир как процесс, имеющий начало» и др.⁵⁴

Для подготовки богословов, которые могли бы выступать против науки в защиту религии, используя данные современной науки, в Московской духовной академии была создана особая кафедра естественнонаучной апологетики, где будущих богословов натаскивали в естественнонаучных дисциплинах в специфической поповской обработке⁵⁵.

Борьбу с научным мировоззрением церковники вели раньше путём анафематствования. «Отрицающим бытие божие и утверждающим, яко мир сей есть самобытен и вся в нём без промысла божия и по случаю бывает..., анафема!» — провозглашалось в церквах в педелю православия. Но этот метод борьбы с наукой был уже недостаточным. Помимо издания книг и статей, направленных против науки, церковники стали широко прибегать к чтению лекций по различным вопросам естествознания.

Московский митрополит Филарет был противником публичных выступлений «учёных богословов» с полемическими докладами. Он считал, что не дело церковников выступать с опровержением материализма с кафедр университетов и епархиальных домов. «Вещатели университета и пассажа, — писал он в 1860 г., — скажут: вот они проснулись! Вот мы их разбудили! Придут с улыбкой и критической миной, чтобы только искать слабых мест и погрешностей и, может быть, возражать в следующих своих лекциях... Победить сие превосходством лекций нелегко. Неверующих нельзя удовлетворить одними свидетельствами св. писания, от которого они отказались»⁵⁶. Филарет предлагал читать проповеди в церквах «против тех лжеучений, которые распространяются светскими лицами». Но больше всего он рассчитывал на карательные меры со стороны самодержавия. «Что смотрит правительство, — с негодованием восклицал он. — И в государствах, где больше нас хвалятся свободой мыслить, не позволяют публично оскорблять религию».

Позабыв о советах Филарета, церковники ринулись в бой против науки, используя для этого, помимо церковных амвонов, университетские кафедры, залы синодальных училищ, разные аудитории. Начиная с 1894 г. в залах синодальных училищ и епархиальных домов систематически читались публичные лекции о борьбе с неверием, в защиту православия, критиковались научные достижения, шедшие в разрез с церковной идеологией.

Церковники выступали против открытия народных университетов, находя их вредными для русского народа. С такой проповедью против предоставления народу знаний выступил официальный орган синода журнал «Народное образование»⁵⁷.

Передовые учёные, выступавшие против примирения науки с поповщиной, против религии, подвергались гонениям.

Гениальный учёный-революционер К. А. Тимирязев, воинствующий материалист, на основе научных данных опровергал религиозно-идеалистические представления о сотворении мира, вёл борьбу против поповщины в науке и против клерикалов. Тимирязев был обвинён церковниками и мракобесами в том, что он «на казённый счёт изгоняет бога из природы».

Знаменитого химика Д. И. Менделеева за антицерковные взгляды забаллотировали при выборах в Академию наук, а в 1890 г. он был вынужден уйти из университета в ответ на незаслуженный выговор министра Делянова.

И. И. Мечников — один из передовых борцов за материалистическое мировоззрение, создатель эволюционной эмбриологии, за выступление против реакционной политики самодержавия и церкви был забаллотирован на выборах в Медицинскую академию. Мечников не смог работать в невыносимых условиях царского гнёта и уехал в Париж, где стал одним из руководителей Пастеровского института. В «Этюдах о природе человека» Мечников резко критиковал идеалистическую философию, считая, что она преследует цель «умалить значение науки ради торжества религиозных и метафизических построений».

Пропаганда Мечниковым материалистических идей и разоблачение им библейских мифов о происхождении человека вызвали враждебные выступления против него в богословских журналах и в изданиях воинствующей поповщины. Негодование церковников вызвала критика Мечниковым реакционной роли религии. «В ту отдалённую эпоху, — писал Мечников о средневековье, — церковь властно вмешивалась в дела науки и, задерживая прогресс человеческих знаний, предавала учёных мукам»⁵⁸.

Защитники религии называли Мечникова «безбожным эволюционистом», «проповедником дарвинизма», обвиняли его в том, что он распространял атеизм, враждебно относился к христианской вере и отрицал бессмертие души. Церковники и

поповствующие учёные не могли простить Мечникову его последовательного и сознательного естественнонаучного материализма, критику им религии за её противодействие развитию материалистического мировоззрения.

Отмечая «бесшабашный разгул церковного кликушества в печати и проповедях», ленинская «Искра» в связи с огромным ростом церковно-богословской литературы, направленной против прогрессивных учёных и передовой науки, писала, что «православное мракобесие готовится дать генеральное сражение своим врагам»⁵⁹.

1. «История Московского университета». М., 1955, стр. 39, 42.
2. Там же, стр. 47, 64.
3. «Сборник распоряжений по министерству народного просвещения». СПб., 1866, стр. 556.
4. «Русский вестник», № 8, 1864, стр. 437 - 438.
5. И. М. Соловьев. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников, т. 1. СПб., 1914, стр. 47.
6. «Сборник распоряжений по министерству народного просвещения», стр. 556.
7. «Истории Московского университета», стр. 102.
8. «Литературное наследство», т. 45 - 46, ч. II. М., 1948, стр. 716.
9. «Русский архив», кн. 3, 1880, стр. 310.
10. И. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 47-50; см. также: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889, стр. 216.
11. М. И. Сухомлинов. Указ. соч., стр. 225.
12. «Русский вестник», № 8, 1864, стр. 441.
13. Там же, стр. 403.
14. М. Корбут. История Казанского университета, т. 1. Казань, 1930, стр. 36.
15. «Русская старина», № 9, 1884, стр. 587.
16. «С.-Петербургский университет в 1-м столетии его деятельности, 1818 - 1919 гг.». Пг., 1919, стр. XI.
17. М. И. Сухомлинов. Указ. соч., стр. 208, 255 - 307.
18. «Русская старина», № 9, 1884, стр. 588.
19. А. М. Ткаченко. Роль Харьковского университета в раз витии школ в 1-м тридцатилетии существования университета (1805 - 1835). М., 1950, стр. 75, диссертация.
20. «Сборник постановлений и распоряжений по министерству народного просвещения», стр. 526 - 527.
21. С. Чириков, Т. Ф. Осиповский. «Русская старина», № 11, 1876, стр. 463 - 485.
22. Э. Э. Мартинсон. История основания Тартуского университета. Л., 1954, стр. 151.
23. «К 50 - летнему юбилею университета св. Владимира». Киев, 1884, стр. 18 - 19.
24. Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 9. СПб., 1895, стр. 236 - 237.
25. «Харьковский университет им. М. Горького за 150 лет». Харьков, 1955, стр. 31.
26. «С.-Петербургский университет в 1-м столетии», стр. XXX - XXXII.
27. А. И. Герцен. Собрание сочинений. Под ред. М. Лемке, т. 9. Пг., 1919, стр. 256.
28. «Сборник постановлений и распоряжений по министерству народного просвещения», т. II, стр. 1041 - 1044.
29. А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 6, стр. 353.
30. М. Корбут. Указ. соч., т. 8, стр. 147.
31. «История Московского университета», стр. 230.
32. «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по учебным и церковно - государственным вопросам», т. IV. М., 1887, стр. 513; т. V, ч. 1, стр. 184.
33. «Русский архив», № 2, 1874, стр. 22-23.
34. «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета...», т. IV, стр. 315.
35. «Русская старина», № 12, 1903, стр. 687.
36. А. И. Герцен. Былое и думы. М., 1947, стр. 231.
37. «Русская старина», № 12, 1888, стр. 631.
38. А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 10, стр. 177.
39. «34 документа, касающиеся до дел цензурного ведомства 1906 - 1908». СПб., 1909,

т. 2.

40. В. Григорьев. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, приложение, стр. III - X.

41. М. Корбут. Указ. соч., т. 1, стр. 163.

42. О. Кравченко. Роль Киевского университета в развитии просвещения в 60-х годах XIX в., стр. 80, диссертация.

43. «Харьковский университет им. М. Горького...» Харьков, 1955, стр. 74.

44. «Сборник постановлений и распоряжений по министерству народного просвещения». СПб., 1894, стр. 881.

45. «Харьковский университет им. М. Горького...», стр. 141.

46. В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 187-188.

47. Там же, т. 6, стр. 64.

48. «Харьковский университет им. М. Горького...», стр. 141.

49. «История Московского университета», стр. 374.

50. «Искра», № 18, апрель, 1902 г.

51. «Вера и церковь», № 3, 1899.

52. «Вера и разум», № 10. 1913, стр. 441 - 443.

53. «Богословский вестник», № 2, 1908; № 3, 1909; № 4 - 5 и 10, 1910, № 5 - 6, 1911.

54. «Вера и церковь», № 10, 1899; № 2, 1900; № 6, 1901; № 10, 1 - 7, 1903.

55. «Богословский вестник», № 3, 1893, стр. 11.

56. «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета...», т. IV, стр. 501.

57. «Народное образование», № 5, 1900, стр. 76.

58. «Новое время», 16 мая 1909 г.

59. «Искра» № 7, июль, 1901 г.

Глава VI. Духовная цензура и её борьба против науки

Представители современной православной церкви пытаются скрыть реакционную деятельность православия и его борьбу против просвещения и науки. Защитники православия утверждают, что гонения против науки, если они и были, то носили случайный характер и что православная церковь никогда не отрицала необходимость и пользу науки¹.

В действительности же, православная церковь неизменно враждебно относилась к науке, была инициатором травли наиболее талантливых её представителей.

Церковники долгое время проповедовали, что достаточно одной библии, чтобы знать, как произошла вселенная, и что научные теории это — «космогонические бредни новейшего издания». «Бог сотворил мир и человека — вот что нужно знать прежде всего», — говорили церковники. Кроме того, каждый обязан повиноваться властям и «быть готовым запечатлеть смертью верность и преданность своему государю»².

Одним из самых воинствующих органов духовного ведомства, призванных вести борьбу против науки, была духовная цензура. Даже некоторые церковники признавали, что духовная цензура являлась вопиющим злом, что она ставила своей задачей «поработить человеческий дух»³.

Духовная цензура накладывала свою руку на все, что хотя бы отдалённо имело отношение к религии, — на область точных наук, естествознание, на исторические науки, философию, литературу.

Правительство, поддерживая православную церковь, не только не противодействовало стремлениям духовного ведомства взять под свой контроль всю область «человеческого разума», а, наоборот, помогало церкви проводить реакционную политику, оказывая ей поддержку всем своим аппаратом.

Уже в начале XVIII в. авторов и распространителей сочинений, «противных церкви», предлагалось «допросить с очисткой и прислать в синод с расспросными речьями» (указ от 20 марта 1721 г.)⁴.

Екатерина II в начале своего царствования пыталась ограничить ввоз книг из-за границы, направленных «против религии, нравственности, государства». По её предложению в Академии наук был разработан проект о прекращении доступа в Россию и продажи книг «соблазнительного содержания». В этом проекте прежде всего отмечались книги, которые «явно опровергают основания христианской веры и гражданского общества», «соблазнительные и чистые нравы повреждающие».

Вместе с тем Академия наук выступила в защиту просвещения и свободы научного исследования. «Не следует запрещать книг, — отмечалось в отзыве Академии наук, — которые в основном своём хотя и не сходятся с нашей формой правления или с мнениями восточной церкви, однако дозволены во всех европейских и христианских землях». В обращении Академии к «разумным читателям» говорилось далее, что «отнятие свободы в чтении всяких книг» отрицательно скажется на развитии просвещения и науки⁵. Эти прогрессивные взгляды не нашли, однако, поддержки у Екатерины.

Французская буржуазная революция 1789 года испугала самодержавие и помещиков. Боясь проникновения в Россию революционных идей, самодержавие усилило цензурные репрессии. Запрещались книги, просачивавшиеся из-за границы, преследовались мысли, которые могли способствовать «зловредным умствованиям». В 1796 г. в ряде городов были организованы смешанные цензурные комитеты. Им предоставили полномочия сжигать книги, «кои найдутся противными закону божьему, верховной власти или развращающие нравы». Цензурные комитеты, куда входили по два представителя от светской власти и один от синода, были настоящими инквизиционными трибуналами. Они сжигали опальные книги и преследовали людей, заподозренных в их хранении. Особенно дурную славу оставил рижский цензурный комитет, во главе которого стояли: от духовенства протоиерей Тихомиров, от гражданской власти цензор Туманский и «учёный» цензор Иноходцев.

За короткий срок на рижской границе было задержано свыше 550 книг, в которых, по отзывам цензоров, «хитро критиковалось св. изречение», давалось «дерзкое сравнение человека с богом». По распоряжению Павла I многие из этих книг были сожжены, другие отправлены обратно за границу⁶.

Для усиления влияния духовного ведомства на просвещение в марте 1797 г. была создана специальная московская духовная цензура, состоявшая исключительно из представителей духовного ведомства и подчинённая непосредственно синоду.

Новый цензурный орган обладал очень широкими полномочиями. Духовная цензура вторгалась во все области общественной и политической жизни и следила за тем, чтобы в печати не было ничего, «противного закону божьему, правилам государства, благонравию и литературе».

Цензоры от духовного ведомства назначались и в первые типографии. В типографии Сухопутного шляхетного корпуса, организованной в 1757 г., цензор иеромонах корпуса просматривал даже такие сочинения, как «Строевой устав пехотного полка», «Берг — привилегии и регламент» (1762 г.)⁷.

Академия наук с самого начала своей деятельности находилась под бдительным контролем синода. Цензоры, назначенные синодом, проверяли издававшиеся Академией сочинения, выискивая в них места, «сомнительные и противные христианским законам, правительству и добронравию».

В 1735 г. Академия наук приступила к изданию русских летописей — ценнейшего источника для изучения истории России. Синод возражал против предпринятого издания под тем предлогом, что в летописях якобы содержится «много лжи явственные» и что они «не суть весьма нужны». Синод выступил с критикой научной деятельности Академии наук.

В 1743 г. в изданном Академией наук астрономическом календаре синод обнаружил сведения «относительно Луны и прочих планет», которые, по его мнению, были «к соблазну народному склонны». Синод потребовал изъять календарь из продажи и печатать в дальнейшем календари только с его «апробации».

Деятельность великого русского учёного М. В. Ломоносова, горячо отстаивавшего достижения европейской науки и передовые идеи Коперника, вызывала ненависть

синода и духовенства. Исследования Ломоносова подрывали самые основы религии.

Мировоззрение Ломоносова развивалось в борьбе против схоластики и идеалистической философии. Признавая существование материального мира независимо от человеческого сознания, Ломоносов отвергал церковное учение о неизменности природы и создании её богом. «Напрасно думают, — писал Ломоносов, — что все, как видим, сначала творцом создано. Таковые рассуждения весьма вредны приращению наук... легко быть философом, выучив наизусть три слова: бог так сотворил, и сие дая в ответ вместо всех причин»⁸.

По инициативе Ломоносова Академией наук стал издаваться впервые в России научно-литературный журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», выходивший с 1755 по 1764 г. Журнал, рассчитанный на широкие круги читателей, распространял научные знания, особенно по естествознанию. «Вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник», — писал современник. В этом журнале, снискавшем любовь читателей, синод нашёл ряд статей, «вере святой противных и с честными нравами несогласных», так как в них «утверждались многие миры», т.е. пропагандировались научные взгляды о возникновении вселенной, подрывавшие церковные легенды («св. писание заблуждением называется»). Синод настаивал на ликвидации журнала под угрозой «жесточайшего за преступления наказания»⁹.

Донос синода был направлен не только против Академии наук, но и против М. В. Ломоносова лично. Синод знал, что Ломоносов отвергал религиозные взгляды о познании природы, что он был против буквального понимания церковных текстов о мироздании. Ломоносов высмеивал тупость и невежество духовенства, выступавшего против науки. В эпиграмме «К Пахомию» Ломоносов стыдил противников науки:

Ты словом божим незнанье закрываешь... Ты думаешь, Пахом, что ты уж Златоуст! Но мы уверены о том, что мозг твой пуст.

Враждебно встретил синод книгу французского академика Фонтенеля «Разговор о множестве миров», изданную в 1740 г. при содействии Ломоносова. В ней талантливый автор в популярной форме излагал научные данные астрономии, противоречащие церковным представлениям. Гнев синода вызвал не только автор, разрушавший основы религиозного мировоззрения, но и талантливый переводчик книги, Антиох Кантемир, ядовитые сатиры которого на «райских врат ключарей святых», на «безмозглых» попов восстановили духовенство против автора. Синод признал книгу Фонтенеля «противной вере и нравственности» и потребовал её изъятия.

Книга Фонтенеля была очень популярна среди читателей, интересовавшихся вопросами науки. Ещё в 20-х годах XIX в. она была широко распространена. Популярность «Разговора о множестве миров» отмечена Пушкиным. Герой романа «Евгений Онегин»

Прочёл скептического Бея, Прочёл творенья Фонтенеля, Прочёл из наших кой-кого.....

Раздражённый выступлениями Ломоносова против церкви и изданием при его содействии книги Фонтенеля синод потребовал в 1757 г. от Елизаветы «приостановить» научную деятельность Ломоносова. «Таковые соблазнительные и ругательные пашквили, — говорилось в послании, — истребить и публично сжечь, а впредь дочинить воспретить, а означенного Ломоносова для надлежащего в том увещания и исправления в синод отослать»¹⁰.

Ломоносов не испугался гонений со стороны синода и продолжал выступать против церкви. Ломоносов требовал «привилегий» для науки, важнейшей из которых он считал свободу научных взглядов от преследований церкви. «Духовенству к учению, правду физическую для пользы и просвещения показующему, — писал он, — не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях»¹¹.

Ломоносову не удалось получить просимых «привилегий» для Академии наук. Воинствующая деятельность синода не приостановила, однако, его выступлений против реакционного духовенства.

В 1761 г. Ломоносов написал статью в виде письма к графу Шувалову «О размножении и сохранении русского народа». В этой статье Ломоносов говорил о вреде, который наносят народу ранние браки, выступал против монашества, считая, что «монашество

есть черным платьем прикрытое блудодеяние», осуждал обычаи крестить детей зимой в холодной воде, что вызывало среди детей большую смертность. «Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодной водой, — писал Ломоносов, — почитаю я палачами за то, что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти». В этой статье Ломоносов выступал также против постов и обжорства, установленных обрядами православной церкви, видя в них настоящее «самоубийство» для народа.

При жизни Ломоносова статья «О размножении и сохранении русского народа» не была опубликована. Впервые, но не полностью, её напечатали в 1819 г. в журнале «Древняя и новая словесность». Духовное ведомство нашло статью великого учёного оскорбительной для церкви. В ней, по отзыву духовной цензуры, «содержатся выражения и мысли, частью предосудительные учению и обрядам, принятым православной церковью, частью несправедливые и оскорбляющие честь нашего духовенства». Статью Ломоносова признали безбожной и конфисковали, а цензору за её пропуск объявили выговор. В полном виде статья была напечатана только в 1871 г.¹²

В 1756 г. Московский университет просил у синода разрешения на издание философской поэмы английского писателя Александра Попа (1688-1744 гг.) «Опыт о человеке», которую перевёл на русский язык профессор Поповский, активно участвовавший в борьбе против средневековых ненаучных представлений о строении вселенной. Синод нашёл в поэме «зловредные» идеи Коперника, которые «св. писанию противны, с православной христианской верой весьма несходственны и юношеству соблазнительны могут быть». Синод обвинил автора и переводчика в том, что они ничего не заимствовали из писания и распространяли идеи «о множестве миров», «священному писанию совсем не согласные».

Синод не мог запретить издание поэмы, так как за неё вступился всесильный Шувалов. Поэма была передана на «исправление» московскому митрополиту Амвросию... Он изуродовал её, выбросив места «св. писанию и политическим узаконениям противные», и заменил их своими стихами, так что в переводе «о множестве миров, коперниковой системе и натурализму склонного ничего не осталось». Внесённые митрополитом Амвросием изменения набрали другим шрифтом, и в таком виде поэму напечатали в 1757 г. Современники шутили, что поповские стихи легко можно отличить от поповских. Поэма «Опыт о человеке» пользовалась у читателей большим успехом, до 1812 г. она выдержала 6 изданий.

2

Произведения Вольтера и его идеи были широко распространены в русском обществе XVIII в. не только в столицах, но и в глухой провинции. По словам современников, даже в таких городах, как Пенза, «раздавались насмешки над религией, хулы на бога, эпиграммы на богородицу»¹³. Произведения Вольтера не только проникали из-за границы, по переводились и печатались в России. Особенно много занимался изданием трудов Вольтера страстный его почитатель И. Г. Рахманинов. Он основал в своём имении в селе Казёнках Тамбовской губернии типографию, где в 1791 г. было напечатано второе издание полного собрания сочинений его любимого писателя¹⁴.

Екатерина II, ещё недавно бывшая горячей поклонницей Вольтера, испугавшись распространения в России идей французской революции, переменяла своё отношение к Вольтеру. Особым указом она запретила печатать новое издание сочинений Вольтера «без апробации московского митрополита». Изданные Рахманиновым произведения Вольтера, как «вредные и наполненные развращением», конфисковали, а на его типографию наложили арест. В 1797 г. типография Рахманинова вместе с опечатанными книгами сгорела, а остальные книги, изданные Рахманиновым, были отобраны у частных лиц и сожжены¹⁵.

Особенно боялось царское правительство передовых взглядов французских философов-материалистов, которые разоблачали реакционную сущность религии, опровергали её ложь и нелепости, противоречащие разуму. Их боевые, талантливые книги вошли в сокровищницу мировой культуры. Ленин подчёркивал большую роль французских материалистов XVIII в. в борьбе против религии и идеализма, в развитии науки и атеизма. «В течение всей новейшей истории Европы, — писал Ленин, — и

особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. и. Враги демократии старались поэтому всеми силами "опровергнуть", подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии»¹⁶.

Французские материалисты XVIII в., разоблачая религию и церковь, не вскрыли, однако, социальных корней религии, их атеизм носил просветительский характер.

Начиная с 80-х годов XVIII в. духовное ведомство активно боролось с распространением в России идей Вольтера и философов-материалистов. Проповедник Анастасий Братановский перевёл с французского книги: «Предохранение от безверия и нечестия» (1794 г.) и «Истинный мессия или доказательство о божественном пришествии в мир Иисуса Христа и его божества» (1794 г.). Появилось большое число обличительных сочинений. В 1787 г. вышли две брошюры, в которых осуждались антирелигиозные взгляды Вольтера: «Обнажённый Вольтер» и «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Вольтера "На разрушение Лиссабона"». В серии брошюр, переведённых с французского, характер критики взглядов Вольтера и философов-материалистов подчёркивался уже в самих их названиях: «Бессмертие души, основательно против безбожников и скептиков доказанное» (1779 г.), «Посрамлённый безбожник и натуралист» (1787 г.), «Торжество веры над неверующими и заблуждающимися» (1792 г.), «Изобличённый Вольтер» (1792 г.), «Ах, как вы глупы, господа французы» (1793 г.), «Вольтеровы заблуждения» (1793 г.). Последнюю книгу перевели студенты Воронежской духовной семинарии, она вышла под редакцией митрополита Евгения Болховитинова. В оригинале было предисловие аббата Нюота, где давался перечень религиозных заблуждений Вольтера, которые следовало опровергнуть. Но, боясь действия антирелигиозных и противощерковных идей Вольтера даже в таком виде, духовная цензура сочла за лучшее изъять этот перечень.

Литература, разоблачающая идеи Вольтера и философов-материалистов XVIII в., издавалась и в начале XIX в. В 1803 г. в Москве вышла книга «Оракул новых философов или кто такой Вольтер». В 1809 г. появилась книга «Основатели новой философии — Вольтер, Даламберт и Дидерот — энциклопедисты без маски»¹⁷.

Конфискация и сожжение сочинений Вольтера и французских философов-материалистов не могли приостановить распространение их взглядов. Сочинения Вольтера имели широкое хождение и в рукописных списках. Об этом рассказывает в «предуведомлении» к русскому изданию «Вольтеровых заблуждений» редактор книги митрополит Евгений Болховитинов. «Любезное наше отечество, — писал он, — доньше предохранялось ещё от самой вреднейшей части Вольтерова зла, и мы в скромной нашей литературе не видим ещё самых возмутительных и нечестивейших книг, но, может быть, от сего предохранены только книжные лавки наши, между тем как сокровенными путями повсюду разливается вся его зараза. Ибо письменный Вольтер становится у нас известен столько же, как и печатный»¹⁸.

Екатерина II и духовное ведомство противились и проникновению идей Ж.-Ж. Руссо. Несмотря на это, в 60-70-х годах XVIII в. на русском языке увидели свет «Новая Элоиза», «Рассуждения о начале и основании неравенства между людьми» в переводах Павла Потемкина, «Исповедание» в переводе Д. Болтина и др. Одновременно церковники издавали литературу с критикой взглядов Руссо.

Боясь распространения «революционной заразы», правительство и духовенство стали запрещать произведения Руссо наравне с произведениями Вольтера и французских философов-материалистов. Екатерина II с возмущением писала в 1791 г., что «продаются такие книги, которые против закона писаны, например "Эмилия" Руссова и много других подобных», и требовала их запрещения.

Русский перевод «Размышления о величии божьем, его промысле и человеке» был найден духовной цензурой «явно противным духу христианства и разрушающим начала христианского учения» и запрещён. «Исповедь» Руссо также была запрещена за «безнравственное определение и неудовлетворительные религиозные понятия»¹⁹.

Московский митрополит Филарет, поблагодарив бога, охраняющего Россию «от западной холеры», писал о тех, кто пропагандировал идеи французских материалистов: «Ох, эти универсальные люди! Взял бы метлу да и вымел их из св. Руси, которая так тесна и дурна для них»²⁰.

В 1868 г. цензор архимандрит Фотий подверг критике труд Вольтера «Философия истории», вышедший в том же году под редакцией В. Зайцева. Духовный цензор нашёл, что книга «содержит много противного св. писанию и вере христианской». «Автор, — писал он, — не только наводит тень сомнения на многие истины веры, но и подкапывается под самые основания их и даже дерзко глумится над ними». «За глумление над признаваемыми истинами и опровержение св. писания» издание было уничтожено²¹.

Цензор архимандрит Геласий дал крайне отрицательный отзыв о книге Д. Штрауса «Вольтер, его жизнь и сочинения», изданной на русском языке в 1871 г., особенно о её 10-й главе, в которой, по его словам, «с богохульным цинизмом осмеивались главнейшие вероучения христианской церкви». В декабре 1872 г. весь тираж — 1345 экземпляров — уничтожили, а издателя привлекли к судебной ответственности²².

В 1890 г. были запрещены «Сатирические и философские диалоги» Вольтера за «явное отрицание христианских догматов», а в 1893 г. так же сурово разделались защитники православной церкви со сборником поэтических произведений Вольтера за его «противомонархические и антирелигиозные тенденции»²³.

Цензурным запретам подвергались также произведения «корифея безбожия» Дени Дидро, одного из наиболее ярких представителей домарковского материализма и атеизма. В 1829 г. была запрещена «Неизданная переписка Гримма и Дидро и собрание писем, стихотворений и отрывков» за «неуважение к вере христианской», «ужасное безбожие», за «гнусное кощунство на счёт веры христианской и книг ветхого и нового завета».

Такая же участь постигла и «Философские беседы» Дидро и другие произведения, включённые в собрание неизданных произведений, за «изложение опасной теории материализма»²⁴.

Духовное ведомство осудило и художественные произведения Дидро, в которых он разоблачал моральное разложение католического духовенства.

В 1872 г. издатель Н. И. Поляковский издал двухтомное собрание романов и повестей Дидро, куда вошли его наиболее известные произведения. Это собрание сочинений было полностью уничтожено. Нападкам духовной цензуры особенно подверглись романы «Жан-фаталист и его барин» и «Белая птица». В первом романе, писал цензор, «ко всему, что касается религии, автор относится со злой иронией... Во всех местах, где только упоминается о священниках и монахах, они являются действующими лицами в отвратительно цинических сценах».

В романе «Белая птица» протест духовной цензуры вызвал рассказ о принце, который под видом голубя явился в женский монастырь. Монахини народили от него много маленьких духов, сохранив девственность. «Вся книга, — писал цензор, — по своему антирелигиозному характеру в высшей степени безнравственная и безбожная»²⁵.

Атеистические трактаты Гольбаха (1723-1789 гг.) сыграли огромную роль в борьбе против религиозного мракобесия. Гольбах критиковал религиозный взгляд на человека, как на подобие бога, выступал против идеализма, против бесчисленных зол, причиняемых земле «духовным и гражданским самовластием». Он писал, что от заблуждений, освящённых верой, происходят «невежества тягостные оковы». Гольбах, однако, не раскрыл социальные корни религии. Он, как и другие философы-материалисты XVIII в., рассматривал религию, как результат невежества. «Система природы» — эта «библия материализма XVIII века» считалась одной из самых страшных книг. В 1820 г. «адскую книгу», в которой автор восставал против духовного и гражданского самовластия, запретили. Сообщая, что эта книга была осуждена парижским парламентом в 1770 г. и предана огню, цензор привёл ряд «ложных и гнусных положений», которые, по его словам, высказаны в этом «ужасном» сочинении. В 1841 г. «Система природы» была опять запрещена, но это не могло помешать её распространению среди русского общества в рукописных списках. В 1898 г. цензура все ещё опасалась «адского» действия книги. «Резкий материализм, знаменующий эту

философию, отрицающий решительно существование божие и разрушающий основные начала веры, политики и нравственности», такими словами характеризовала цензура «Систему природы», требуя её уничтожения.

Резкую оценку получили и «Обеденные беседы» Гольбаха. Запретив эту книгу в 1830 г., духовная цензура отметила её «богохульство», «нечестие», наличие мест, «противных христианской нравственности, правительству и религии»²⁶.

Самодержавие и духовное ведомство враждебно относились также к идеям выдающегося философа - материалиста XVIII в. Гельвеция. Уже первые переводы на русский язык его книги «О человеке, его духовных силах и воспитания», в которой автор выступал против основ феодального порядка и феодально-религиозной идеологии, подверглись нападкам. Негодование представителей духовенства вызывал ярко выраженный в этом произведении атеизм Гельвеция. Запрещая эту книгу в 1871 г., защитники православной церкви писали: «Презрение и отвержение, с которым автор отзывается о религии и её служителях и совершенно материалистический взгляд его на воспитание... противны уставу о цензуре»²⁷.

Духовная цензура «растерзала» произведение знаменитого английского философа-материалиста Томаса Гоббса (1588-1679 гг.) «Левиафан, или о сущности, форме и власти государства». Произведение Гоббса впервые было издано в Англии. В третьей части книги, говоря об отношениях между церковью и государством, Гоббс доказывал необоснованность претензий церкви на власть, а в четвёртой части он критиковал церковь, видя в ней причину всех зол и несчастий. В 1682 г. Оксфордский университет издал декрет против вредных книг, действовавших, как было сказано в декрете, разрушительно на человеческое общество. На основании этого декрета книгу Гоббса публично сожгли.

Через 200 лет это произведение вновь было осуждено, па этот раз православной инквизицией. В 1868 г. книгу издали небольшим тиражом (600 экземпляров), но ни малый тираж, ни высокая цена (5 руб.) не спасли произведение Гоббса от расправы, учинённой синодом. «В книге, — говорилось в отзыве, — встречаются мысли и выражения, явно противные св. писанию и учению православной церкви, простирающиеся до дерзкого кощунства». По требованию синода это издание сочинения Гоббса в 1874 г. было полностью уничтожено²⁸.

3

Укрепляя власть помещиков-крепостников, Екатерина II прикрывалась модным в XVIII в. лозунгом «просвещения». По поводу этого лозунга Энгельс писал: «"Просвещение" — это был в восемнадцатом веке лозунг царизма в Европе, так же, как в девятнадцатом веке — "освобождение народов". Всякий территориальный грабёж, всякое насилие, всякое угнетение царизм производил не иначе, как под предлогом "просвещения", "либерализма", "освобождения народов"»²⁹.

Эта поборница «просвещения» вместе с духовным ведомством крайне враждебно относилась к просветительской деятельности прогрессивных мыслителей своей эпохи. Екатерина II и духовное ведомство ополчились против замечательного русского просветителя Н. И. Новикова, который, по словам В. Ключевского, «создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению».

Объединив вокруг своей типографии учёных, литераторов, студентов, переводчиков, Новиков за короткий период издал большею число книг по всем отраслям знания. Среди них были произведения Вольтера, Даламбера, Руссо. Из отечественной литературы им издан Херасков, Сумароков, Кантемир, по русской истории — 20 томов «Древней русской виблиофики», «Деяния Петра Великого» в 12 томах И. И. Голикова; по истории литературы — «Новое и полное издание русских песен», собранное Чулковым и Поповым. Особое значение Новиков придавал изданию литературы для народа, учебных пособий, детской литературы. Новиков наладил также сбыт книг. Его книги (за 1779-1792 гг. было издано 893 названия) проникали в самые глухие места России.

Книгоиздательская и просветительская деятельность Новикова вызвала подозрение и недовольство духовенства, тем более, что в некоторых книгах, изданных Новиковым, содержалась критика религиозного фанатизма и суеверий, встречались выпады против клерикализма, пропагандировались достижения передовой науки. Новиков

способствовал просвещению народа, что было ненавистно духовенству.

Протоиерей московского Архангельского собора Пётр Алексеев, известный мракобес, исповедник Пугачева и его сподвижников перед казнью, первый донёс на Новикова в 1785 г. духовнику Екатерины II Панфилову.

Когда был получен указ о проверке книг в типографии Новикова с целью выявить, «не скрывается ли в них умствований, не сходных с простыми и чистыми правилами веры православной», то цензорами и следователями назначили архимандрита московского Богоявленского монастыря Серапиона и игумена Моисея, а от гражданских властей — московского полицеймейстера Годеина.

При обыске у Новикова, несмотря на придирчивость следователей, нашли только 6 книг, подпавших под запрет, что вынужден был признать стоявший во главе следствия московский митрополит Платон Левшин. Но Алексеев не успокоился, он вторично донёс на Новикова, на этот раз прокурору Колычеву. Екатерина видела в Новикове человека враждебного ей лагеря. Она знала о его оппозиционном настроении по отношению к самодержавию.

В 1787 г. вышел указ, запрещающий светским типографиям издавать церковные книги или книги «к св. писанию, к вере, либо к толкованию закона и святости относящиеся». Из книжных лавок и типографий Новикова были изъяты десятки тысяч изданных им книг не только духовного, но и светского содержания. Но указ об аресте Новикова последовал только в 1792 г., под влиянием страха перед «французской заразой», когда разгрому подверглись все культурные начинания того времени. Формальным поводом для ареста послужило издание Новиковым книги «История об отцах и страдальцах соловецких», напечатанной церковнославянским шрифтом.

За свою антикрепостническую деятельность, за оппозиционное отношение к самодержавию, за активную просветительную деятельность Новиков был жестоко наказан. После длительного следствия его, как государственного преступника, заключили в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет, откуда он вышел только после смерти Екатерины.

Новиков, по словам академика Витберга, «положил начало новой эре цивилизации России»³⁰.

4

Французская буржуазная революция 1789 года вызвала у помещичье — дворянской верхушки панический страх. Помещики, не забывшие ещё грозных дней восстания Пугачева, боялись, что вслед за революцией во Франции начнётся новое восстание против самодержавия и помещичьего гнёта в России.

В вышедшей в это время книге А. Н. Радищева «Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву» Екатерина усмотрела «рассевание заразы французской». Она обвинила автора в том, что он «целит на французский нынешний пример развратный».

Последователь материалистических идей великого русского учёного М. В. Ломоносова Радищев защищал материалистическое мировоззрение, считая, что материя и природа существуют вечно, что их нельзя ни уничтожить, ни создать. Радищев разоблачал православную церковь, видя в ней союзницу самодержавия в угнетении народа.

Реакционную роль православной церкви Радищев заклеил в своей оде «Вольность»;

Власть царска веру охраняет, Власть царску вера утверждает, Союзно общество гнетут. Одно сковать рассудок тщится, Другое волю стереть стремится «На пользу общую», — рекут³¹.

Радищев отстаивал единство души и тела и, критикуя религиозное представление о бессмертии души, подрывал основу церковной идеологии. Книга Радищева «Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву» была направлена против царского деспотизма и церкви, против религиозных суеверий. Екатерина осудила идеи Радищева как «противные закону божьему, десяти заповедям, св. писанию, православию и гражданскому закону».

Видя в Радищеве «бунтовщика хуже Пугачева», Екатерина приговорила его к смертной казни, которую заменили «десятилетним безысходным пребыванием» в Сибири. Из ссылки Радищев вернулся в 1797 г., после смерти Екатерины. Книга Радищева долгие

годы находилась под запретом. Ещё в 1836 г. А. С. Пушкин подготовил статью о Радищеве для журнала «Современник», но эту статью не пропустили. «Нахожу неудобным и совершенно излишним, — писал министр просвещения Уваров, — возобновлять память о писателе и о книге, совершенно забытых и достойных забвения»³².

В 1872 г. бессмертное произведение Радищева было включено в двухтомное собрание его сочинении, подготовленное П. А. Ефремовым, но оно было сожжено. В 1903 г. «Путешествие» издали отдельной книгой, но и на этот раз оно было задержано цензурой. По отзыву защитников православия, «Путешествие» «подрывало авторитет и право власти светской и духовной и даже осуждало деятельность вселенских соборов»³³.

5

В 1788 г. внимание духовного ведомства привлекла книга Ф. В. Кречетова «О всех и за вся». Петербургский митрополит Гавриил, ознакомившись с этой книгой, написал на автора донос за то, что он «кощунственно» привёл в названии книги слова, употребляемые церковью во время совершения богослужения.

Просветитель-вольнодумец Ф. В. Кречетов по своим взглядам был близок к Радищеву. В основанном им просветительном обществе Кречетов высказывался за отмену крепостного права и привилегий дворянства, об ограничении самодержавия. Наряду с этим он говорил о необходимости отмены привилегий высшего русского духовенства. По доносу митрополита Гавриила против Кречетова возбудили судебное следствие — его обвинили в «богохульном» толковании евангелия. Книгу Кречетова уничтожили, а автору запретили заниматься литературной деятельностью.

В апреле 1798 г. по доносу одного из членов основанного Кречетовым просветительного общества против него было возбуждено новое следственное дело. Кречетова обвинили в том, что он «чинил великую противность к святым церквам, яко идолослужение производящее», всех православных называл «идолопоклонниками», а митрополита Гавриила — «великим президентом и плутом» и угрожал, что народ расправится с ним так, как он расправился в 1771 г. с московским митрополитом Амвросием Каменским, т.е. убьёт его. В обвинении говорилось, что Кречетов неуважительно отзывался о православной церкви. «Я в церковь не хожу, — говорил он, — для того, что поминают в оной синод, да шелудяка-архиереишку, да в церкви-то болтает попишка и сам не знает что». Кречетов крайне резко отзывался о православном духовенстве: «Мерзкое духовенство в храмах лицемерит и льстит, из пышных слов составляя поучения, а потом, глядя усы и брови, отходит в свои кельи и там упивается в роскоши и изобилии своего богатства, взятого от пота и крови ближнего».

Кречетов считал необходимым условием для развития просвещения народа освобождение его от влияния церкви. «В скором бы времени, — писал он, — все пустосвяты оставили бы в церквах все пустобаранное проповедание..., тогда бы все архиереи, воры и лицемеры, все духовные святоши и государственные тунеядцы исчезли бы».

За критику самодержавия и «непристойное отношение к православной церкви» Кречетов был заключён в 1793 г. в Петропавловскую крепость. В следующем году его перевели для «наикрепчайшего содержания» в Шлиссельбургскую крепость, где он находился до 1801 г.³⁴

6

Цензурный устав 1826 года, изданный в период жесточайшей реакции, наступившей после подавления восстания декабристов, за свою суровость был прозван «чугунным». Цензуре ставилась задача: «ограждение святыни, престола, поставленных от него властей». Запрещались сочинения, в которых «отвергалась или ослаблялась непреложная достоверность православия или нарушалось должное уважение к учению, постановлениям, преданиям и обрядам». Категорически запрещались книги, в которых не было «надлежащего уважения к иерархии церковной, к местам и лицам, её составляющим». Цензурный устав требовал, чтобы в литературных произведениях не пропускалось ничего, «стремящегося поколебать правила христианской нравственности

или умалить должное к христианским добродетелям благоволение», что «порицало или опровергало правила христианского воспитания и образования». Научные исследования во всех областях знания считались «бесплодными и пагубными умствованиями новейшего времени». Книги по естествознанию и медицине, как «произвольные и бесполезные отступления», объявили вне закона.

Хотя в 1828 г. цензурный устав был несколько изменён, но общий дух его, враждебный просвещению и науке, сохранился. Теми же реакционными идеями был пронизан устав духовной цензуры, утверждённый в 1828 г. и действовавший без изменений вплоть до 1917 г. В сочинениях прежде всего искали «богохульные и дерзкие извращения вольнодумцев», мысли, «пахнувшие вольностью и неуважением к власти, от бога установленной». Духовная цензура подходила к сочинениям не только с чисто церковных позиций, но и с точки зрения «государственных правил» — выискивала в них места, «неблагоприятные гражданскому правительству». Защищая православие, духовное ведомство неразрывно связывало его с самодержавием, т.е. поступало так же, как и светская цензура при просмотре представленных ей сочинений.

Новый устав был признан «для сочинителей и переводчиков очень тесным». Известный литератор и критик А. В. Никитенко, оценивая устав и цензурную практику, писал в 1830 г.: «Над нами тяготеет унылый дух притеснения...»³⁵.

Служкой за авторами и поисками в произведениях выражений, направленных против бога и церкви, занимались не только светские и духовные инквизиторы, но также сыщики III отделения и продажные журналисты. Об одном таком сыщике, «старинном литераторе», «преданном церкви и престолу», «Борьке Фёдорове», у которого было 7 корзин с выписками из журнала «Отечественные записки» «противу бога, противу христианства, противу нравственности», с похвалой сообщили шефу жандармов.

Тип цензора-инквизитора, боровшегося против народного просвещения и науки, увековечен Пушкиным:

... Глупец и трус, что делаешь ты с нами? Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами; Не понимая нас, мараешь и дерёшь; Ты черным белое по прихоти зовёшь, Сатиру — пасквилом, поэзию — развратом, Глас правды мятежом, Куницына Маратом. Решил, а там поди, хоть на тебя проси. Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси, Благодаря тебя, не видим книг доселе?

В период жесточайшей правительственной реакции 1848-1855 гг., названных «страшным семилетием», цензурный террор достиг невероятных размеров. По словам А. В. Никитенко, цензура «приняла характер столь одиозный, столь исключительно запретительный, что всякое благонамеренное движение в науке, в литературе, в обществе стало не только затруднительным, но почти невозможным». Помимо цензурных органов, было организовано ещё «око царёво», секретный цензурный комитет, во главе которого поставили «палача науки», «фанатика ярого» Бутурлина,

который, не жалея груди, беснуясь, повторял одно: «Закройте университеты, И будет зло пресечено». (Некрасов)

Д. Бутурлин, осуществляя политику самодержавия, по словам литературного критика П. В. Анненкова, «с ненавистью относился к слову, мысли о свободе, проповедовал безграничное послушание, молчание, дисциплину». Этот мракобес даже в евангелии искал революционный дух. «Не будь евангелие так распространено, — говорил он, — то его бы следовало запретить за демократический дух, им распространяемый»³⁶. Руководимый Бутурлиным секретный цензурный комитет осуществлял «высший в нравственном и политическом отношении надзор за духом и направлением книгопечатания». В книгах выискивалось прежде всего то, что, по мнению защитников православия, подрывало авторитет церкви. Например, в учебнике истории Смарагова исключили места о Магомете и основанной им религии, так как, по словам цензора, Магомет был «негодяй и основатель ложной религии».

Для усиления инквизиторской деятельности в цензурные комитеты назначали опытных душителей мысли, профессоров духовных академий. Так, профессора Московской духовной академии Н. П. Гилярова-Платонова, занимавшего в академии кафедру по изучению ересей и раскола, перевели в московский цензурный комитет. Его деятельность в цензурном комитете была настолько реакционна, что современники

обвиняли его в религиозном фанатизме и называли инквизитором³⁷.

В качестве постоянного представителя в главное управление по делам печати входил обер-прокурор синода. По настоянию синода был организован ещё особый секретный комитет духовной цензуры, которому для расправы с просвещением были предоставлены такие же широкие полномочия, как и бутурлинскому застенку.

Влияние духовной цензуры распространялось на все стороны политической и культурной жизни. Зная придирчивость духовной цензуры, светские цензоры старались согласовать с ней свои отзывы во избежание обвинений в «нецерковности». Через духовную цензуру проходили такие, например, книги, как «Обстоятельные замечания об узнавании по барометру качества и перемен воздуха», «Руководство к сельскому хозяйству», «Опыт исследований душевных болезней» и т. п.

Светские цензоры нередко сами страдали от обвинений духовных инквизиторов. Зная, что духовное ведомство враждебно настроено к науке и просвещению и что ему легко обвинить автора любой книги в материализме и ниспровержении религии, цензор Волков в своём отзыве о необходимости изменения цензурного устава писал: «Материализм основывается в своих выводах на науке, религия исключительно на вере. Спрашивается, можно ли допускать к печати трактаты о материализме? Придерживаясь буквы закона — нельзя, потому что может поколебать веру. Следовательно, все трактаты, основанные на опыте и наблюдении, должны быть запрещены. Если же пропустить, то духовное лицо может возбудить бурю, доказывая, что эта статья атеистическая, подрывающая авторитет православной церкви»³⁸.

7

В 50-х годах XIX в. большое развитие получило изучение русского языка, народного творчества, появились замечательные работы Ф. Буслаева, А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, И. И. Срезневского, публиковались исторические акты, извлечённые из древних хранилищ.

Духовное ведомство не поощряло, однако, учёных, стремившихся использовать ценные исторические материалы, хранившиеся в монастырях и церковных библиотеках. Известный русский учёный П. М. Строев проделал огромную работу по выявлению и описанию рукописей, старинных исторических актов. Его экспедиции были предоставлены широкие полномочия, но синод не только не оказывал помощи Строеву в этом большом и ценном начинании, но, напротив, чинил ему препятствия, он отказал ему в выдаче открытого листа для свободного посещения монастырей и церквей и занятий в них. В связи с этим Строев писал: «Отказ синода в даче открытого листа весьма меня огорчил и обескуражил: я теперь совершенно во власти отцов настоятелей... Как объяснить доводы синода?... Доступ к иному хранилищу старины был для меня многократно труднее и продолжительнее, чем разбор скрывающихся там документов»³⁹.

Несмотря на препятствия, чинившиеся синодом и церковниками, экспедиции Строева удалось собрать исторический материал огромной ценности. При издании исторических актов многие из них, однако, были задержаны синодом за «отступления от настоящего», за обнаруженный в документах «строптивый дух против поставленной власти». Синод не разрешил напечатать грамоту патриарха Никона на имя константинопольского архимандрита Дионисия «за резкие и оскорбительные отзывы о царе Алексее Михайловиче». Запретили и издание документов, в которых духовенство изобличалось в невежестве и пороках, за «разные на духовенство доносы»⁴⁰.

Такая же судьба постигла старинные акты Рязанского края, собранные археографом Пискаревым. Многие из актов, включённых в это собрание, были исключены, так как они, по заключению духовной цензуры, «никого не назидая, никого не просвещая, очень многих людей могут ввести в соблазн или подать им случай к порицанию высокого сана»⁴¹.

Церковники скрывали от учёных народные сокровища, оказавшиеся в церковных хранилищах, пытались не допустить их в научный оборот под тем предлогом, что этими материалами должны заниматься одни церковники во избежание «соблазна и лжеучения».

Капитальный труд профессора К. А. Неволина «История российских гражданских

законов», изданный в 1851 г., вызвал нападки духовного ведомства за использование в нём без разрешения синода выписок из синодских актов.

В истории просвещения провинциальной России не малую роль сыграли различные «Губернские ведомости», выходившие с 1837 г. В неофициальной части этих «Ведомостей» систематически помещались статьи по географии, этнографии, истории той или иной губернии. В «Губернских ведомостях» сотрудничали прогрессивные деятели. За содержанием «Губернских ведомостей» зорко следили церковники и немедленно принимали соответствующие меры, если находили что-либо противное православию и религии.

Так, в «Курских губернских ведомостях» в 1850 г. была помещена статья В. Гутцейта «Об ископаемых Курской губернии», в которой цензура усмотрела взгляды, несовместимые с библейскими мифами о происхождении мира. «Нельзя не обратить внимание, — писал цензор, — что в ней мироздание и образование нашей планеты и само появление на свет человека изображаются и объясняются по понятиям некоторых геологов, вовсе не согласных с космогонией Моисея в его книге Бытия»⁴².

В «Саратовских губернских ведомостях» в 1854 г. был помещён собранный в губернии местный фольклор. В опубликованных песнях церковники, однако, нашли «колебание нравственности». За пропуск песен саратовскому губернатору объявили выговор, а директора гимназии, ответственного за издание газеты, посадили на 1 месяц на гауптвахту⁴³.

Аналогичный фольклорный материал, напечатанный в «Курских губернских ведомостях», был найден «легкомысленным и превратным суждением о предметах священных». Объявляя редактору выговор за помещение такого материала, министерство народного просвещения указывало: «Нет никакой пользы сохранять в народе эти присловья через печать»⁴⁴.

Учитель Могилевской духовной семинарии Соколов поместил в «Губернских ведомостях» статью, посвящённую истории местного края. Духовная цензура нашла в статье «места и выражения..., противные сближению края с коренной Россией», т.е. против проводимой русификации, и автор за свою «неосмотрительность» был подвергнут наказанию⁴⁵.

Духовное ведомство выразило недовольство и в связи с использованием материалов русского фольклора в известном труде Колачева «Архив историко-юридических сведений». В изданном по этому поводу циркуляре было запрещено издавать «поговорки и волшебные заклятия, как остатки вредных суеверий», не только в периодических журналах, но «даже в сборниках и книгах с учёной целью», так как они, по словам автора циркуляра, дают «повод к легкомысленному или превратному суждению о предметах священных»⁴⁶. По тем же мотивам был осуждён известный труд Ф. Буслаева «Русские пословицы и поговорки», вышедший в 1854 г.

Много огорчений причинила духовная цензура известному русскому учёному, лексикографу и этнографу В. И. Далю. Уже первый сборник его «Сказок» был запрещён в 1833 г. по доносу продажного писаки Ф. Булгарина, а автор заключён в тюрьму III отделения, откуда он вышел по ходатайству В. А. Жуковского.

В 1853 г. Академией наук был принят к изданию составленный В. Далем монументальный труд «Сборник русских пословиц». Этот труд, как и другие работы Даля, не потерял своего значения и в настоящее время. Протоиерей же Кочетов, рассматривавший по поручению духовной цензуры труд Даля, обнаружил в нём места, «способные оскорбить религиозное чувство читателей, опасные для нравственности народной». «Академия наук, — писал духовный инквизитор, — издать этот сборник не имеет ни возможности, ни приличия, ни даже безопасности». Такой же отрицательный отзыв о замечательном труде Даля дал другой ревнитель церковного благочестия, профессор Востоков, который нашёл в нём пословицы, «оскорбительные для святыни». Издание сборника не было разрешено даже для научного использования.

Глубоко оскорблённый таким отношением к нему духовной цензуры В. И. Даль писал своему покровителю великому князю Константину Николаевичу: «Точка зрения и самые убеждения бывают не одинаковы. Так, напр., можно взять два огромных тома и, перелистывая их, отыскать предлог и повод к порицанию; и можно взять эти же томы и

сказать: "вот огромный, небывалый запас для изучения русского языка, народной мудрости". Я не вижу, каким образом можно вменить человеку в преступление, что он собрал и записал, сколько мог собрать, различные народные изречения, а между тем эти отзывы отзываются каким - то приговором преступнику»⁴⁷.

Труд Даля пролежал в рукописи свыше 10 лет и лишь в 1863 г. увидел свет.

В 1860 г. была напечатана вторым изданием книга известного русского учёного А. Н. Афанасьева «Русские народные легенды». В этой книге автор собрал богатейший материал по русскому фольклору. Труд Афанасьева обратил на себя внимание московского митрополита Филарета. В легендах, собранных Афанасьевым, он нашёл «кощунство и безнравственность». По настоянию Филарета книга Афанасьева была передана в духовную цензуру, которая, конечно, дала о ней отзыв, желательный Филарету. Другой духовный цензор этой книги, петербургский митрополит Григорий, ругая автора, говорил, что «книга собрана человеком, забывшим действие совести, и издана раскольником» (имелся в виду известный издатель Солдатенко. — Е. Г.). В связи с отзывами церковных инквизиторов Афанасьев писал, что в народных легендах он находит в «миллион раз больше нравственности, чем в проповедях школьной риторики».

Весь тираж книги Афанасьева свезли в кладовую московского цензурного комитета, где он пролежал до 1866 г. В мае 1866 г. книга была уничтожена⁴⁸.

8

Так же нетерпимо относилось духовное ведомство к историческим работам иностранных учёных. И в этих книгах охранители православия находили материалы, направленные против религии и церкви.

В 1872 г. внимание духовной цензуры привлекла вышедшая в русском издании «История нравственности в Европе от Августа до Карла Великого» Уильяма Лекки, автора восьмитомной «Истории Англии в XVIII веке». Архимандрит Арсений, которому было поручено дать отзыв об этой книге, нашёл в ней «кощунственные рассуждения о религиозных предметах и непозволительные суждения об отношении между верховной властью и подданными». Духовная цензура, обвинив автора в «опровержении догматов веры православной», уничтожила книгу Лекки, изданную тиражом в 2 тыс. экземпляров⁴⁹.

Такая же участь постигла и исторический труд другого известного английского учёного Георга Финлея «Византийская история с 716 по 1453 год», изданный в Москве в 1878 г. Финлей, участник национально-освободительной войны греческого народа против турецкого ига, написал книгу «История греческой революции», в которой сочувственно отзывался о борьбе греческого народа за независимость. Прогрессивные взгляды Финлея усилили подозрительность цензуры к вышедшей на русском языке его книге. В ней были найдены «мысли, направленные против некоторых учений православной церкви и, сверх того, против неприкосновенности верховной власти», «пренебрежительные отзывы об иконах, о пророчествах, чудесах». Главу, посвящённую иконоборству, духовная цензура сочла за прямой выпад против православной церкви.

В Комитете министров, где рассматривался вопрос о книге Финлея, высказывалось мнение, что запрещение этой книги может поставить самодержавие в смешное положение перед общественным мнением Западной Европы, но спор решил Александр II, «начертавший» на проекте решения Комитета министров слова: «исполнить по мнению меньшинства». Книга Финлея была признана враждебной учению православной церкви, а такие книги, как сказано в решении, «не должны пропускаться, так как православная церковь составляет надёжную опору нашего государства».

В марте 1879 г. все 580 экземпляров крамольного труда Финлея были уничтожены⁵⁰.

Духовное ведомство расправлялось также с исследованиями из истории литературы, если в них обнаруживались идеи, направленные против религии и церкви. В 1874 г. духовная цензура обрушилась на вышедшую в русском переводе книгу Германа Гетнера «История всеобщей литературы XVIII века». Автор, немецкий буржуазный историк, в молодости был последователем материалистических идей Фейербаха, затем перешёл в лагерь консерваторов. В книге Гетнера духовные цензоры обнаружили «вредную тенденциозность», «дерзкие нападки на основы христианской религии и

нравственности». Автора обвинили в том, что он излагал мысли французских философов XVIII в. «без серьёзного опровержения». Весь тираж книги (12 тыс. экземпляров) был сожжён⁵¹.

9

Напуганное назревшим революционным кризисом правительство было вынуждено отступить от политики неприкрытой реакции и прибегнуть к политике «кнута и пряника». В апреле 1865 г. был пересмотрен цензурный устав, отменена предварительная цензура для части книг, из предупредительной цензура превратилась в карательную. По отношению к издателю книги, признанной вредной, возбуждалось судебное преследование. Но практика первых лет действия нового закона показала, что преследование книги судом — дело ненадёжное, судебный процесс привлекал к книге внимание, что было крайне нежелательно для самодержавия.

В 1872 г. вышел новый закон, по которому уничтожение книг, признанных вредными, производилось без суда и следствия, административным порядком.

Закон от 6 апреля 1865 г. не коснулся духовной цензуры, она продолжала действовать по уставу 1828 года. Предварительному рассмотрению духовной цензуры подлежали прежде всего книги церковного характера. Но и в новом законе имелась статья, по которой любое сочинение, содержащее места духовного характера, должно было передаваться на разрешение в духовную цензуру. Редакция закона давала возможность широко толковать эту статью, чем и пользовалось духовное ведомство в борьбе против науки.

Даже синод вынужден был признать в 1871 г., что духовная цензура оставляет «широкий простор для произвола», что деятельность духовных цензоров встречает осуждение, в результате чего общество неприязненно относится не только к духовной цензуре, но и духовной власти. Однако все оставалось по-старому, и через «кольцо духовной цензуры, — как выразился один церковник, — протискивалась вся литература».

В 60-х годах XIX в. передовые русские учёные выступали против идеалистических взглядов в естествознании и философии, защищали материализм.

Распространение материалистических идей вызывало серьёзное беспокойство правительства и духовного ведомства, опасавшихся, что развитие естествознания может подорвать основу христианской идеологии — веру в бессмертие души. В секретной инструкции цензорам от 23 августа 1865 г. предлагалось «обращать внимание на то, чтобы под фирмой учёных статей и трактатов не скрывалась недозволенная пропаганда атеизма, социализма, материализма»⁵².

Книга замечательного русского учёного И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» появилась в разгар острой борьбы церковников с распространением материалистических идей в естествознании. Направленная против религиозно-мистического представления о человеке и его деятельности книга Сеченова была встречена как вызов официальному мировоззрению, основанному на религии. Первоначально труд Сеченова носил название: «Попытки свести способ происхождения психических явлений на физиологическую основу». Предполагалось напечатать его в боевом органе революционных демократов — «Современнике», но ввиду большой популярности журнала и его материалистического направления поместить труд в «Современнике» не было разрешено. Труд Сеченова по предложению цензуры был опубликован в 1864 г. в малоизвестном журнале «Медицинский вестник».

В 1866 г. 3 тыс. экземпляров книги И. М. Сеченова под заглавием «Рефлексы головного мозга» были отпечатаны без предварительной цензуры. Через 3 дня после представления её в цензуру на книгу наложили арест. «Эта материалистическая книга, — отмечал цензор, — отвергла свободную волю и бессмертие души, не согласна ни с христианским, ни с уголовно-юридическим воззрением и ведёт положительно к развращению нравов... Книга Сеченова вредна, как изложение самых крайних материалистических теорий».

Учение Сеченова разоблачало религиозное представление о человеке и подрывало основы господствовавших религиозных взглядов. Дешевизна книги и популярное изложение делало её в глазах цензуры особенно опасной, так как она была доступна

для широких масс народа, а этого особенно боялось правительство.

Несмотря на крайне резкую оценку книги защитниками православия, судебное ведомство все же не решилось затеять гласный процесс против её автора и издателя. «Гласное развитие материалистических теорий при судебном производстве этого дела, — говорилось в отзыве министерства юстиции, — может иметь последствием распространению этих теорий в обществе вследствие возбуждения особого интереса к содержанию этой книги».

Чтобы не привлекать внимание общества к книге Сеченова, ведомство было вынуждено снять с неё арест⁵³. Но книга продолжала оставаться «неизмеримо вредного направления», и ещё в 1894 г. она числилась в списках книг, запрещённых для хранения в библиотеках. Автора считали политически неблагонадёжным, ему даже не разрешалось читать лекции в воскресных школах.

Труд И. М. Сеченова сыграл большую роль в борьбе передовых учёных и философов за материалистическую разработку сущности психических процессов, он нанёс смертельный удар по идеалистической теории бессмертия человеческой души. Поэтому церковники ополчились на автора этого замечательного труда. Петербургский митрополит Исидор просил синод сослать Сеченова «для смирения и исправления» в Соловецкий монастырь «за предерзостное душепагубное и вредоносное учение»⁵⁴. В богословских журналах печатались статьи с злобной критикой материалистических идей Сеченова. Такова, например, статья Остроумова «О физиологическом методе в психологии», помещённая в богословском журнале «Вера и разум» в 1888 г., статья киевского архимандрита Бориса «О невозможности чисто физиологического объяснения душевной жизни», опубликованная в том же журнале в 1890 г. В. Певницкий в статье «Пастырские заметки относительно борьбы с материализмом», помещённой в «Трудах Киевской духовной академии» в 1869 г., выступал против теории Сеченова и отрицания бессмертия души, против науки, которая, по его словам, «разрушает основания всякой религиозной жизни и всякого верования»⁵⁵.

10

Духовное ведомство враждебно относилось к передовой русской журналистике, особенно к журналу «Современник», со страниц которого, по словам Ленина, звучала «могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров...»⁵⁶.

Журнал «Современник», воплотивший в себе передовые традиции русской революционной демократии, привлёк внимание церковников своей проповедью материалистических идей, антицерковным характером напечатанных материалов. Составляя перечень «предосудительных» статей, помещённых в журнале «Современник», цензура отметила ряд статей, «оскорбительных для обыкновенного религиозного настроения духа», проповедующих «религиозное отрицание и материализм». К таким статьям, помимо ранее опубликованных, были отнесены: «Суемудрие дня» М. А. Антоновича, в которой, по словам цензора, сквозит «неуважительное отношение к православию и вообще к христианской религии»; рассказ Глеба Успенского «Деревенские встречи», в котором обнаружено «кощунство над св. писанием, верой в будущую жизнь и оскорбление священнического звания»⁵⁷.

Особенно резким нападкам подвергся «Современник» за статью великого революционного демократа Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», помещённую в 4-5-й книжке журнала за 1860 г. В этой статье Н. Г. Чернышевский, дав стройную материалистическую теорию научного мировоззрения, открыто выступил против церковной идеологии, которой отравлялись народные массы.

Органы политического сыска и церковники во главе с московским митрополитом Филаретом неоднократно подчёркивали, что «Современник» проповедует «материализм в общедоступной форме, вызывает у читателя охлаждение к вере», помещает «сочувственные отзывы о ниспровержении алтарей и престолов», допускает «насмешки над уважением к религии».

Так же нетерпимо относились церковники к другому журналу революционных демократов — «Русское слово», в котором активно сотрудничал Д. И. Писарев. В статье Писарева «Исторические идеи О. Конта» церковники увидели «стремление поколебать

авторитет православной церкви».

В период усиления террора и разгула реакции правительство закрыло «Современник» и «Русское слово», лишив русское общество боевых органов печати. Одной из причин закрытия этих журналов была пропаганда ими материализма и критика религиозной идеологии.

В период реакции 80-х годов XIX в., когда печать, по словам вдохновителя реакции К. П. Победоносцева, рассматривалась как зло, которое необходимо «обуздать», были запрещены многие периодические издания. Так, особое совещание, в котором принимал активное участие этот обер-прокурор, подвергло репрессиям журнал «Слово» за помещённые в нём статьи антирелигиозного и антицерковного характера. Нападки цензуры вызвала статья «Вольтер», где была усмотрена «явная враждебность не только христианству, но и вообще всякому богочитанию». На статью «Диалектика и её применение в науке» цензура обрушилась за «отрицание общечеловеческой морали». Особенное негодование духовенства вызвала статья, в которой давалась положительная характеристика гонимым православным ведомством сектам. Здесь цензура усмотрела «восхваление» сект, идущих против официальной церкви. В 1881 г. журнал «Слово», подозревавшийся в связях с революционными организациями, за пропаганду материалистических и революционных идей, за враждебное отношение к религии и православию был закрыт⁵⁸.

Обер-прокурор синода К. Победоносцев оказывал большое влияние на гражданское цензурное ведомство. Стоявший во главе ведомства Е. Феоктистов, этот, по выражению Салтыкова-Щедрина, «холоп Каткова», злейший враг даже умеренной печати, был очень близок к Победоносцеву и в течение 13 лет ведал цензурой под непосредственным его руководством. Во всех случаях, когда к тому был малейший повод, поступившие в светскую цензуру книги передавали на рассмотрение духовной цензуры, а та уже выносила удобное обер-прокурору решение. Современники говорили, что передача книги в духовную цензуру означала её погребение.

11

Атеистическая пропаганда в России преследовалась по закону. 173 статья XV тома свода законов гласила, что если кто в публичном месте или собрании «дерзнет с умыслом порицать христианскую веру, или православную церковь, или ругаться над священным писанием или св. таинствами, тот подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу».

Цензурные уставы не допускали нарушения должного уважения к учению и обрядам православной церкви. Неприкосновенность её, как господствующей церкви, защищалась наравне с неприкосновенностью царской власти.

Закон этот на практике применялся очень широко, и малейшая критика христианской религии, особенно православной церкви, вызывала град репрессий по отношению к книгам, их авторам и издателям.

В связи с канонизацией в 1861 г. Тихона Задонского (он был объявлен святым для отвлечения крестьян от выступлений против ограбления их помещиками во время крестьянской реформы) была издана массовым тиражом «житийная» литература, посвящённая новому святому. Однако в «Житии Тихона», где он прославлялся как крестьянский святой, было найдено «неправильное толкование мыслей и даже неблаговидные намёки и суждения». В «Житии» рассказывалось, что Тихон заступался за крепостных крестьян. Такое поведение святого было найдено «неправославным». Календарь с житием нового святого изъяли.

В 1865 г. газета «Голос», редактором которой был А. А. Краевский, поместила статью «Неразумные ревнители православия». В ней сообщалось о нетерпимости православного духовенства к раскольникам, о фактах грубейшего произвола и надругательства над ними.

Хотя факты гонений на раскольников подтвердились, Краевского за критику методов насаждения православия обвинили в распространении ложных слухов о преследовании раскольников и приговорили к заключению в военной тюрьме на 2 месяца⁵⁹.

В 1866 г. было возбуждено судебное преследование против Ф. Павленкова за издание им сочинений Д. И. Писарева.

В статье «Русский Дон-Кихот», вошедшей во 2-й том сочинений, Писарев критиковал литературную деятельность московского славянофила Киреевского.

Славянофилы выступали в защиту православной церкви, проповедовали «религиозное обновление мира», защищали крепостные порядки и призывали крестьян к «православному смиренномудрию». Критикуя славянофилов, Писарев называл Киреевского «самым мрачным и вредным обскурантом», зло высмеивая реакционные взгляды его в области просвещения. Киреевский считал, что в основу просвещения должны быть положены «истины христианской церкви», что такие науки, как философия, история и политика, должны «освещаться светом религиозной веры» и что русская интеллигенция для борьбы с материализмом должна обратиться к «разуму св. отцов», к «чистым источникам веры».

Высмеивая взгляды этого хранителя церковного благочестия, Писарев писал, что православные верования, которые защищает Киреевский, «не что иное, как замысловатое мирозерцание, допотопные идеи, сказки нянюшек». Д. Писарев восставал против уступок религии, против попыток «мирить разум с нелепостью».

В другой статье «Бедная русская мысль», вошедшей в тот же том, Писарев разоблачал реакционную деятельность правительства, подавлявшего все прогрессивное и препятствовавшего просвещению народа. В своей обвинительной речи, требуя для издателя Павленкова сурового наказания, прокурор Тизенгаузен восклицал: «И где все это проповедуется?... В христианской стране, исповедующей православие, как первенствующую и господствующую религию, верховный защитник и хранитель догматов которой — император!».

Дело Писарева рассматривалось в судебных инстанциях в течение трёх лет. По приговору суда книгу уничтожили.

Внимание цензуры привлёк и 2-й том сочинений Д. И. Писарева, в котором были помещены статьи «Процесс жизни» и «Физиологические эскизы». За материалистические взгляды автора, за пренебрежительное отношение к христианскому мировоззрению, за глумление над аскетизмом на книгу наложили арест. Популярное изложение книги делало её в глазах цензоров особенно опасной, так как она была доступна, по их словам, «для молодого или малообразованного читателя».

Около года судебные органы решали вопрос — можно ли привлечь автора и издателя за «богохуление, порицание христианской веры», т.е. по ст. 181 уголовного уложения, наказывавшей лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение в отдалённые места Сибири. Наконец, решено было, ввиду сомнения в исходе судебного дела, издателя к ответственности не привлекать, а с книги снять арест⁶⁰.

В 1879 г. типография Академии наук отпечатала 5000 экземпляров «Общедоступного календаря», который также обратил на себя внимание бдительных духовных цензоров. В календаре была помещена статья о монастырских доходах, не приносящих пользы, а также статья «Черт и ведьма», в которой рассказывалось о дикой расправе средневековой инквизиции с мнимыми колдунами и ведьмами.

Духовная цензура не дала в обиду католическую инквизицию и сочла «неприличным» разоблачение монастырских тайн. По представлению цензуры Комитет министров, единогласно решив, что календарь принесёт «огромный и ниспровержимый вред», велел уничтожить его⁶¹.

12

Выдающийся представитель русского материализма Л. И. Герцен вёл непримиримую борьбу против православной церкви. В гневных и страстных словах он разоблачал её реакционную роль, защиту ею самодержавия и помещиков, враждебное отношение к просвещению народа. Клеймя церковников, выступавших против науки, Герцен писал: «На каком основании мы... будем смиренно молчать..., когда выживший из ума монах выползает из сырой кельи своей для того, чтобы мешать науке..., когда духовенство заговорило против популяризации науки?... Пусть живые мертвецы держатся сообразно своему чину и молчат, тогда и мы будем молчать... Но всякий раз, когда архипастырский жезл ударит по живому мясу нашей начинающей свободы, как полицейская палка, мы закричим»⁶².

Сочинения Герцена были в России под запретом. Ещё в 1848 г. поступил донос, в

котором указывалось, что в напечатанных в «Отечественных записках» очерках «Дилетантизм в науке», автором проповедовался «материализм и политические мнения». По распоряжению Николая I все номера журнала с этим произведением Герцена были скуплены и сожжены.

В 1893 г. предприняли попытку издать в России произведения Герцена, но из 4000 страниц его произведений цензура запретила более 3000 за «умеренный атеизм и социалистические идеи»⁶³.

Произведения Герцена, в которых он выступал против самодержавия и церкви, распространялись в России, несмотря на все политические рогатки. Для борьбы с идеями Герцена, особенно с критикой им православия, церковным ведомством выпускались грязные книжонки, содержавшие гнусные выпады по адресу Герцена.

В 1859 г. по поручению петербургского митрополита Григория самым свирепым цензором николаевского времени Н. Елагиным была издана книжонка «Искандер — Герцен», направленная против Герцена и разоблачения им политического союза православия с самодержавием. Митрополит Григорий сам правил корректуру этой грязной книжонки, в которой Герцена называли «богоотступником», «врагом христианской веры», «противником православия», «беглецом».

Ознакомившись с этим «произведением», Герцен назвал его «сквернословием синодальных писателей и семинарских риториков старшего порядка». Он писал по поводу этого пасквиля: «Достаньте прочесть ругательную книгу на меня, напечатанную по внушению св. синода каким-то синодчиком обер-секретарём. Она вышла в Берлине под заглавием "Искандер — Герцен". Вы животики надорвёте: и вор-то я, и разбойник»⁶⁴.

Пасквиль «синодчиков» успеха не имел. Русские читатели отлично поняли, какие цели преследовал митрополит Григорий, способствуя изданию грязной книжонки, направленной против Герцена.

13

В 1866 г., в период массовых репрессий после каракозовского выстрела, много толков вызвала книга Н. В. Соколова «Отщепенцы». Н. В. Соколов (1832-1889 гг.) окончил Академию генерального штаба, дважды выезжал за границу, где встречался с Л. И. Герценом. В 1861 г. он сблизился с кружком оппозиционно настроенных офицеров, принимал активное участие в журнале революционных демократов «Русское слово». О роли Соколова в этом журнале Д. И. Писарев писал редактору Благовестову: «Что касается идей, то сам Соколов не только постоянно вместе с нами, но даже часто идёт впереди нас и прокладывает дорогу»⁶⁵.

Книга Н. В. Соколова «Отщепенцы» подверглась немедленному аресту. По словам цензора, автор проводил в ней мысль о том, что христианство было орудием и пособником всевозможных преступлений. Цензор писал, что книга представляла собой «сборник неистовых памфлетов, который едва ли имеет что-либо подобное в русской печатной литературе». Дело об издании книги Соколова «Отщепенцы» слушалось в июле 1867 г. в уголовном департаменте петербургской судебной палаты при закрытых дверях. Автору предъявили обвинение в том, что он допустил «порицание христианской веры, а нераздельно с ней и церкви православной», что он «оспаривал неприкосновенность верховной власти». По приговору суда Соколова заключили в крепость на 1 год и 4 месяца, а его книгу уничтожили. После отбытия наказания Соколова сослали в Архангельскую губернию. В 1872 г. он бежал из ссылки за границу, где и умер в 1889 г.

Книга Н. В. Соколова «Отщепенцы» была издана в Цюрихе в 1872 г. Боевой революционный и атеистический дух этой книги создал ей большую славу, она получила широкое распространение в России 70-х годов XIX в.⁶⁶

С непримиримой враждебностью относились церковники к попыткам ознакомить русское общество с произведениями западных богословов и учёных, критиковавших христианские догматы и объявлявших мифом евангельские сказания. Произведения Д. Штрауса, Э. Ренана и других критиков ортодоксального богословия подвергались осуждению и решительному запрещению. Книга немецкого богослова Давида Штрауса «Жизнь Иисуса» в своё время вызвала много толков. обстоятельно изучив библейские источники, Штраус пришёл к выводу, что евангельские рассказы о жизни Христа

являются мифотворчеством христианских общин. Взгляды Штрауса были осуждены православным ведомством, а его книги подвергались запрещению с 1835 по 1906 г.

«Автор, — писали защитники православия, — колеблет христианскую веру в самых её основаниях и уничтожает не только догматическую, но и историческую её сторону, относя равномерно все чудесное и все затруднительное к поэтическим вымыслам и украшениям»⁶⁷.

Кроме работ Д. Штрауса и Э. Ренана, были запрещены также работы прогрессивного французского учёного А. Дрекса. Его книга «Был ли Христос?» числилась в списках запрещённой литературы ещё в 1916 г.

14

Самодержавие и духовное ведомство враждебно относились к распространению в России идей крупнейшего материалиста домарковского периода Людвига Фейербаха (1804-1872 гг.). Атеизм Фейербаха является одним из крупнейших достижений философской мысли до Маркса, он получил высокую оценку основоположников марксизма. По словам Маркса, Фейербах своей критикой религии «сделал эпоху, так как выдвинул на первый план некоторые неприятные христианскому сознанию и важные для успехов критики пункты», свёл «религиозный мир к его земной основе»⁶⁸. Много сделав для раскрытия гносеологических корней религиозного создания, Фейербах, однако, не дошёл до понимания социальных корней и классовой сущности религии, его атеизм не выходил за рамки «буржуазной войны с религией». Ленин, вслед за Энгельсом, упрекал Фейербаха в том, что, борясь против старой религии, он пытался в то же время сочинить новую, «возвышенную» религию⁶⁹.

Считая Фейербаха опаснейшим врагом религии, самодержавие запрещало его произведения, как только они проникали в Россию. В 1852 г. была запрещена работа Фейербаха «О сущности религии». В ней критиковалось религиозное мировоззрение, как мешающее человеку познать природу. В 1862 г. эта работа вышла на русском языке, но была немедленно запрещена.

В 1908 г. закончилась неудачей новая попытка познакомить русских читателей с этой выдающейся работой Фейербаха. «Книга, — писал цензор в своём отзыве, — не утратила в остроте того отрицательного отношения к религии и бытию бога, какими дышат эти популярные лекции... и той хлесткости языка, каким изложены его крайние воззрения»⁷⁰.

В 1860 г. был запрещён большой труд Фейербаха «История новой философии от Бэкона до Спинозы», вышедший в 1833 г. В своём отзыве цензор отмечал, что в этой работе «автор старается убедить читателя, что идея бога есть не что иное, как облик человеческого самопознания»⁷¹.

Работа Фейербаха «Теогония», в которой разбирались и критиковались библейские сказания о создании мира, человека, о жизни на Земле и были разоблачены попытки церковников и попов выдать библейские сказки за непреложную истину, подверглась ожесточённым нападкам защитников религии. «Взгляд автора, — писал в 1892 г. цензор, — ультраматериалистический, стоявший за вечность материи и насмехающийся над учением о сотворении мира всемогущим творцом». Книга была запрещена.

В другой своей работе «Мысли о смерти и бессмертии» Фейербах отрицал личное бессмертие, называл учение о загробной жизни нелепым и преступным, так как оно отвлекало людей от земной жизни. Эта работа, запрещённая в своё время в Германии, была враждебно встречена цензурой в 1907 г. Считая работу Фейербаха «враждебной христианству и вообще религии» за критику религиозного учения о бессмертии души, цензор писал: «Книга Фейербаха увлекательна, но едва ли можно сыскать книгу разрушительнее для христианства».

В 1910 г. в Россию стали проникать отдельные тома сочинений Фейербаха, изданных в Германии в 1903-1910 гг. Цензура запретила распространение работ этого философа - материалиста, дав им следующую характеристику: «Сочинения Фейербаха такого, как известно, свойства, что давность времени не стирает с них того характерного отпечатка, который делает их невозможными... к беспрепятственному распространению»⁷².

Запрещение работ Фейербаха, особенно таких, как «Сущность христианства» и

«Сущность религии», не могло помешать широкому распространению их в рукописных списках и литографированных изданиях.

Литографированные издания сочинений Фейербаха встречались не только среди студентов Московского и Петербургского университетов, но и у семинаристов далёкой Вологодской епархии. Узнав, что у семинаристов Вологодской семинарии найдены литографированные издания сочинений Фейербаха, московский митрополит Филарет предложил виновных студентов исключить, а ректора семинарии Попова за недосмотр уволить.

Большое влияние оказали сочинения Фейербаха на формирование мировоззрения В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского. В революционно-демократических кружках читали и перечитывали книги Фейербаха, его материалистические и атеистические идеи были широко распространены.

Герцен, высоко ценивший материалистическое и атеистическое значение работы Фейербаха «Сущность христианства», называл эту книгу «дивным сочинением, способствовавшим отрезвлению людей от богословия»⁷³. Н. Г. Чернышевский, говоря о влиянии на него идей Фейербаха, писал, что в молодости он знал целые страницы из Фейербаха и усердно перечитывал их.

Самодержавие запрещало не только произведения Фейербаха, но и изложение его взглядов, всякое упоминание о нём. «Н. Г. Чернышевский, — писал Ленин, — выступал в русской литературе ещё в 50-х годах прошлого века, как сторонник Фейербаха, но наша цензура не позволяла ему даже упомянуть имя Фейербаха. В 1888 году в предисловии к предполагаемому третьему изданию "Эстетических отношений искусства к действительности" Н. Г. Чернышевский попытался прямо указать на Фейербаха, но цензура и в 1888 году не пропустила даже простой ссылки на Фейербаха! Предисловие увидело свет только в 1906 году...»⁷⁴.

В 70-х годах XIX в. в церковно-богословских журналах появились статьи о вреде критики Фейербаха, нанесённой христианству, о необходимости борьбы с распространением сочинений Фейербаха в рукописных списках и литографированных изданиях. Эта же борьба против Фейербаха, отражавшая непримиримость материализма и поповщины, велась на страницах церковных журналов и в 900-х годах.

15

Великий английский учёный Чарлз Дарвин — основоположник материалистического учения о происхождении видов — нанёс сокрушительный удар по религии, телеологии и философскому идеализму. Дарвин доказал несостоятельность взглядов о божественном происхождении животных и растений. «Дарвин, — писал В. И. Ленин, — положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, "богом созданные" и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними»⁷⁵.

Учение Дарвина приобрело в России широкую известность. На русском языке вышло в 1861 г. «Происхождение видов». В периодических журналах неоднократно помещались статьи о Дарвине и его учении. Великий русский учёный К. А. Тимирязев познакомил русских читателей с учением Дарвина в статьях, помещённых в 1864 г. в журнале «Отечественные записки».

Идеи Дарвина пропагандировал также революционный демократ Д. И. Писарев. В 1864 г. в журнале «Русское слово» опубликовали его большую статью «Прогресс в мире животных и растений». Писарев отметил значение учения Дарвина, в котором были сформулированы законы исторического развития организмов.

Вспоминая о своей борьбе за дарвинизм, оградивший, по его словам, науку от вторжения богословия, Тимирязев рассказывал о той травле, которая велась против него и учения Дарвина.

Учение Дарвина, подрывавшее в корне религиозные представления о происхождении жизни на Земле, было враждебно встречено православной церковью. Церковники обвиняли дарвинизм, в частности, в том, что он не оставил места для нравственности. Произведения Ч. Дарвина преследовались. В 1871 г. написанная для журнала «Сияние» статья «Понятие о происхождении видов органических форм» была запрещена за то, что в ней проводились взгляды, противоречившие библейским представлениям о

происхождении человека и животных. В журнале «Знание» была опубликована статья «Происхождение человека и половой подбор». За помещение этой статьи журналу сделали предупреждение. В 1876 г. для журнала «Всемирный путешественник» была подготовлена статья «Исторический очерк учения о происхождении организмов», в которой подробно излагалось учение Дарвина. Происхождение человека в этой статье, по словам защитников религии, объяснялось «в явном противоречии с преданиями книги Бытия». Статья предназначалась для дешёвого журнала, что способствовало её запрещению.

В 1890 г. была предпринята попытка ознакомить читателей с вышедшей ещё в 1884 г. книгой: «Чарлз Дарвин и его учение. Афоризмы, собранные из произведений Дарвина, его предшественников и современников». Защитники православия назвали её «катехизисом материалистического отрицания религиозных идей». В книге, писал цензор, даны «выдержки из Дарвина и его комментаторов с целью распространения в публике истин крайнего материализма, отрицающих идею о творце, как привыкли мы по учению библии». Эта книга тоже не увидела свет.

Такая же участь постигла статью А. Никольского «Что сделал для науки Ч. Дарвин?» Цензура нашла неуместным знакомить со взглядами Дарвина многочисленных подписчиков иллюстрированного журнала «Природа и люди», предназначенного для «семейного чтения». В 1893 г. была запрещена вышедшая в Лейпциге книга Сюдекума Альберта «Дарвин. Его жизнь, учение и значение». Внимание цензуры привлекли слова автора, что «все религии излишни и враждебны просвещению и что не бог создал человека, а сами люди делают себе богов». «Антирелигиозное направление» книги, популярность изложения, её доступность и дешевизна поугубили защитников православия, которые постарались помешать русской читающей публике ознакомиться с ней. Редакция журнала «Научное обозрение» в 1895 г. хотела дать своим читателям в виде приложения к журналу книгу Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор». Но за «материалистический характер» она была запрещена⁷⁶.

Учение Дарвина подверглось ожесточённым нападкам духовенства. Не ограничиваясь цензурными преследованиями произведений Дарвина и статей, популяризовавших его учение, церковники в своих проповедях и специальной литературе выступали против дарвинизма, называли учение Дарвина «богохульным», доказывали его «ненаучность», несовместимость с религиозным мировоззрением с учением о нравственности.

Когда профессора Казанского университета Вагнер и Якобий прочли публичные лекции, посвящённые дарвинизму, то казанский архиепископ Антоний выступил с протестом против популяризации идей эволюционизма. Профессор богословия Московского университета протоиерей Н. А. Сергиевский выступил с циклом лекций «О библейской истории сотворения мира в связи с естественной историей», в которых он пытался критиковать дарвинизм за подрыв им авторитета священного писания. В 1862 г. профессор Московской духовной академии П. И. Горский-Платонов в статье «Разбор учения Дарвина о происхождении видов в царстве животном и растительном» пытался опровергнуть дарвинизм с позиций поповщины.

Эволюционное учение «опровергал» С. Глаголев в своей диссертации на соискание степени магистра богословия. В книге «О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого» этот автор, полемизируя с Дарвином, «погружаясь», по его словам, в 17 главах своей обширной диссертации в область геологии, зоологии, антропологии и богословия, пытался доказать, что учение о родстве человека с обезьяной — это якобы «материалистическое предубеждение эпохи» и что библейское учение о происхождении человека — единственно правильное, что библия не находится в противоречии с научными открытиями, а подтверждает и разъясняет их. Священник Мартынов в статье «Эволюционизм перед нравственным судом христианства», помещённой в журнале «Вера и церковь» за 1904 г., обвинял эволюционную теорию в том, что она разрушает общечеловеческую и христианскую мораль. «Между эволюционной теорией и христианством, — писал он, — существует противоречие самое резкое, коренное; эволюционизм отрицает то, что составляет самую сущность религии»⁷⁷. Однако наступило время, когда опровергать дарвинизм одними ссылками на Библию было уже невозможно. Тогда церковники стали уверять, что естествознание

доказывает необходимость бытия божия и что «вера и наука не враги, но подруги и союзницы в общем деле»⁷⁸.

Разоблачая политический смысл гонений на просвещение и дарвинизм, известный учёный Н. А. Морозов писал: «Естественные науки с их дарвинизмом считались возбуждающими вольнодумство, а потому враждебными церковному учению, а с ним и самодержавной власти русских монархов, якобы поставленных самим богом»⁷⁹.

16

Крупнейший немецкий учёный, естествоиспытатель и последователь Дарвина Эрнест Геккель (1834-1919 г.) в своих трудах выступал против идеализма и церковного мракобесия, вскрывал реакционную роль церкви, разоблачал религиозные суеверия и руководителей церкви, называя их «бессовестными шарлатанами и обманщиками». Критикуя воинствующую церковь, Геккель разоблачал вместе с тем учёных — идеалистов, защищавших поповщину.

Церковники резко осуждали материалистические идеи Э. Геккеля, критику им религии и церкви.

В 1873 г. был издан большой труд Э. Геккеля «Естественная история мироздания». Книгу признали крайне опасной и подрывавшей основы религии. «Автор, — писал защитник православия, — развивая материалистическое учение о мироздании, о духовной природе человека, постоянно старается противопоставить выводы этого учения библейским сказаниям о мироздании, о сотворении человека, о всемирном потопе или христианском учении о боге и позволяет себе глумиться над преданиями св. писания и тем вызвать неуважение к авторитету священных книг и христианскому учению вообще»⁸⁰.

В 1879 г. вышла из печати книга Э. Геккеля «История пламенного развития организмов», в которой автор подробно излагал эволюционную теорию. Отзыв об этой книге написал «гаситель мысли», «притеснитель цензуры», начальник главного управления по делам печати, профессор-ориенталист В. В. Григорьев. Что представлял из себя этот мракобес, лучше всего можно судить по его же статье «Умственная диета», вышедшей в 1871 г., где Григорьев писал, что «чтение засоряет мозги», «притупляет природные логические способности» читателя, который якобы «утрачивал всякую возможность ориентироваться в хаосе нахватавшего отовсюду умственного хлама»⁸¹.

О книге Э. Геккеля этот дипломированный враг просвещения писал: «Книга-вредна, как популяризирующая материалистическое учение о происхождении человека. Такая популяризация материализма в деле антропологии много уже причинила вреда русскому обществу».

«За материалистический и совершенно противорелигиозный характер» в апреле 1880 г. книга (975 экземпляров) была уничтожена⁸².

Такая же участь постигла другую книгу Э. Геккеля — «Наше современное знание о происхождении человека», которая представляла собой реферат, прочитанный Э. Геккелем на 4-м международном конгрессе зоологов в 1898 г.

Была запрещена и всемирно известная книга Э. Геккеля «Мировые загадки», где беспощадно критиковались идеализм и поповщина. «Буря, которую вызвали во всех цивилизованных странах "Мировые загадки" Э. Геккеля, — писал Ленин, — замечательно рельефно обнаружила партийность философии в современном обществе, с одной стороны, и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и агностицизмом, с другой. Сотни тысяч экземпляров книги... показали воочию, что книга эта "пошла в народ", что имеются массы читателей, которых сразу привлёк на свою сторону Э. Геккель. Популярная книжечка сделалась орудием классовой борьбы»⁸³.

Первое издание «Мировых загадок», вышедшее в России в 1902 г. тиражом 3 тыс. экземпляров, было немедленно сожжено, так как в книге, по отзыву защитников православия, «красной нитью проходила идея животного происхождения человека». Такая же участь постигла и 2-е издание этой книги, вышедшее в 1906 г. В 1908 г. «Мировые загадки» вновь подверглись репрессиям за «дерзкие выходки против высочайших предметов христианского почитания». Эта боевая книга числилась в списках запрещённой литературы ещё в 1916 г.⁸⁴

Взгляды Э. Геккеля подверглись ожесточённым нападкам в церковной и

поповствующей литературе, а также в лекциях церковников, направленных против материалистического мировоззрения. В 1900 г. священник Павлов в зале Московского синодального училища прочёл лекцию «Бессмертие с точки зрения положительной науки», в которой он пытался доказать превосходство учения православной церкви над взглядами «богохульника», как он назвал Э. Геккеля⁸⁵. «Опровергатель» материалистических идей А. Чемоданов в статье «Научная несостоятельность материалистического монизма», выступая с бранью в адрес Э. Геккеля, критиковал материалистические идеи с церковных позиций⁸⁶. Наряду с церковниками против Геккеля выступали поповствующие профессора во главе с представителем философского идеализма Н. М. Соловьевым. Кроме злобных статей против Геккеля и других материалистов, помещённых в сборнике «Научный атеизм. Сборник статей о профессорах Геккеле, Мечникове и Тимирязеве», вышедшем в 1915 г., Соловьев печатал реакционные статьи в богословских журналах, которые охотно предоставляли ему свои страницы. Так, в журнале «Христианин» была опубликована его статья «Монистическая философия Геккеля в её отношении к науке и религии», в которой Соловьев громил Геккеля за его стремление «разрушить христианскую церковь, уничтожить веру в бога, снять покрывало со всех тайн природы»⁸⁷.

Самодержавие и церковь непримиримо относились к пропаганде научных взглядов Э. Геккеля, так как они подрывали один из устоев самодержавия — религиозное мировоззрение.

Борьба Геккеля с религией не была последовательной. Показав «неискоренимость естественно-исторического материализма», «непримиримость его со всей казённой профессорской философией и теологией», Геккель, как писал Ленин, в то же время выдумывал «свою религию... , отстаивая принципиально союз религии с наукой»⁸⁸.

17

Самодержавие пыталось помешать распространению в России великих идей научного коммунизма. Произведения Маркса и Энгельса запрещались и уничтожались, за хранение отдельных работ Маркса и Энгельса привлекали к ответственности. Свирепость царской цензуры и царской полиции увеличивалась в связи с ростом революционного пролетариата, в период развёртывания острой классовой борьбы.

Указывая на огромную революционизирующую силу великих идей Маркса — Энгельса, призывавших пролетариат к борьбе с эксплуататорами, царская цензура всякий раз отмечала атеистический характер их бессмертных произведений. Уничтожая научные произведения Маркса — Энгельса, самодержавие защищало религию, служившую интересам эксплуататорских классов.

В 1878 г., рассматривая вопрос о выпуске работы Ф. Энгельса «Переворот в науке, произведённый Е. Дюрингом», цензор указывал на опасность издания этой книги. Он цитировал данное Энгельсом определение религии, как фантастического отражения в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневном существовании. В качестве одного из аргументов для запрещения этого произведения был указан его атеистический характер. В 1894 г. труд Энгельса вновь подвергся репрессиям, причём и на этот раз одним из мотивов запрещения был его атеистический характер.

В 1904 г. эта работа была опять задержана, а издателю предложили исключить ту часть текста, где встречались «резкие нападки на христианскую религию и христианскую нравственность»⁸⁹.

В 1888 г. цензура запретила труд Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». «В нём, — писал защитник церкви, — проведён по отношению к объяснению мировых явлений и признан за непреложную истину крайне материалистический, подрывающий всякую положительную религию взгляд. Развитие и признание этого взгляда тем легче может поколебать религиозные чувства малоопытного читателя, что опирается, по-видимому, на основания, заимствованные из области точных наук»⁹⁰.

Изложение бессмертных идей марксизма живым языком казалось цензуре особенно опасным. Защитники религии считали, что труд Энгельса, вскрывавший противоположность научного мировоззрения религиозному, «легко может произвести

смуту и вредное влияние в голове неподготовленного читателя», т.е., что блестящее изложение Энгельсом марксистского учения о религии неизбежно вызовет критическое отношение к ней.

Через 20 лет, в 1907 г., это произведение Энгельса по тем же мотивам было запрещено в четвёртый раз.

В 1901-1902 г. рассматривался вопрос об издании I-III томов собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Включив в отзыв ряд мест, содержащих критику христианства и всякой религии, цензор своё заключение о недопустимости издания этих книг закончил словами: «Явная противообщественность, противохристианство и даже вообще противорелигиозность направления всей книги от начала до конца даёт полное основание к тому, чтобы подвергнуть её цензурному запрещению». Вместе с тем было отмечено, что книга «должна зажигательно действовать на умы всех мало-мальски расположенных внимать их учению»⁹¹. Книга была запрещена за её «противохристианство и даже вообще противорелигиозность».

В 1914 г. такая же участь постигла работу Ф. Энгельса «Принципы коммунизма» (первоначальный проект Коммунистического манифеста). Одним из мотивов её запрещения была критика Энгельсом религии. В своём отзыве цензор с возмущением писал, что в книге Энгельса вопрос об удовлетворении религиозной потребности в будущем обществе разрешится просто: «таких потребностей больше не будет, так как исчезнет вера в неземные силы, как исчезнут короли, солдаты и попы»⁹².

В 1915 г. внимание цензуры привлёк изданный в Одессе труд Ф. Энгельса «От классического идеализма к диалектическому материализму». «Хотя настоящая брошюра, — писал цензор, — посвящена вопросам философии и отвлечённой идеологии, но в ней красной нитью проходит намерение автора утвердить в уме читателя материалистическое убеждение в ущерб всяким религиозным верованиям».

Особенное негодование официального защитника религии вызвали слова Энгельса, что господствующие классы пользуются христианством, «как средством управления, с помощью которого можно сдерживать низшие классы в известных границах»⁹³. Разоблачение Энгельсом реакционной роли религии и христианства и вскрытие им социальных корней религии цензор квалифицировал, как «кощунство». Суд признал труд Энгельса «явно кощунственным», тираж книги был уничтожен. Цензурным репрессиям подвергались также и многие произведения В. И. Ленина. В указателе запрещённых книг, составленном в 1914 г., помещено 13 произведений В. И. Ленина, запрещённых царской цензурой.

Самодержавие также не допускало ознакомления русского общества с идеями Маркса и Энгельса через периодическую печать, особенно марксистскую. В 1897 г. за статью о Марксе был приостановлен на 4 месяца выпуск первой легальной марксистской газеты «Самарский вестник». В ней нашли «пропагандирование самых крайних атеистических и материалистических учений».

Борьба с распространением идей марксизма велась не только цензурными запрещениями. В церковных журналах систематически помещались статьи с критикой учения основоположников марксизма. Первые статьи против марксизма в церковной литературе появились в 70-х годах XIX в. Таковы, например, «Христианство и т. н. социализм» А. Надеждина и «Коммунизм и христианская любовь» Л. Родосского, помещённые в журнале «Странник» в 1870 г., статья «О христианстве и социализме», опубликованная в 1875 г. в журнале «Христианское чтение». Но особенно много писалось против марксизма в годы, предшествовавшие первой русской революции, и в годы реакции. В «Трудах Киевской духовной академии» были напечатаны статьи архимандрита Платона «Христианство и социализм», протоиерея Стеллецкого «Социализм, его история, оценка с христианской точки зрения», в органе Казанской духовной академии «Православный собеседник» — статья К. Григорьева «Разбор мнений представителей современного социализма о христианстве», в органе Московской духовной академии «Богословский вестник» — «Политические партии и их идеалы» В. Мышцына. Во всех этих статьях авторы, не скрывая ненависти к марксизму, проявляли вместе с тем исключительное невежество. Церковные критики марксизма обвиняли Маркса и Энгельса в аморальности, в том, что для них «этика и философия —

пережитки старой идеологии» и даже в том, что в трудах Маркса и Энгельса было, по их словам, «грубое отступление от научного социализма».

Научное значение марксизма пытался отрицать священник Н. Чипурин в статье, помещённой в журнале «Вера и разум» за 1908 г. Уже в самом названии «Религиозно - нравственное брожение в среде нашего общества и желательная борьба с ним» подчёркивалось, что автор ставит своей задачей борьбу с ростом атеистического движения. Чипурин обвинял русское общество в том, что оно, отвернувшись от евангелия, «уверовало в 3 тома марксова "Капитала"» и что оно «с сектантским фанатизмом стремится к наступлению царства небесного на земле» путём «диктатуры пролетариата» и «экспроприации экспроприаторов»⁹⁴.

В отчёте за 1905-1907 гг. обер-прокурор синода Победоносцев отмечал, что одним из средств борьбы с революционным марксизмом должно быть объединение рабочих вокруг церкви. А московский митрополит Владимир в статье «Наша пастырская задача в борьбе с социал-демократической пропагандой» призывал к физической расправе с последователями марксизма, членами большевистской организации⁹⁵.

18

Как мы видели, православная церковь относилась к науке, особенно материалистической, с непримиримой враждебностью. Пытаясь обосновать учение о личном божестве, как создателе и управителе вселенной, церковные публицисты нападали прежде всего на принцип материальности мира. Профессор Ф. Голубинский в статье «О промысле божьем», защищая религиозный миф о создании мира богом, писал: «Бог непрестанно поддерживает бытие, силы и законы всех тварей и направляет все события в мире к благим целям»⁹⁶.

Церковники отрицали объективный характер законов природы, её вечность. Из этого делался вывод о возможности и достоверности чудес. «Бог побеждает законы естества», — говорили они⁹⁷.

Религия объявлялась единственным критерием истины; научное мировоззрение отвергалось, как противоречащее этому критерию. «Все суждения, несогласные со словом божьим, ошибочны и лживы», — провозглашали церковники⁹⁸.

Церковные публицисты пытались доказать, что наука не принесла человечеству никакой практической пользы, что она бесплодна. «После грехопадения, — писал соборный протоиерей Афанасий, — началось оскуднение земли. Чтобы спасти себя, люди прибегали к науке. Но чем более наука удовлетворяет потребности, тем скорее они растут». И он делает вывод: «Наука — дело лишнее и даже вредное»⁹⁹.

Говоря о бессилии науки и её враждебности религии, церковники настраивали народ против учёных и просвещения, убеждая его в том, что для практической жизни совершенно достаточно одной библии. «Давайте сюда системы всех философов, — писал священник Константинов, — соберите любомудров прошлых и настоящих веков; а я представлю простейшего из моих собратьев — простолюдинов... только с одной библией»¹⁰⁰.

Так же враждебно выступали церковники против материалистического мировоззрения в 90-х годах XIX в. и в начале XX столетия. Церковные публицисты пытались доказать ограниченность научного познания о мире, его несовершенство. «Наука не знает, — писал профессор Московской духовной академии С. Глаголев, — погибнет ли Земля и как она погибнет. Это решение может дать не знание, а вера». Другой церковник Г. Смыслов в статье «О взаимных отношениях христианской веры и знания» поносил науку, чуждую вере, за то, что она «кичится, обольщает людей», «не даёт выкупа за душу»¹⁰¹. Профессор духовной академии М. Богословский в статье «Христианское учение в сопоставлении с некоторыми мнимонаучными мнениями нашего времени» объявил всякое научное знание, идущее против религии, «мнимонаучным, недоказанным и ложным»¹⁰².

Политика непризнания науки и враждебного к ней отношения не смогла помешать развитию научных идей, широкому распространению материалистического мировоззрения. Поэтому церковь вынуждена была изменить своё отношение к науке. Её идеологи стали доказывать, что между наукой и религией якобы нет противоречий, что естествознание и социальные науки не опровергают откровений и чудес, а согласуются

с ними. Уже в 60-х годах XIX в. были попытки примирить религию и науку. «Неправильно утверждать, будто наука противоположна вере, — заявил автор статьи «Несколько слов о связи между верой и наукой», помещённой в церковном журнале. Он предлагал «воздать науке должное, пусть только действует в своей сфере»¹⁰³.

Герцен дал плавную отповедь попыткам церковников примирить религию и науку. Он подчёркивал враждебность и непримиримость науки с религией, недопустимость между ними какого-либо союза. «Поймите, наконец, — писал он, — нет вам бога... Поймите, что нельзя проповедовать в одно и то же время христианскую нищету и политическую экономию, социальные теории и безусловное право собственности»¹⁰⁴.

В статье «Об отношении философии и естественных наук» профессор Московской духовной академии С. Глаголев, фальсифицируя данные науки, пытался доказать, что современное естествознание подтверждает библейские сказки о сотворении мира, а исследования об изменчивости видов — три важных догмата христианской церкви: сотворение человека, грехопадение его и искупление¹⁰⁵.

В другой статье «Чудо и наука» тот же богослов, стремясь примирить религию с наукой, утверждал, что мир можно понять только в том случае, если представлять его конечным, а это предполагает его творение, т.е. чудо. «Чтобы найти смысл в существовании человека, — писал он, — мы должны признать его нравственно-свободной личностью, т.е. предположить чудо. Отрицание чуда ведёт к признанию существующего мира лишённым разумности». Вера в чудеса, писал Глаголев, является «регулятивным принципом в миропонимании и мировоззрении. Поэтому наука, отрицающая чудеса, не может быть признана истинной наукой»¹⁰⁶.

Протоиерей С. Остроумов в статье «Суждения замечательных естествоиспытателей в защиту христианской церкви» выступал против тех, кто считал, что естествознание опасно для религии и ведёт к атеизму. Приведя имена поповствующих учёных — идеалистов, согласовавших данные науки с библейской традицией, он пытался убедить своих читателей, что наука и религия могут жить в тесном союзе, не противореча друг другу. Нужно только церковникам вооружиться данными науки и использовать их в своей пропаганде¹⁰⁷.

Духовное ведомство понимало, что открытое выступление против науки может повредить религии, отпугнуть от церкви. Оно советовало церковникам бороться с наукой более тонкими методами, предлагало доказывать и убеждать, что наука не противоречит религии, а защищает её, что «здравые научные познания вполне совместимы с искренней верой, современные открытия с вечными началами духовной жизни».

Церковники поддерживали также различные религиозно-философские общества, возникшие в начале 900-х годов, видя в них средство пропаганды религиозного мировоззрения.

В числе учредителей петербургского религиозно-философского общества были: 1-й помощник петербургского митрополита епископ Сергей, профессора Петербургской духовной академии А. Карташев и В. Успенский, ректор Петербургской духовной академии архимандрит Сергей, чиновники синода В. Тернавцев и В. Скворцов.

Проповедуя в обществе необходимость «сближения» интеллигенции с религией, церковники агитировали за распространение поповско-идеалистической идеологии.

Религиозно-философские общества получили особенное развитие в годы реакции, после поражения революции 1905-1907 гг.

В период огромных достижений научно материалистического мировоззрения и распространения рабочего революционного движения, самодержавие и буржуазия вместо с церковниками стремились скрыть коренную противоположность науки и религии. Они стремились отравить народные массы религиозным ядом, оторвать их от революционной борьбы. «Не случайно, — писал Ленин, — но в силу необходимости вся наша реакция вообще, либеральная..., в частности "бросились" на религию. Одной палки, одного кнута мало; палка все-таки надломана. Веховцы помогают передовой буржуазии обзавестись новейшей идейной палкой, духовной палкой»¹⁸.

Проповедь примирения религии с наукой и марксизмом Ленин рассматривал как попытку разгромить научно-атеистическое мировоззрение.

Непримиримую борьбу против поповщины и мракобесия, против попыток задушить русскую науку вели передовые представители просвещения и особенно социал-демократы-большевики. Большевистская партия выступала против реакционной политики церкви и царизма в области просвещения, против религии и церкви как одной из важнейших опор самодержавия, организовывала и возглавляла борьбу трудящихся масс за освобождение, за подлинное просвещение народа. Однако лишь в результате завоевания власти пролетариатом в октябре 1917 г. стало возможным подлинное просвещение широких народных масс. Одним из первых актов советского правительства было изъятие всего дела народного просвещения из духовного ведомства и передача его Министерству народного просвещения, чем было ликвидировано идеологическое влияние церкви на воспитание детей и юношества. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви устранил духовенство от воспитания. В советский период, когда в основу организации просвещения были положены ленинские принципы построения социалистического общества, школа стала подлинно народной.

1. «Журнал московской патриархии», № 5, 1956, стр. 66.
2. А. Пятковский. Из истории нашего литературного и общественного развития, т. II. СПб., 1876, стр. 275.
3. П. Светлов. Духовная цензура. СПб., 1905, стр. 3.
4. «Полное собрание законов Российской империи». Собрание 1, т. VI, № 3675.
5. И. Семейников. К истории цензуры в екатерининскую эпоху. «Русский библиофил», кн. 1, 1913, стр. 55.
6. Г. Репинский. Цензура в России при Павле I. «Русская старина», кн. X, 1873, стр. 589; кн. XI, 1875, стр. 454 - 469.
7. Д. Шамрай. Цензурный надзор за типографией шляхетского корпуса. М., 1940, стр. 302.
8. М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М., 1950, стр. 397.
9. «Чтения общества истории и древности российских», кн. 1. М., 1867, стр. 7 - 8.
10. П. П. Пекарский. История Академии наук, т. II. СПб., 1873, стр. 603 - 604.
11. П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 671.
12. «Русская старина», кн. X, 1873, стр. 463.
13. «Под знаменем науки. Сборник в честь Н. И. Стороженко». СПб., 1902, стр. 699.
14. В. Сиповский. Из истории русской мысли XVIII в «Голос минувшего», № 1, 1914, стр. 114.
15. «Под знаменем науки»... стр. 703; «Древняя и новая Россия», № 3, 1878, стр. 279.
16. В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 4.
17. «Под знаменем науки»... стр. 703; см. также: «Труды Киевской духовной академии», кн. 38, 1868, стр. 125.
18. «Под знаменем науки»... стр. 704.
19. А. Каганова. Французская буржуазная революция и современная русская пресса. «Вопросы истории», № 7, 1937; Е. Боброва. Руссо. «Книжные новости», № 2, 1937, стр. 6.
20. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 9, СПб., 1895, стр. 272.
21. «Литературное наследство», т. 33-34, 1938, стр. 276.
22. «Материалы по новейшей истории русской цензуры». Штутгарт, 1903, стр. 189.
23. «Архивное дело», № 1 (45), 1938, стр. 93.
24. «Книжные новости», № 18, 1937, стр. 64.
25. «Книжные новости», № 18, 1937, стр. 64; «Материалы по новейшей истории цензуры», стр. 190.
26. А. Котович. История духовной цензуры. СПб., 1909, стр. 457.
27. «Архивное дело», № 1 (45), 1938, стр. 86.
28. Л. М. Добровольский. Русская запрещённая книга 1855 - 1905 гг. Л., 1945, стр. 184, диссертация.
29. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 14 - 15.
30. «Русская старина», № 4, 1872, стр. 560.
31. А. Н. Радищев. Избранные философские и общеполитические произведения. М.,

1952, стр. 479.

32. Н. П. Павлов - Сильванский. Материалисты 20-х годов XIX в. Очерки. «Былое», № 7, 1907, стр. 126.

33. Л. М. Добровольский. Указ. соч., стр. 494.

34. Следственное дело о Кречетове опубликовано М. Корольковым в журнале «Былое» (№ 4, 1906); см. также статью Л. Светлова «А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в.» в сб. «Из истории русской философии XVIII - XIX вв.» М., 1952, стр. 52 - 64.

35. «Русский архив», кн. 1, 1899, стр. 83.

36. «Былое», кн. 8, 1922, стр. 7.

37. «Русское обозрение», кн. 7, 1897, стр. 161.

38. «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры». СПб., 1862, стр. 11.

39. Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 174.

40. Л. Котович. Указ. соч., стр. 544.

41. Там же, стр. 545.

42. М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры. СПб., 1914, стр. 267.

43. «Русская старина», кн. X, 1903, стр. 219.

44. «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре 1720 - 1862 г.». СПб., 1862, стр. 288.

45. «Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре ведомства православного исповедания с 1720 по 1870 г.». СПб., 1870, стр. 131.

46. «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре». СПб., 1862, стр. 294 - 296.

47. «Русская старина», кн. II, 1904, стр. 433 - 434.

48. Н. М. Остроглазов. Редкие и ценные книги. «Русский архив», № 2, 1914, стр. 285.

49. «Материалы по новейшей истории русской цензуры», стр. 190; см. также: Л. М. Добровольский. Указ. соч., стр. 247.

50. «Материалы по новейшей истории русской цензуры», стр. 190; Л. М. Добровольский. Указ. соч... стр. 306.

51. «Материалы по новейшей истории русской цензуры», стр. 193.

52. «Сборник распоряжений по делам печати с 1863 по 1 сентября 1865 г.». СПб., 1865, стр. 76.

53. «Материалы по пересмотру действующих постановлений о цензуре и печати», ч. 1. СПб., 1870, стр. 499 - 505.

54. В. Прокофьев. Атеизм русских революционных демократов. М., 1965, стр. 88.

55. «Труды Киевской духовной академии», кн. 1, 1869, стр. 11; см. также: Е. Будилова. Борьба церкви против рефлексорной теории И. М. Сеченова. «Вопросы истории религии и атеизма», № 3, 1955, стр. 456.

56. В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 26.

57. В. Евгеньев - Максимов. Очерки по истории социалистической печати. М., 1927, стр. 117.

58. В. Евгеньев - Максимов. Из прошлого русской журналистики. М., 1930, стр. 270.

59. «Материалы, собранные особой комиссией по пересмотру действующих постановлений о цензуре и печати». СПб., 1870, стр. 131.

60. Там же, стр. 526 - 532.

61. Л. М. Добровольский. Указ. соч., стр. 311.

62. А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 9. Пг., 1919, стр. 561 - 562.

63. «Голос минувшего», № 1, 1917, стр. 289.

64. А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 10, стр. 144.

65. «Русское обозрение», КП. 8, 1893, стр. 354.

66. «Материалы, собранные особой комиссией по пересмотру действующих постановлений о цензуре и печати». СПб., 1870, стр. 189 - 258.

67. «Архивное дело», № 1 (45), 1938, стр. 91.

68. К. Маркс. Избранные письма. М., Госполитиздат, 1948, стр. 152.

69. В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 371, 374, 379.

70. «Архивное дело», № 1 (45), 1938, стр. 88.

71. «Вопросы философии», № 9, 1958, стр. 89.

72. «Архивное дело», № 1 (45), 1938, стр. 86 - 87.

73. А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 8, стр. 156.
74. В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 344.
75. Там же, т. 1, стр. 124.
76. «Вопросы истории религии и атеизма», № 7, 1960, стр. 411 - 421; см. также: «Архивное дело», № 1 (45), стр. 89.
77. «Вера и церковь», кн. 2, 1904.
78. «Вера и церковь», кн. 10, 1899.
79. Н. А. Морозов. Повесть моей жизни, т. I. М., Изд - во АН СССР, 1947, стр. 12 - 13.
80. «Материалы по истории новейшей русской цензуры», стр. 190.
81. Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев. М., 1898, стр. 280 - 261.
82. Л. М. Добровольский. Указ. соч., стр. 315.
83. В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 334.
84. И. М. Остроглазов. Редкие и ценные книги. «Русский архив», № 2, 1914, стр. 302; см. также: Л. М. Добровольский. Указ. соч., стр. 302.
85. «Вера и церковь», кн. 2, 1901.
86. «Вера и разум», кн. 5, 1907.
87. «Христианин», кн. 10, 1909.
88. В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 335.
89. «Историк - марксист», кн. 8 - 9, 1935, стр. 65.
90. Там же, стр. 71.
91. Там же, стр. 78 - 79.
92. Там же, стр. 88.
93. Там же, стр. 72.
94. «Вера и разум», кн. 5, 1908, стр. 628.
95. «Церковные ведомости», № 14, 1907.
96. «Странник», кн. XII, 1862, стр. 594.
97. «Странник», кн. X, 1863, стр. 516.
98. «Странник», кн. II, 1863, стр. 43.
99. «Странник», кн. I, 1862, стр. 26.
100. «Домашняя беседа», вып. 2, 1862, стр. 55.
101. «Вера и церковь», № 3, 1900, стр. 325 - 326.
102. «Вера и разум», № 4, 1901, стр. 477-502.
103. «Духовный вестник», кн. V, 1863.
104. А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. 15, стр. 291.
105. «Богословский вестник», № 12, 1892, стр. 370 - 390.
106. «Богословский вестник», № 6, 1893.
107. «Вера и разум», № 8, 1901, стр. 334 - 352.
108. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 54.